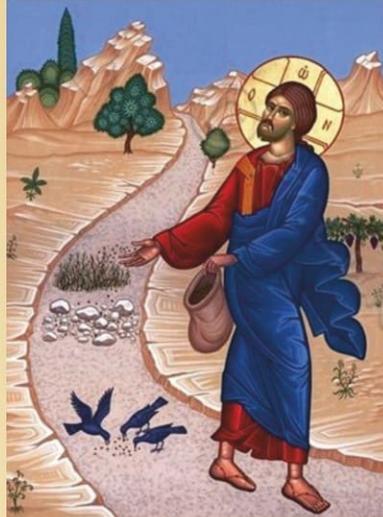

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Выпуск 2
2017

Притча о сеятеле

*Вот, вышел сеятель сеять;
и, когда сеял, случилось, что иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то.*

*Иное упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока;
когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло.*

Иное упало в тернии, и тернии выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода.

И иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто.

И сказал им: кто имеет уши слышать, да слышит!

Когда же остался без народа, окружающие Его, вместе с двенадцатью, спросили Его о притче.

И сказал им: вам дано знать тайны Царства Божьего, а тем внешним все бывает в притчах;

так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи.

И говорит им: не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи? Сеятель слово сеет.

Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сатана и похищает слово, посеянное в их сердцах.

Подобным образом и посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются.

Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы этого века, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода.

А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат. (Мк 4,3-20)

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Издается по благословию
Преосвященнейшего Софрония,
епископа Губкинского и Грайворонского

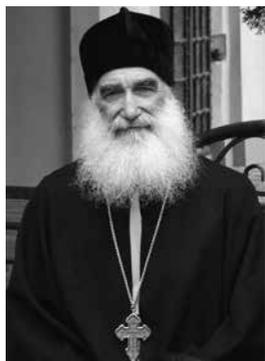
Смысл притчи о Сеятеле достаточно подробно объяснён самим Господом. К евангельскому объяснению можно ещё прибавить, что Сеятель – это сам Господь, семя – Слово Божие, поле – всё человечество, весь мир, воспринимающий в свои недра чудодейственное семя евангельского слова. Подобно семени, евангельское слово носит в себе начало жизни, жизни истинной, духовной, ибо что такое истинная жизнь? Сия же есть жизнь вечная, – отвечает Господь в Своей первосвященнической молитве, – да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа (Ин. XVII, 3). Евангельское слово даёт это знание истинного Бога, и потому оно является дивным семенем спасения и жизни. Брошенное в человеческое сердце, оно при благоприятных условиях возрастает и приносит плоды – добрые дела и святую жизнь. Подобно семени, оно вечно носит в себе эту живую силу.

В настоящее время, как и девятнадцать веков тому назад, оно одинаково волнует и трогает, радует и утешает, судит и смиряет, затрагивая самые сокровенные струны человеческого сердца.

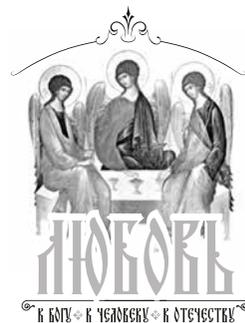
Умирают философские системы, забываются политические теории, блекнут цветы поэзии, но слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные (Евр. IV, 12). В нём скрыта вечно живая истина.

Но, обладая всегда этой скрытой живой силой в одинаковой степени, слово Божие не всегда даёт одинаковый урожай. Это зависит от той почвы, в которую оно падает, и здесь притча приобретает для нас особенно жгучий, живой, личный интерес, ибо почва эта – наше сердце. Мы все, слушатели и читатели слова Божия, получаем свою долю святых семян; мы все, наверное, хотели бы, чтобы в нашем сердце была плодородная почва, приносящая стократный урожай, и вопрос, почему этого не бывает и почему всходы так чахлы, убоги и перемешаны с сорной травой, – вопрос этот, конечно, для нас далеко не безразличный.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЛКОВАНИЯ НА СТР. 110

СЛОВО РЕДАКТОРА

Взирая на сегодняшний мир, диву даёшься, как быстро он меняется, ловко захватывая нас в свои бесконечные водовороты самых разных и подчас неожиданных событий и явлений. Однако, несмотря на все эти водовороты, человек остаётся прежним в своём желании любить и быть любимым. Но возможностей у него для этого остаётся всё меньше и меньше, ибо как написано в Евангелии от Матфея «по причине преумножения беззакония, во многих охладает любовь» (Мф. 24, 12).

Не по той ли причине ровно 100 лет назад в России произошло событие, которое одни называют революционным переворотом, а другие Великой Октябрьской революцией – событие, о котором особенно сейчас так много говорят, пытаясь ответить на не праздный вопрос, чем же оно является для нас – великой трагедией или великим благодеянием?

Предельно ясный и точный ответ даёт словарь, где в переводе с латинского революция – это катастрофа. Казалось бы, ответ недвусмысленный, но споры, однако, не утихают.

Бывает, споткнёшься и набьёшь себе шишку. С одной стороны, это, конечно, плохо и вдобавок больно, но с другой стороны – становишься осторожнее или, может быть, даже мудрее, начиная себя тренировать и более внимательно всматриваться в дорогу, по которой идёшь.

А тогда, в 17-м, споткнулась и очень больно ушиблась вся наша держава. Но разве не должно было этому случиться, когда представители высшего русского общества знали Европу как свои пять пальцев и везли оттуда не только красивые наряды, но и чужеродные идеи? И, может быть, не надо теперь спорить с пеной у рта и доводить дело до драки, а стоит попытаться спокойно и честно разобраться в том, что с нами тогда произошло. Да вот только без настоящей любви сделать это очень сложно.

Будучи глубоким старцем, апостол Иоанн гениально просто сумел выразить сущность Божества и определить главную задачу человека, сказав, что «Бог есть Любовь и пребывающий в Боге, в любви пребывает» (1 Ин. 4, 16).

Именно по любви Творец создаёт Небо и Землю, наделяя ангелов и человека даром свободы. Но часть ангелов во главе с Денницей, ставшим впоследствии – дьяволом, восстаёт против Бога и отпадает от Него. Вот они – первые революционеры, бунтующие против Любви и не согласные с тем, что именно Она должна править миром. Соблазняется и Адам, совершая роковую ошибку, но в конечном итоге раскаивается, и Бог принимает его покаяние. Но семя греха даёт свои всходы. Часть потомков первого человека теперь будет сомневаться в Промысле Божиим и пополнять впо-

следствии ряды тех, для кого Божественная любовь либо вовсе не существует, либо является понятием расплывчатым.

Ярким примером тому может послужить грустный опыт современной Западной Европы, где в результате утери живой веры во Христа Евангельское понимание Любви как Божественной сущности и как главной цели человеческого бытия искажается до неузнаваемости. Она трансформируется в гуманизм, который даёт право абстрактно любить всех, но конкретно никого, кроме себя.

Североамериканское общество, имеющее корнями протестантизм, идёт ещё дальше в искажении веры, опыта жизни и, как следствие, понимания любви. Результат не просто плачевный, он ужасающий: признание однополых браков и сатанинской церкви, попытки клонирования человека и эвтаназия. Кажется, этого уже вполне достаточно, чтобы говорить о закате вышеупомянутой цивилизации, несмотря на её кажущуюся внешнюю мощь.

А что же наше Отечество? Россия, пройдя сквозь страшные годы революционного лихолетья и кровопролитной Великой Отечественной, а затем – не менее страшные 90-е годы перестроек и перестрелок, вопреки человеческой логике начинает путь своего возрождения, и только абсолютно незрячий человек не может этого заметить.

Почему же мы не разменяли христианскую любовь на гуманизм, а по нашим улицам не шествуют парады нетрадиционных меньшинств и в наших школах преподают Основы православной культуры и светской этики, а не сатанизм? А потому что вера наша не претерпела за свою 1000-летнюю историю никаких изменений, и народ наш пока ещё понимает, что Православная Церковь являет-

ся хранительницей этой веры, которая лежит в фундаменте наших народных традиций и великой русской культуры. Нам нужно лишь повнимательнее всмотреться в нашу добрую и светлую «старину», которая при более пристальном на неё взгляде обнаруживает свою вечную молодость и до сих пор позволяет нам преодолевать невероятные испытания и оставаться непобеждёнными.

В 4-м веке преподобный Иоанн Кассиан Римлянин произнёс удивительные слова: «Верх святости и совершенства состоит не в совершении чудес, но в чистоте любви. И справедливо. Ибо чудеса должны прекратиться и уничтожиться, а любовь всегда останется (см.: 1 Кор.13, 8)». Найдётся ли нынче смельчак, который смог бы опровергнуть эти слова? Едва ли. Но если и найдётся, то это будет уже не смельчак, а безумец.

Взирая на сегодняшний мир, диву даёшься, как быстро он меняется, но человек, несмотря на это, всё-таки остаётся прежним в своём желании любить и быть любимым, а слова святого Иоанна неопровержимо свидетельствуют об этом. Ведь не просто так отдавали свои жизни за чистоту веры тысячи и тысячи святых и особенно русских в первой половине 20-го века, показывая тем самым всему миру, что жизнь вне Христа и Его Любви бессмысленна и рано или поздно приводит как отдельную душу, так и общество в целом к распаду. Эти «гиганты духа», движимые любовью, имели целостное восприятие мира, в отличие от нас, живущих мгновениями. И если мы хоть сколько-то будем им подражать, наша жизнь обязательно начнёт меняться к лучшему. А это значит, что будет меняться и весь мир, в котором мы живём, и, в первую очередь, конечно же, наше родное Отечество.

БЕЛГОРОД – ГУБКИН – РАКИТНОЕ

ЦЕНТР СОБИРАНИЯ РУССКОГО ОПЫТА

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИМЕНИ
АРХИМАНДРИТА СЕРАФИМА (ТЯПОЧКИНА)

РЕДАКТОР:

Протоиерей Николай Германский

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
АЛЬМАНАХА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»:**

В.В. Аксючиц – философ, общественный деятель

В.И. Аннушкин – доктор филологических наук,
профессор Государственного института русского
языка имени А.С. Пушкина

В.В. Блохин – доктор исторических наук, профес-
сор, заведующий кафедрой истории и социаль-
но-экономических дисциплин РУДН

А.В. Богатырёв – режиссёр-документалист,
писатель

В.Д. Ирзабеков – писатель, публицист, гл. редак-
тор портала Благотворительного фонда свт.
Луки (Войно-Ясенецкого)

М.Г. Калинин – ответственный секретарь и
член Союза кинематографистов России, пер-
вый вице-президент Международной Академии
творчества

А.Ю. Минаков – доктор исторических наук, про-
фессор Воронежского государственного уни-
верситета, руководитель Центра по изучению
консерватизма

С.А. Минаков – член Союза писателей России

Т.В. Москвина-Ященко – киновед, преподаватель
ВГИКа, член жюри кинофестиваля «Радонеж»

В.В. Овчинников – чл.-корр. Международной Кирил-
ло-Мефодиевской академии славянского просве-
щения, заслуженный работник культуры РФ

Н.М. Ракитянский – доктор психологических
наук, профессор кафедры социологии и психо-
логии политики факультета политологии МГУ
им. М.В. Ломоносова

В.Н. Расторгуев – доктор философских наук, профес-
сор кафедры философии политики и права фило-
софского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В.И. Теличкина – народная артистка Российской
Федерации

В.И. Тонких – заместитель председателя Союза
кинематографистов России, политолог

В.Н. Тростников – писатель, кандидат философ-
ских наук

И.А. Чарота – доктор филологических наук, про-
фессор, академик Сербской Академии наук и
искусств, зав. кафедрой славянских литератур
Белорусского государственного университета

ТЕХ. РЕДАКТОР Е.В. Сичкарева

КОРРЕКТОР Е.С. Степанова

Подписано в печать 22.02.2017. Формат 60x84/8.
Объём 22,5 п. л. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м².
Тираж 3000 экз. Заказ № 37425

Издательство «КОНСТАНТА»

308000, г. Белгород, ул. Михайловское шоссе, 27а

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»

308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,
п. Северный, ул. Березовая, 1/12.

Тел./факс (4722) 300-720,

www.konstanta-print.ru

Русская мысль		
Игорь Андрушкевич	К 300-летию Санкт-Петербурга	6
Владимир Блохин	«Свобода следует за верой». Размышления о русской идее в XXI веке	19
Василий Ирзабеков	Язык Бога или язык черни?	25
Вадим Кожин	Несколько соображений о грядущем пути России	30
Валерий Расторгуев	Политический выбор великороссов	41
Виктор Тростников	Русскую историю надо воспринимать как единое целое	52
Игорь Шафаревич	Почему русские терпят?	60
Цивилизация		
Ольга Бердникова	Философские, религиозные и литературные парадоксы русского зарубежья 1920-1930-х годов	65
Александр Евдокимов	Единство духовно-нравственного и экологического образования и воспитания	71
Николай Леонов	Беседа о событиях на Украине	74
Протоиерей	Подвиг новомучеников и исповедников Церкви Русской как ответ Святой Руси на революционное безумие	82
Николай Германский	Категория менталитета в пространстве психологии веры	90
Николай Ракитянский	100 лет со дня безбожной революции: духовная проекция значения православной империи сквозь призму творчества святителя Николая Сербского	97
Ранко Гойкович		
Слово святителя		
	Послание Святейшего Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров по случаю первой годовщины октябрьской революции	108
	Молитва Святителю Тихону, патриарху Московскому и Всея Руси	111
Русские судьбы		
Константин Рыжов	Три стихии русской революции (Александр Колчак – Нестор Махно – Михаил Тухачевский)	112
Духовное наследие		
Святитель Василий Кинешемский	Толкование на Евангелие от Марка (Притча о сеятеле)	135
Никодим Святогорец	О молитве Иисусовой	144
	Предисловие к книге старца Иосифа «Выражение монашеского опыта» проигумена святой общежительной обители преподобного Филофея на Святой горе архимандрита Ефрема	147
Старец Иосиф	Письма к монашествующим и мирянам. «Напишу для моего сына маленькое сочинение...»	152
	«Московский златоуст»	154
	Акафист «Слава Богу за всё»	155
Церковь и время		
Архимандрит Рафаил (Карелин)	Об отрицании Церкви	160
Василий Томачинский	Жизнь, изменённая иконой	165
Родные имена		
Ф.М. Достоевский	О любви к народу. Необходимый контракт с народом	167
Иван Ильин	Почему мы верим в Россию?	172
Святитель Николай Сербский	Не обкрадывай Родину	177
Книжная полка		
А.И. Куприн	Христоропцы	180
П. Калиновский	Из книги «Переход: последняя болезнь, смерть и после»	182
Чистое слово		
А.П. Чехов	На Страстной неделе	186
И.А. Бунин	Эпитафия	190
	Стихи	193
Светлые образы		
	Жизнь и творчество Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина	198

Игорь Андрушкевич –
*русский общественный деятель, публицист,
журналист и политолог, живущий в Аргентине*

К 300-летию Санкт-Петербурга

*«Подле Западной Европы для общей
деятельности с нею явилась новая
Европа, Восточная».*

(С.М. Соловьев. **История России
с древнейших времен**. Москва, 1963.
Том IX, стр. 320.)

*«Большая Европа... выходит за границы
Западной».*

(Peter Schreiner, Кёльнский Университет.
Из предисловия к книге: «Silvia Ronchey.
Lo Stato bizantino. 2002, Torino».

*Через 250 лет после падения Кон-
стантинополя, в день праздника
Пресвятой и Живоначальной Трои-
цы, в 1703 году совпадавший с датой
16 мая по православному никейско-
му календарю, был основан город
Санкт-Петербург. Он был основан
Петром Великим, четвёртым царём
из династии Романовых. Вскоре
Санкт-Петербург стал пятой сто-
лицей государства Российского. Это
историческое событие полно глубо-
кого символического значения, помо-
гающего уяснить смысл предыдущих*

*процессов и являющегося опорной
точкой для обозрения в перспективе
последующей истории России.*

Предыдущие столицы

Как известно, первой столицей Рос-
сии был Новгород, находящийся око-
ло ста пятидесяти километров южнее
Санкт-Петербурга. В Новгороде в
862 году было основано Русское госу-
дарство, когда народ избрал на Вечевой
площади первым русским монархом
князя Рюрика. Ровно 20 лет спустя, во

времена князя Игоря, сына Рюрика, при регентстве князя Олега, столица России была перенесена в Киев. В 945 году, после морской осады русским флотом Константинополя, был подписан коммерческий договор с Византийской империей, в котором впервые употребляется в официальном международном документе имя **Россия**, по-гречески Rwsia. В 988 году Россия обращается в христианство, при Святом Владимире, внуке князя Игоря. С этого момента Киев, вторая столица России, становится также местопребыванием кафедры первоиерарха Русской Церкви, учреждённой как 61-й митрополичий округ Вселенского Константинопольского Патриархата.

В XII веке столица России была перенесена в город Владимир, хотя Киев продолжал быть формальной столицей, так что титулы вождей государства Российского начинались формулой «**Великий Князь Киевский**». После татарского нашествия (1237) Киев был несколько раз разграблен, разрушен и сожжён, вследствие чего он практически стал необитаемым. По этой причине в 1299 году митрополичья кафедра Русской Церкви была перенесена во Владимир. В 1326 году государственная столица России была перенесена в Москву, во времена княжения Великого Князя Киевского и Владимирского Ивана Калиты. Вскоре церковная столица России тоже была перенесена в Москву. Два века спустя, в 1547 году, Великий Князь Московский Иоанн IV Васильевич, одновременно сохранявший все свои официальные титулы предыдущих столиц, венчается как царь Московский и всея Руси. Таким образом, Москва превращается в столицу **русского царства**, подтверждающего свою законную юрисдикцию над всеми

территориями, принадлежавшими России до татарского нашествия. Все они должны быть освобождены и возвращены в лоно русского государства.

Это русское царство провозглашает себя одновременно и законным наследником Восточной Римской империи (сегодня называемой на Западе Византийской), павшей под турками за 93 года до этого. Интересно, что такое самоопределение Русского государства произошло уже через восемнадцать лет после падения Константинополя, когда Иван Третий (на Западе именуемый **Великим**) венчался в 1472 году с **наследницей** Византийского престола царевной Софией Палеолог. Политическо-юридическое значение этого брака было подчеркнуто присвоением государством Российским последнего римского герба (римского чёрного орла, в Византии ставшего двухглавым, на золотом щите Константинополя), с добавлением к нему московского герба с изображением святого Георгия согласно геральдическим правилам. Почти одновременно Россия освобождается от последних уз татарского ига. Именно с этого момента южные славяне начинают величать русских великих князей «**белыми царями**» (сиречь **свободными**). Вследствие этого, русский царь, как единственный тогда христианский **самодержавный** (то есть свободный и суверенный) монарх, принимает на себя ответственность быть вселенским покровителем всех православных христиан в мире.

Именно этот вековой процесс, устремлённый к освобождению всех русских земель, временно оккупированных мусульманами или западниками неправославными христианами, заставляет Петра Великого (1689-1725)

сделать последний шаг для реконкисты берегов Варяжского (Балтийского) моря, основывая на его побережье Санкт-Петербург. Одновременно он подтверждает необходимость отвоевания и освобождения берегов Русского моря (Чёрного). Изначальный геополитический проект России как раз и состоял в том, чтобы быть «**великим путём из варяг в греки**», как это провозглашают наши летописи с XI века.

Кульминация реконкисты

В 1699 году начинается Великая Северная война России со Швецией, которая будет продолжаться 21 год. В самом её начале русские отвоевывают обратно северные берега Балтийского моря, которыми они владели за 1000 лет до этого. Уже тогда первая столица Руси, построенная на реке Волхов, притоке Ладожского озера, сообщающегося с Балтийским морем рекой Нева, свободно торговала и общалась с северо-западной Европой, а затем даже принимала участие в Ганзейском союзе немецких портовых городов.

Через 250 лет после падения Константинополя, **в день праздника Пресвятой и Живоначальной Троицы**, в 1703 году совпадавший с датой 16 мая по православному никейскому календарю, царь Пётр Великий основывает новый город при впадении Невы в Балтийское море, ставя его под покровительство Святого апостола Петра, своего личного небесного покровителя.

(Никейский календарь тогда был действителен не только в России, но также и в Англии и в других протестантских странах. Лишь в римо-католических странах тогда уже был введён реформи-

рованный григорианский календарь. Разница между этими двумя календарями тогда равнялась 11 дням. Сегодня она достигла 13 дней, так что сегодня годовщина этого события соответствует 29 мая по григорианскому календарю.)

Глубокому мистическому значению дня основания новой столицы соответствует и строительство **первого Троицкого собора** рядом с крепостью, и название главного престола Александро-Невской лавры, и название монастыря, и Троицкая пристань, и Троицкая площадь города Святого Петра. Мистическое значение этих наименований явствует также из систематических попыток уничтожения, предания забвению и искажения смысла, вплоть до наших дней, этой символики. Царь Пётр также основывает Петропавловскую крепость, на чьей территории он закладывает собор Святых апостолов Петра и Павла, в котором до сих пор почивают останки императоров Российских. Вскоре столица государства Российского была перенесена из Москвы в новый город.

Новая столица для новой империи

После победоносного окончания войны со Швецией Сенат государства Российского провозгласил в 1721 году царя Петра **Императором Всероссийским**.

На первый взгляд может показаться несообразностью присвоение этого титула тому, кто уже обладал званием царя, сиречь «кесаря», ибо первый Кесарь (Юлий Цезарь) был уже императором до того, как он получил свои окончательные звания народного трибуна и пожизненного диктатора.

В Римской империи, начиная с Октавиана, племянника и наследника Цезаря, из трёх титулов верховной власти титул **кесаря**, или царя, был более почётным, чем титулы **императора** («победителя») и **августа** («прибавителя», от глагола *augere* – прибавлять, умножать. *Semper Augustus* при Петре Великом перевели как «присноприбавитель», то есть «всегда прибавитель». В свою очередь немцы до сих пор переводят этот титул как «allzeit Mehrer» – «всегда увеличитель»). Единственный исторический титул, упоминаемый Христом, это титул кесаря. Во Франкской империи, начиная с Карла Великого, а затем в Германской и Австрийской империях, с необоснованными претензиями на имперскую легитимность, титул кесаря является наиболее употребляемым. Иван Грозный пользуется этим титулом кесаря (в русском произношении) с момента своего венчания на царство в 1547 году.

Возможно, что добавление императорского титула к титулу русского царя было частично вызвано желанием провозгласить Петра Великого **победителем** в законченной долгой войне. Первоначальное значение этого римского звания было именно таким, в течение семи веков, вплоть до Октавиана, который его присваивает себе даже как имя собственное, и поэтому употребляет его два раза (как личное имя и как звание) в полном тексте своего титула.

Однако главная историософская причина принятия этого нового императорского титула вытекает из желания **провозгласить новую конституционную действительность** русского государства со своей новой столицей в Санкт-Петербурге.

С учреждением новой столицы начинается **новый период истории России**, называемый почти всеми историками **«имперским»**. Нетрудно понять смысл этой новой терминологии, если объективно проанализировать происшедшие с тех пор большие исторические перемены. Россия перестаёт быть государством только лишь всех русских земель, как гласили титулы её великих князей, царей, митрополитов и патриархов, чтобы превратиться, начиная с Петра Великого, в своеобразный **имперский союз русского государства с рядом других нерусских народов и национальностей**.

Само понятие «империи» подразумевает **многонациональное и многорелигиозное государство**, в котором могут сосуществовать разные виды культурных, общественных и даже политических автономий **под одной общей верховной властью**. (В древнем Римском государстве верховная власть обозначалась термином «империум», в то время как все другие политические власти обозначались выражением «потестас».)

История двухвекового имперского периода России (1721 – 1917) является историей **прогрессивных включений** соседних народов и территорий в эту имперскую юрисдикцию под **общей верховной властью** русского императора и царя. Это видно с юридической чёткостью из самой формулы полного императорского титула, в котором перечисляются титулы отдельных народностей и территорий, соединённых **под персональной унией русского царя**. Некоторые из этих народностей были включены в империю на основании их собственных просьб и даже на основании завещаний предыдущих законных владетелей. Другие же включением в

русскую империю избавлялись от чужеродной зависимости, иногда граничащей с рабством (как в случае прибалтийских территорий). Некоторые из них обладали большой политической автономией, как, например, Финляндия, имевшая даже собственный парламент, или даже собственных монархов, как в случае мусульманского Ханства Нахичеванского.

Такой процесс **прогрессивных включений на равноправных началах** является типичной характеристикой **подлинных империй**. Моммзен в своём монументальном труде о Римской империи утверждает, что весь многовековой процесс развития римского города (urbs) в империю (orbis) можно охарактеризовать одним словом: **включение**. Этот имперский принцип сохранялся полностью и в Восточной Римской (Византийской) империи. В недавно вышедшем в Италии труде «Византийское государство» особенно подчеркивается, что во время этого **тысячелетнего государственного эксперимента** *«Константинопольское царство было светским государством, управляемым многонациональной, просвещённой и космополитической элитой в согласии с римским правом»*. (Silvia Ronchey. Lo Stato bizantino. 2002, Torino. Из предисловия к этой книге взят второй эпиграф, предваряющий данную статью.)

Наоборот, колониальные завоевания **без равноправного включения** приобретённых и завоёванных территорий (и **без соучастия их элит в имперском управлении**) не ведут к созданию подлинных империй, а всего лишь к **«империализму»**, как это было в случае, например, Британской и Французской псевдоимперий.

Однако такие процессы последовательных включений со временем вызывают **геополитическую необходимость обеспечения прочных границ**. Когда эти границы обеспечены на главном направлении, встаёт необходимость достижения таких же прочных границ и на противоположной стороне. Когда Рим достиг прочных границ на юге своих владений в Северной Африке, по соседству с пустыней, наступил длинный период поисков не менее прочной границы и на севере, каковая была установлена после долгих войн в виде известного «лимеса» по Рейну и Дунаю. Именно такая необходимость **нахождения прочных границ** ставит **пределы** для дальнейших имперских расширений.

В современную эпоху Соединённые Штаты Северной Америки, возникшие через семьдесят лет после основания Санкт-Петербурга и через девятьсот лет после основания Русского государства как объединение английских колоний в «Новой Англии», **на берегах Атлантического океана**, вскоре начинают своё непреодолимое продвижение в обратную сторону, в направлении Тихого океана, сметая на своём пути все чужие владения. После покупки Луизианы у Франции в 1803 году начинается муссирование пропагандной кампании о необходимости «продвижения на Запад». В 1845 году США аннексируют Техас. Одновременно публицист Джон Л. О'Салливан провозглашает тезис, что континентальное расширение США является их **«очевидным предназначением»** («Manifest Destiny»). Вслед за этим в 1846 году США начинают войну против Мексики, в результате которой они отнимают у Мексики 55 процентов её территории. Затем, после выхода на Северный Ледовитый океан покупкой Аляски в 1868 году

и после консолидации своей северной границы с англо-французской Канадой, США обращают свой взор на юг, в сторону испанской Кубы, а затем Панамского канала. С войны с Испанией в 1898 году за контроль над Кубой и Филиппинами начинается «имперский» период США.

Одновременно Россия, утвердившись окончательно на Атлантическом океане основанием Санкт-Петербурга, была принуждена завершить свой путь в обратном направлении, на восток, дабы ступить на побережье Тихого океана так же прочно, как и на побережье Атлантического. Таким образом, основание Владивостока в 1860 году является геополитическим последствием основания Санкт-Петербурга, наподобие того, как завоевание Сан-Франциско Соединёнными Штатами за четырнадцать лет до этого нужно понимать как геополитический противовес к обладанию Нью-Йорком.

Противоречия имперского периода

Однако этот грандиозный процесс имперского становления в условиях дальнейшей глубокой идейной враждебности Запада (с трудом скрываемой), при одновременной необходимости преодоления последствий многовекового татарского ига и вызванной им изоляции от остального мира, требовали от России **неимоверных усилий** для проведения нужных широких и многообразных реформ. Однако не все реформы могут быть всегда полностью удачными и без внутренних противоречий.

В рамках широкой программы реформ, начатых Петром Великим, особое место занимают конституционные реформы.

«Собор всея земли», или просто **Земский Собор**, учреждённый в 1550 году, больше не созывается. Также после смерти патриарха Адриана в 1700 году больше не выбирается патриарх Русской Церкви. Боярская Дума, учреждение, чьи истоки восходят к временам Святого Владимира, со временем тоже больше не созывается. Вместо неё 22 февраля 1711 года учреждается **Правительствующий Сенат**. Во главе Русской Церкви вместо патриарха в 1718 году учреждается **Святейший Правительствующий Синод**. Как видно, оба эти верховных учреждения, Сенат и Синод, являются «правительствующими». Эта новая конституционная система обозначает, что в отсутствие царя по какому бы то ни было поводу никакая власть в России не является полностью ни легитимной, ни законной без апробации этих двух верховных учреждений.

Таким образом, если даже и считать законным отречение Государя Императора Николая II, то, несмотря на это, все последующие институционные перемены в России не являются полностью легитимными, ибо они были совершены без опроса и апробации этих двух правительствующих органов, так же как и без апробации Государственной Думы, учреждённой при Императоре Николае II. Также нельзя забывать, что если Боярская Дума и Патриаршество были заменены другими учреждениями во времена Петра Великого, то Земский Собор никогда не был упразднён. Посему его созыв продолжает быть возможным с юридической и конституционной точек зрения.

Однако такое потенциальное сохранение соборного русского царства под внешней оболочкой империи не снимало

противоречий в этих коренных конституционных переменах, происшедших при Петре Великом.

Русская соборная монархия была **хоровой, интегральной и уравновешенной**. Русский царь был своего рода **регентом большого русского хора**, в котором принимали участие так или иначе все русские люди и вообще все подданные. Он управлял этим хором, он указывал, когда начинать и когда заканчивать, он мановением руки заставлял замолчать поющих не в симфонии со всем народным хором, но он не был единственным солистом, ибо пели все, каждый свою партию. Конституционные реформы Петра Великого подмешали к этой славянской по своему происхождению **русской народной монархии** некоторые характеристики чисто западноевропейской **абсолютной монархии**, в которой считалось, что монарх может делать всё сам **единолично**, опираясь для этого не на народные учреждения, а на **бюрократию**. Это выпукло выразил современник Петра Великого французский король Людовик XIV своими словами: «**Государство – это я**». Такой неуравновешенный строй вскоре вызвал в Западной Европе впадение в другую крайность: **либеральной декоративной монархии**, или просто либерализма. В Западной Европе **либерализм был последствием абсолютизма**, по принципу вышибания клина клином. Россия же не имела в своём историческом государственном строе до XVIII века ни одного из этих двух клиньев, а посему и не нуждалась в нейтрализации одного другим.

Кроме того, замена патриаршества синодальной системой нарушила типично православное **симфоническое разграничение между Церковью и**

государством, установленное Шестой новеллой святого императора Юстиниана Великого и соборно подтверждённое вселенской Христианской Церковью задолго до откола Запада. Такое нарушение **симфонии между Церковью и государством** являлось одновременно и нарушением исторической **макроконституции России**, Византии и вообще всех православных стран.

В этом заключалась трагедия имперского периода: несмотря на все достигнутые блестящие культурные и цивилизационные успехи, Россия не смогла вовремя удачно преодолеть эти искусственные и не нужные противоречия, проникшие к нам извне.

Окно в Западную Европу

В «Медном всаднике» Пушкин говорит: «**Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно**». С тех пор основание Санкт-Петербурга единодушно упоминается в русской литературе как «**прорубка окна в Западную Европу**». Несмотря на известный редуционизм такого утверждения, под ним несомненно лежит сознание чрезвычайной исторической энергии, с которой был совершён акт основания Санкт-Петербурга, а также чувство возвращения России в общеевропейскую семью народов и государств.

В течение более чем четырёх веков, со времён татарского нашествия в 1237 году, Россия была почти полностью изолирована от Западной Европы и от Византийской Империи (чья столица, Константинополь, была оккупирована Западом от 1204 до 1261 года, а затем была захвачена турками в 1453 году). Также были прерваны связи России с

Северной Европой. Нельзя забывать, что Новгород не только принимал участие в Ганзейском союзе, но и вообще был северным **предмостным укреплением** «великого пути» из Северо-Западной Европы в Византию и на Ближний Восток. Агрессии шведов и Тевтонского католического ордена сразу после татарского нашествия и разрушения Москвы и Киева не только вызвали продолжительное чувство недоверия России по отношению к Западной Европе, но и повлекли за собой тяжёлые геополитические последствия для России. Россия, зародившаяся в своих истоках как **геополитический проект моста, соединяющего бассейны Балтийского и Чёрного морей**, в результате татарской и западно-европейской агрессии потеряла доступ к обоим бассейнам.

Основание Санкт-Петербурга **восстанавливало северный конец** этой древней русской оси. Одновременно начиналась окончательная реконкиста её южного конца. В этом смысле установление новой столицы являлось возрождением славной роли Новгорода, первой столицы России. Именно поэтому святой Александр Невский, новгородский князь, тоже стал небесным покровителем Санкт-Петербурга, рядом со святым апостолом Петром, что было подтверждено перенесением его мощей в новую столицу.

Таким образом, великая идея, лежащая в основе создания Санкт-Петербурга, заключалась в решении **снова открыть** в сторону Запада **северные врата** России, которые раньше были замурованы Западом в трагические моменты русской истории. **Через врата можно входить и выходить** и свободно двигаться в обоих направлениях. Однако

через окно обыкновенно совершаются побеги наружу или же взломы вовнутрь, с подозрительными целями.

Конечно, как это часто бывает с популярными выражениями, эта метафора о прорубленном окне также отражала глубокую действительность, тогда ещё не вполне осознанную: европейский Запад, который Россия ещё помнила после веков разделения, уже не был таковым к моменту основания Санкт-Петербурга. Откол Западной Церкви от Восточных Церквей, спровоцированный в 1054 году неуместным отлучением папскими легатами Патриарха Константинопольского, не был принят всерьёз в течение первых десятилетий. Однако, разграбление и осквернение Константинополя и его храмов в 1204 году так называемыми крестоносцами Запада, а затем попытка такого же разграбления Новгородской Руси в 1240 году превратили раскол в трагическую действительность. Затем реформы Лютера и других западных реформаторов ещё больше удалили идеологически Западную Европу от России, чья культура продолжала быть православной. Таким образом, Западная Европа для нас перестала быть братской, находящейся в одном доме с нами, хотя и в отдельной комнате, отделённой от нас лишь одной дверью. Теперь она занимала отдельный дом рядом с нашим.

Русский эмигрантский мыслитель Владимир Вейдле, проживавший в Париже, писал, что Пётр Великий, основывая Санкт-Петербург, сделал шаг назад, на Запад, в противовес шагу на Восток, сделанному святым Константином Великим за 1400 лет до этого, когда он перенёс столицу Римской Империи из Рима в Константинополь. Однако Санкт-Петербург не лежит на запад от Константинополя

(находящегося приблизительно на 29-м меридиане), а лежит немного на восток от него, чуть восточнее 30-го меридиана, как Новгород и Киев. Сам Вейдле обращает внимание на то, что Константинополь, Киев и Новгород лежат почти на одной линии, каковая, по его меткому замечанию, соединяет три храма Святой Софии этих городов. Санкт-Петербург лежит на продолжении этой линии.

Кроме того, такая интерпретация не учитывает того обстоятельства, что Константин Великий сделал свой шаг на Восток, не отворачиваясь от Запада. Он только лишь внешне выразил уже совершившееся передвижение центра экономической и демографической тяжести Римской Империи на Восток. Намерение же Петра Великого как раз состояло в значительной мере в отворачивании от прошлого России, являющейся частью восточной православной христианской культуры. Кроме того, Константин Великий не произвёл никакой конституционной реформы империи вследствие переноса её столицы. Он только лишь перенёс местопребывание Римского Сената и имперского двора с берегов Тибра на берега Босфора. Его мать, святая Елена, продолжала жить в своём дворце в Риме, где он вместе с ней построил много великолепных храмов, некоторые из них существуют и поныне. Пётр Великий, наоборот, отменил почти все предыдущие конституционные учреждения старой столицы и создал взамен их новые.

Ещё до Петра в России несомненно укреплялось соборное согласие (консенсус) о неизбежной необходимости реформ. Однако по отношению к чисто конституционным реформам **такого консенсуса не было**. Таким образом,

возникла глубокая трещина в русском обществе, каковая полностью не преодолена и до сегодняшнего дня. Коренное противоречие в таком создавшемся положении вытекало из неясного отношения России к Западной Европе после восстановления надолго прерванной с ней связи. Дело в том, что до отчуждения Западной Европы от православия все её страны и государства чувствовали себя **частями всей христианской вселенной**. После же раскола они стали себя чувствовать, в первую очередь, **частями Запада**, то есть **одной лишь части** этой вселенной, причём с претензиями на **монопольную исключительность этой части**. До сих пор неясно, чего хочет Россия: только лишь хорошей **связи с Западной Европой** или же просто **стать частью этой Западной Европы**, перестав быть Восточной Европой. Если же Россия захочет стать Западом, ей не избежать необходимости ответа на вопрос: *«Каким ты хочешь быть Западом, Западом Христа или антихриста?»*. (На вопрос известного стихотворения Владимира Соловьёва: *«Каким ты хочешь быть Востоком, Востоком Ксеркса или Христа?»* она уже ответила).

Во всяком случае, через двести лет после прорубки окна в Западную Европу именно через него были заброшены в Россию подрывные команды Ленина и Троцкого, имевшие среди своих прочих задач также и поручение Запада, в том числе и немецкого Генштаба, спровоцировать сепаратный мир России с Германией Кайзера и одновременно приняться за **подрыв имперского единства России**. Четырьмя годами позже через то же окно была насильно изгнана из России элита русской культуры. Сам же город Петра, названный в честь его

небесного покровителя, был провозглашён «городом Ленина», **после чего он перестал быть столицей государства** в символическое ознаменование **конца Русской империи**. А ещё через двадцать лет тот же генштаб предпринял очередной «поход на Восток», одно острие которого было направлено на город святого Петра, тем временем уже ставший также и городом святого Иоанна Кронштадтского и городом царствовавшего в нём Царя-мученика.

Геополитический хребет глобализации

В последнее время часто делались попытки установить разными способами предварительные ступени **современной глобализации**. В этом смысле упоминались такие события, как открытие Суэцкого и Панамского каналов и построение континентальных железных дорог с востока на запад в Соединённых Штатах. Другие углублялись дальше в историю, указывая на изобретение печати Гутенбергом в 1455 году как первый шаг в направлении глобализации. Начиная с этой даты, так же часто упоминаются и другие исторические моменты, как, например, реформа Лютера и публикация «Князя» Маккиавелли, через 60 лет после Гутенберга. Уже ближе к нам упоминаются изобретение телеграфа и фотографии в 1830 году, устройство современной почты и современных банков в 1850 году и, наконец, построение железных дорог около 1880 года.

Интересно, что изобретение печати Гутенбергом произошло через два года после падения Константинополя и Восточно-Римской империи, каковое

событие выявило конец непрерывного существования древнего греко-римского классического мира. Однако начало новой исторической эры не совпадает точно с окончанием эры предыдущей, но происходит лет на сорок позже, с открытием Нового Мира.

Действительно, решительным историческим шагом в возникновении новой эры явилось включение Америки в западно-европейскую цивилизацию, в её обоих вариантах: римо-католическом и протестантском. Однако этот исторический шаг Запада на Запад нуждался в соответствующем **противоположном шаге на Восток**, чтобы соединить весь мир в одной **единственной глобальной вселенной**.

Этот великий шаг на Восток сделала возможным Русская империя после Петра Великого. Действительно, основание Санкт-Петербурга не было только шагом России на Запад, как это может казаться на первый взгляд, ибо Россия духовно никогда не удалялась полностью от христианского Запада, несмотря на его заблуждения и ереси. Россия всегда помнила, как сказал Достоевский, что все камни в Западной Европе для нас являются священными. Основание Санкт-Петербурга и открытие окна между Россией и Западной Европой Петром Великим на самом деле явилось также историческим **шагом Западной Европы на Восток**.

Через двести лет после Петра его преемник, император Николай II, завершил эту акцию, соединив Санкт-Петербург и бассейн Балтийского моря с бассейном Тихого океана великой **Транссибирской железной дорогой**, построение которой было начато ещё при царе Александре III. В то время, как США

соединяли железной дорогой своё Атлантическое побережье на востоке со своим Тихоокеанским побережьем на западе, Россия соединяла своё западное Атлантическое побережье со своим восточным побережьем на Тихом океане. Эти два трансконтинентальных соединения и являются **геополитическим хребтом нового глобального мира**. Одновременно при царе Николае II также было обращено особенное внимание на исследование возможностей установления **Северного морского пути**, тоже завещанного Петром Великим. Как известно, в этом исследовании особенно отличился будущий адмирал А.В. Колчак.

Таким образом, Санкт-Петербургская Россия сто лет тому назад провиденциально соединила Западную Европу с Японией и Кореей, сегодня являющимися важнейшими экономическими полюсами многополюсного глобального мира. Таким образом, **мудрая и дальноразоркая государственная политика русских царей Александра III и Николая II** существенно дополнила первоначальный геополитический проект России: Россия, бывшая во времена своего Новгородско-Киевского периода **«великим водным путём из варяг в греки»**, стала в Санкт-Петербургский период также и **великим двойным путём** (морским и трансконтинентальным) **из Западной Европы на Дальний Восток**. Очевидно, что для осуществления такой задачи Россия не должна ни превращаться в часть Западной Европы, ни становиться второй Японией. Однако Россия может войти в тесный союз с Западной Европой, а также с Японией и с Кореей, **симметрично подобным союзам США с ними**.

Санкт-Петербург: символ культурной глобализации

Самым трансцендентным последствием основания Санкт-Петербурга было открытие возможности создания **одной-единственной вселенской цивилизации, с множеством культурных полюсов**, как это было в случае древней Средиземноморской греко-римской цивилизации. Совершенно неправильно считать, что создание и развитие глобальных геополитических инфраструктур должно служить, главным образом, для экономической глобализации, сопровождаемой культурной гегемонией самого сильного из её участников. Экономическая гегемония отнюдь не оправдывает **культурной монополии**.

В древности глобализация средиземноморского мира заключалась не только в территориальных и экономических, но также и в **равноправных культурных включениях**. Такое развитие стало возможным благодаря наличию **готовой модели** для этого, а именно **эллинистической модели**, созданной в результате завоеваний Александра Великого за три века до Р. Х. Главной характеристикой этой модели была концепция **многополюсной и полифонической цивилизации**, состоящей из разных культур, способной к дальнейшему своему обогащению путём включения новых культур. Вначале эта эллинистическая цивилизация образовалась из эллинской культуры и из египетской, сирийско-финикийской и частично персидской культур. Затем она обогатилась включением римской культуры, главным образом **правового** характера. С этого момента она стала греко-римской цивилизацией,

затем принявшей христианство. Россия является прямой наследницей и хранительницей этой цивилизационной **плюралистической модели**, допускающей своё собственное дальнейшее расширение, теоретически **до самых границ всего человечества**.

В этом заключается подлинная сущность правильно понимаемой глобализации: дело не только в экономической глобализации, а в **культурной**, но отнюдь **не унисонной, а многогласной**. Больше того, такая модель позволяет культурное обогащение даже самого катализатора этих процессов, как это блестяще показал в своё время Рим, никогда не сопротивлявшийся включению новых культурных элементов в свою империю.

Именно в таком понимании этих проблем скрывается глубокий смысл известных слов Достоевского, энигматично им произнесённых во время пушкинских торжеств в Москве: подлинная миссия России заключается в её **«всечеловечестве»**.

Новая связь России с Западной Европой, установленная три века тому назад через Санкт-Петербург, принесла богатые плоды благодаря её такому интеграционному подходу ко всем культурам человечества. Это было облегчено её собственной коренной **эллинистической культурой**, в которой присутствовали и римские правовые элементы, вошедшие также и в западно-европейский культурный сплав, помимо элементов германских и англо-саксонских.

Новый культурный синтез, достигнутый Россией в её санкт-петербургский имперский период, внешне выявился символически в архитектуре самого Санкт-Петербурга, главным образом под

сильным итальянским влиянием. В Санкт-Петербурге также были достигнуты мировые вершины в других искусствах, как, например, в русском балете, берущем своё начало из Франции. Итальянское оперное искусство для своего триумфа нуждалось в XIX веке в первоначальном триумфе в Санкт-Петербурге. В Санкт-Петербурге также было положено начало непревзойдённому педагогическому опыту воспитания молодёжи в кадетских корпусах и в мариинских институтах для девиц. А царскосельский пушкинский Лицей, не сравнимый ни с каким другим учебным заведением во всём тогдашнем мире, был действительным возрождением высшего качества древних афинских лицеев.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что самым существенным последствием такого универсального обогащения русской эллинистической культуры западно-европейскими элементами было развитие русской науки и русского искусства в последние три века. Сегодня невозможно себе представить всемирную культуру без русских вкладов в области литературы, музыки, балета и науки. Без Ломоносова, Лобачевского, Менделеева.

Реакционное засилье марксизма нанесло страшный ущерб этому развитию, но в конечном итоге оно потерпело фиаско, не будучи в состоянии преодолеть русскую культуру и русское мироощущение. Ленин и Сталин пытались герметически перекрыть связи России с остальным миром, в том числе и прорубленное Петром Великим окно в Западную Европу.

Однако даже и во время этого реакционного периода русская культура продолжала жить и творить как в самой

стране, так и в изгнании. В частности, русская эмиграция продолжала обогащать мировую культуру как в области искусства, так и в области науки и технологии, не прерывая таким образом историю Санкт-Петербургского периода России. Сотни изгнанных русских учёных и артистов, философов, композиторов и писателей, среди них многие лауреаты разных премий, в том числе Нобелевской, продолжали участвовать в развитии не только русской, но и всемирной цивилизации.

К сожалению, сегодня снова делаются попытки возводить новые стены непонимания, дискриминационного

отчуждения и даже потеснения России со стороны некоторых руюфобских элементов Запада. Всё же нет никакой возможности построения многополюсного, справедливого и равноправного «глобального» мира без активного соучастия России.

В этом заключается большой исторический шанс для России, в случае правильного понимания ею своей собственной модели. Конечно, для этого она должна полностью вернуться на свой собственный славный путь полным преодолением результатов Катастрофы 1917 года, положившей конец её Санкт-Петербургскому периоду.

Владимир Блохин –
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социально-экономических дисциплин РУДН

«Свобода следует за верой». **Размышления о русской идее в XXI веке**

Русский народ сегодня переживает поистине переломный момент своего исторического бытия. Россия возрождается! «Русская весна», связанная с воссоединением Крыма и обретением нашей страной великодержавной субъектности в международных отношениях, вселяет в нас как уверенность, так и тревогу. Слишком опасны и коварны современные вызовы, стоящие перед русской цивилизацией и русским миром. Касаются они сферы невидимой, почти неосознаваемой, требующей от каждого гражданина России быть начеку, быть во всеоружии. В этой связи уместно начать с примера, с письма, обнаруженного мною не так давно в ИРЛИ (Пушкинский Дом). Автором письма является талантливый публицист, писатель Василий Васильевич Розанов. Письмо, написанное аккуратным, почти каллиграфическим почерком в 1890-х гг., адресовано Николаю Константиновичу Михайловскому, вождю российской демократии, народнику, писателю, издателю оппозиционного журнала «Русское

богатство». Его уместно даже назвать таким Сахаровым дореволюционной России. Россию историческую он не любил, жаждал революции и готовил её, упрямо, настойчиво и непримиримо воюя с национальными «святынями». Всё родное, русское ему было чуждо. Не одно поколение оппозиционеров воспитал Михайловский, создав за полвека почву для «русской голгофы», катастрофы 1917 года. Письмо Розанова заставляет задуматься. Вчитаемся в строки.

«Многоуважаемый Николай Константинович! Давно меня манило перебраться с Вами словом, и не только с Вами, но и со всем кругом писателей вашего типа, толка. Сколько в нас родственного <...> Но есть одна громадная пропасть, которая разделяет меня (и я уверен – лучших из наших) от Вас и всего вашего лагеря... Это ваше отношение к вере, Богу. Если бы Вы имели силу о Нём говорить, если бы могли с любовью взглянуть на Церковь, не ненавидеть наше бедное духовенство, – о, как дружно могли бы мы во всём остальном идти

с Вашими идеями! И что за странность, разве для Вас так трудно сказать себе: «Не понимаю, не могу понять некоторые трудности Вашей математики; но, не понимая – не отвергаю, и благословляю на труд и на исповедь<...> Я слышал, что Гл. Иванович¹ душевно болен, и что в бреду он говорит: «Чувствую, точно чёрная ночь спускается мне в душу; чувствую порочный закон кругом», но не видеть этот запах разложения души своей, видеть эту ночь-тьму души человеческой без Бога; что так же и Вы ожидаете этой ночи для себя? Надвигаете ли её на народную душу? Как достойны Вы (и ваши все) ко всему прочему быть друзьями народными, но поэтому одному вы его враги. Эй, опомнитесь, эй, подумайте о будущем; и согласитесь, согласитесь в своём ... только излишне распушенном уме, и в этой распушенности не принимающей Бога, который в мире есть порядок и закон...».

О чём эти обжигающие строчки Розанова? Они о душе народной, о её содержании, о Боге! Без него русская душа мертва! Так, Розанов просто и ясно сформулировал «русскую идею», утратить которую для человека и народа в целом означает только одно – погибнуть! Вот почему хотелось бы поговорить о ней сегодня.

«Русская идея» – это ядро национального самосознания, средоточие русскости как культурно-исторического феномена, наш духовный облик, «духовное лицо». Каким оно должно быть в XXI веке? Кем нам быть? Вопросы не праздные, поскольку они отвечают на главную проблему о смысле существования народа в истории. От того, как

¹ Глеб Иванович Успенский – писатель народник, автор известного романа «Власть земли». Г.И. Успенский был другом Михайловского.

мы будем воспринимать себя, зависит наше будущее. Наверное, не случайно нынешние либеральные интеллектуалы упрямо твердят нам на всех углах о ненужности «национальной идеи», призывают жить в «нормальном» обществе без идеологии, т.е. без цели (бесцельно), без идеалов, бессмысленно.

Современный мир – поле конкуренции, на котором борются различные проекты будущего. Единая Европа выстраивает идею «Европейского дома», в основании которого лежат идеи т.н. постмодернизма с дефрагментированным сознанием и «умершим» Богом. Этот мир относительности и изменчивости лишён святого и священного. «Святые чудеса Европы», которые манили когда-то российских интеллигентов, стали историей, а из жизни современного европейца ушло само понятие «святости». Дехристианизация Европы достигла такого уровня, что сегодня европейские элиты ставят вопрос о новой идентичности, совсем не христианской. В последнее время рушится ещё один важный фундамент европейской идеи – идеи социального государства, всеобщего благосостояния.

На смену мегапроекту единой Европы приходят проверенные идеи национального государства. Начавшийся выход Британии из ЕС – яркое подтверждение такой тенденции.

Есть другой проект-идея американского «града на холме», идея «исключительной нации», «империи добра», которая считает свой порядок наилучшим в мире и насаждает его повсюду, где «мягкой силой» посредством макдоналдсов и кока-колы, где подкупом элиты, а где т.н. гуманитарными интервенциями. Это и есть модель «либерального ленинизма»,

основанная на манихейском чёрно-белом видении мира. Американский политик Джош Муравчик так и сказал: «Все мы, в сущности, ленинцы!» А сущность эта очень проста: насаждать «благие идеи» силой вопреки мнениям народов, традиции, сдабривая всё это пустыми фразами о демократии и верховенстве личности. Итоги, однако, такой политики очевидны: войны, страдания и бедствия, словом, хаос. Хаотизация современного миропорядка, и как следствие, дегуманизация мира – таковы признаки современной действительности.

В целом, западная цивилизация сегодня впервые за 500 лет утрачивает лидирующие позиции. Идеалы Запада, как они ни кажутся привлекательными, оказались ложными. Гуманизм оказался негуманным, демократия недемократичной, а национальное обезличенным!

На что же нам, русским, опереться в этом мире?

Ответ был дан очень давно благоверным князем Владимиром в X веке. Он состоял в вере в Бога нашего Иисуса Христа. Так предки сформулировали национальную идею. Иван Александрович Ильин, отечественный духовный гений, справедливо заметил о русской идее: «Она не выдумана мною. Её возраст есть возраст самой России». «Русская идея» – это не государственная концепция развития страны. Она является сущностью, эйдосом, внутренним планом всего духовного наследия России. «Она выражает «русское историческое своеобразие и в то же время – русское историческое призвание... указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь... «Русская идея» – это творческая идея России», – писал русский гений.

Что является фактором появления национальной идеи? Появление русской идеи наполнено поистине метафизическим смыслом для русского народа. Она пронизывает изначальные основы бытия русского человека, в первую очередь природу. «Пейзаж русской души отразил пейзаж русской природы», – писал философ Н.А. Бердяев.

Русский склад мышления и характер народа, его духовная сила формировались самой историей, испытаниями, которые Русь-Россия вынесла на своём веку. На протяжении всей своей истории наша страна противостояла и Западу, да и Востоку. В.О. Ключевский подсчитал, что едва ли не каждый второй год был годом военной опасности. Две мировые войны. Только XX век стоил нашей стране 80 млн человеческих жизней. В этой связи, в условиях постоянных войн появление национальной идеи становилось насущной необходимостью. Показательно, что даже в период Великой Отечественной войны И.В. Сталин осознал бессилие коммунистических лозунгов, обратившись к народу со словами: «Братья и сёстры!» Не случайно же были восстановлены и кадетские корпуса, и офицерские знаки отличия. Коммунистический лидер безбожного государства обратился в решающий момент истории к самым фундаментальным основам жизни, поняв их глубинную суть, колоссальную силу.

«Русская идея» – это не отвлечённая и оторванная от жизни конструкция ума. Она имеет свое материальное и зримое воплощение в национальном характере. Православная вера на протяжении веков воспитывала в русском человеке важнейшие составляющие его духовного облика. В замечательном исследовании

о русском национальном характере Н.О. Лосский подметил, что «наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра». По справедливому замечанию философа, «русский человек не обязательно сознательно влечётся к Богу... В его душе есть сила, влекущая к добру и осуждающая зло, независимо от степени знаний его. Эта сила – голос совести... Русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла...». «Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос», – думает Достоевский. (Цит. по: Лосский Н.О. Характер русского народа. Посев. 1957. Кн.1. С.7) Н.А. Бердяев отмечал: «Русская идея не есть идея цветущей культуры и могущественного царства, русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божьего». (Там же. С.11)

Показательны наблюдения В. Шубарта: «Запад подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, государственности и связи, но лишил его души. Задачей России является вернуть её людям». (Там же. С.10)

Стивен Грэхем, англичанин, полюбивший Россию, в книге «Путь Марфы и путь Марии» так подметил особенности русского национального характера: «С англичанином разговор кончается беседою о спорте, с французом – беседою о женщине, с русским интеллигентом – беседою о России, а с крестьянами – беседою о Боге и религии... Иногда мне кажется, что я счастливый принц, нашедший спящую красавицу». (Там же. С.19)

Среди драгоценнейших черт русского национального характера, воспитанного христианством, можно назвать и многие другие. Это и способность к выс-

шим формам опыта («Русский переживает мир исходя не из «Я» и не из «Ты» а из «Мы»), обаятельность, живое восприятие чужой душевной жизни, открытость души в отношении чужого «Я». Вот почему мы непонятны чужеземным мудрецам – русскому человеку чужды скептицизм, позитивизм, агностицизм, «холодная рациональность», расчётливость. Русский человек не уместяется в узком кругозоре западного мышления, основой которого является предсказуемая рациональность. В этой связи можно даже высказать гипотезу о природе русофобии – Запад боится Россию, потому что не понимает её, она не соответствует рациональному шаблону западного человека. А что непонятно, то и опасно!

Среди замечательных качеств необходимо назвать присущее русскому человеку свободолюбие (бытовая демократия). Вальтер Шубарт отмечал: «Среди европейцев бедный никогда не смотрит на богатого без зависти, среди русских богатый часто смотрит на бедного со стыдом». (Там же. С. 50).

Одухотворённая сила русской души проявляется и в презрении к мещанству, и к буржуазной сосредоточенности на земных благах.

С тревогой и болью следует констатировать, что русский «культурный код», неповторимые духовные богатства сегодня разрушает «дух капитализма», наживы и пошлости, который множится средствами СМИ, ложными кумирами молодёжи, идолами неоязычества, которых по недомыслию принято называть «звёздами». К сожалению, современное российское государство только сейчас начинает понимать важность духовного здоровья нации.

Либеральная модель жизни в том виде, в каком она утвердилась в современной России, очевидно, выполняет деструктивную духовную роль.

Об ограниченности такой модели пророчествовали наши великие мыслители XIX века. Н.В. Гоголь одним из первых увидел «духовную цену» капитализма – нравственное опустошение души, её оскудение. Константин Леонтьев глазами эстета наблюдал торжество «утилитаризма» и явление среднего европейца, лишённого культурного своеобразия. В.В. Розанов призывал отказаться от «буржуазности» мышления, при котором решение любой сложной духовной проблемы интеллигенция сводила к политической борьбе с властью и государством. Так и сделали в начале XX века, совершив революцию. Обрекли миллионы на гибель. Вместо «социального рая» утвердили диктатуру, порушили святыни. Сложную задачу воспитания ответственной личности подменили дикими призывами к социальной мести. В результате произошло нравственное «разнуздание человека», всего общества, обрекшее страну на гибель.

Сегодня, несмотря на пробуждение нашего национального самосознания и т.н. «русскую весну», вселившую надежду на возрождение России, угрозы России сохраняются, прежде всего в духовной сфере. Этим вызовом является квазилиберализм. Напомню забытую истину. Все революции начинаются сначала в умах; затем формируются значительные группы людей, сознанием которых легко манипулировать. Только после такой «духовно-нравственной обработки» происходят кровавые политические последствия. Чем

опасен в духовном смысле современный российский квазилиберализм?²

Безусловной опасностью является его бездуховность, его релятивизм, его безразличие к добру и злу. Он провозглашает свободу, которая понимается как право, но не как обязанность. Мы находимся только в начале пути по воспитанию социально ответственной личности.

Идея автономной личности, лежащая в основе либеральной доктрины, по определению нацеливает человека на то, что он должен действовать, не опираясь ни на какие традиции и авторитеты, по своему произволу. Это открывает путь к социал-дарвинизму, праву сильного, ограниченного лишь формальным соблюдением закона. Но, соблюдая формально закон, становимся ли мы совершенней?

Нынешний либерализм агрессивен, его корни уходят в 1990-е гг. Его легитимация и организационное оформление связаны с диссидентством, для которого профессиональной задачей являлась борьба с Россией. В отличие от настоящих либералов XIX века нынешние либералы-космополиты презирают народ.

Может ли русская идея стать альтернативой современному либерализму? Ответ утвердительный. Она укоренена в глубинах народной жизни, в характере, привычках, восприятии мира, она основывается на историческом опыте страны. Можно сказать, что наш народ её выстрадал.

Русская идея осязаема, а не абстрактна. Она не основывается на привнесённых извне идеях, как социализм,

² Я отделяю его от традиции настоящего отечественного либерализма XIX века, для которого «альфой и омегой» было служение своей стране, патриотизм, учёт национальных традиций и т.д. В ряду этих либералов можно бы назвать Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, П.Б. Струве и др.

коммунизм и т.д. Фундамент русской идеи – не социальная и национальная ненависть, а христианская любовь, ведущая к необходимости согласования и солидарности интересов во имя строительства общества, основанного на христианских ценностях.

В русской идее могут быть сопряжены свобода, социальная ответственность и традиционные ценности. Прежде всего – христианский идеал. Христианская идея – интегративная идея, она не разъединяет людей, а соединяет их.

Вместо идеи автономной личности (атомизированной, одинокой) в русской национальной идее звучит мысль о

соборности людей, консолидации нации на основе духовного богатства христианства. Помимо этого, идея соборности практически осуществима, т.к. ориентирует и на большие дела, и на малые, она приближена к каждому. Каждый способен делать добро в меру сил и способностей, данных Богом.

Наконец, русская идея совместима с либерализмом, поскольку основана на свободе, но свободе ответственной и одухотворённой. А это уже зависит от нас и Божьей помощи. Очевидна правота формулы В.В. Розанова: «Свобода следует за верой!»

Василий Ирзабеков –
 писатель, публицист, гл. редактор портала
 Благотворительного фонда свт. Луки (Войно-
 Ясенецкого)

Язык Бога или язык черни?

Удивительно, но язык каждого народа, пусть даже немногочисленного, обязательно содержит в себе информацию о Боге. Точнее, те представления о Творце, которые бытуют именно в этой конкретной общности людей. Даже у полудикого племени индейцев, затерянного где-нибудь в джунглях Амазонки, в их весьма скудном, на наш просвещённый взгляд, лексиконе наверняка найдутся слова, относящиеся к их божествам. Вот и получается, что если безбожного человека ещё можно встретить, то безбожного языка просто быть не может.

Так, в лексике некоторых тюркских языков мы встречаем интересные параллели со Священным Писанием. Скажем, в азербайджанском языке слово *человек* звучит как *адам*, что сразу же возводит нас к самым истокам ветхозаветной истории. Слово *предатель* произносится как *хаин* – да-да, тот самый Каин, совершивший самое первое и тяжкое предательство: убийство единокровного брата. Значение *чуждый, нездешний, несведущий, не наш человек* – это

хам, что также не нуждается в особых комментариях. Такая вот причудливая ветхозаветная матрица.

Что касается русского языка, то мы можем говорить о нём как о явлении сакральном. При внимательном любовном рассмотрении становится ясным, что он повествует нам об Иисусе Христе, содержит сокровенное знание о Нём.

Корни и мысли

Начнём со слова *человек*: что оно значит в русском языке? Обращаясь с этим вопросом к различным аудиториям, нередко слышал в ответ: «чело» и «век». Однако это не несёт в себе никакой смысловой нагрузки, чего попросту не может быть. Невероятно, чтобы слово, означающее в столь богатом языке понятие венец Божьего творения, было случайным набором не стыкующихся меж собой смыслов. Вспоминаю в этой связи, как был участником отпевания блаженного младенца, который прожил три неполных дня, но, к счастью, его успели окрестить. Я ещё поинтересовался

тогда у священника: какие же грехи у этого крошечного создания? И услышал в ответ, что даже новорождённый несёт на себе печать первородного греха, – и в этом заключается одна из тайн человеческой природы. Немало повидавший за свои более чем полвека я не нашёл тогда в себе мужества взглянуть на чело этого ангелочка. А уж какой там век?! Но Церковь отпевала именно человека!

Так что же значит это удивительное слово – человек?

Замечательное объяснение нашёл я в «Славянорусском корнеслове» Александра Семёновича Шишкова. Но сначала скажу несколько слов о самом этом великом русском человеке. Адмирал и госсекретарь, один из славных защитников Отечества, верой и правдой служивший четырём царям, министр просвещения и президент Российской Академии наук, он посвятил свою книгу государю Николаю I. Цель труда всей своей жизни он выразил в следующих словах: «Попытаемся, откроем многое доселе неизвестное, совершим главное дело и оставим будущим временам и народам обдуманное, обработанное и требующее для дальнейшего исправления уже мало попечений».

Человек необычайной популярности, яростный поборник чистоты родного языка, Александр Семёнович ратовал за удаление из него вошедших в моду многочисленных иноязычных заимствований, связанных с тогдашним засильем французского. Протест его был направлен также и против засилья французских гувернёров, заполонивших Россию, – воспитателей будущей элиты общества.

Однако А.С. Шишков находил поддержку и понимание не у многих своих современников, большинство считали иначе: «Дитя играючи научится сперва

говорить, потом читать, потом писать, и как французский язык необходимо нужен, напоследок будет писать так складно, как бы родился в Париже...».

«В этой-то самой мысли, – не соглашается А.С. Шишков, – и заключается владычество его над нами и наше рабство. Для чего истинное просвещение и разум велят обучаться иностранным языкам? Для того чтоб приобрести познания. Но тогда все языки нужны. На греческом писали Платоны, Гомеры, Демосфены; на латинском Вергилии, Цицероны, Горации; на итальянском Данты, Петрарки; на английском Мильтоны, Шекспирсы. Для чего ж без этих языков мы можем быть, а французский нам необходимо нужен? Ясно, что мы не о пользе языков думаем; иначе за что нам все другие так унижать пред французским, что мы их едва разумеем, а по-французски, ежели не так на нём говорим, как природныя французы, стыдимся на свет показаться? Стало быть, мы не по разуму и не для пользы обучаемся ему; что ж это иное, как не рабство?» И далее: «Я сожалею о Европе, но ещё более о России. Для того-то, может быть, Европа и пьёт горькую чашу, что прежде, нежели оружием французским, побеждена уже была языком их».

И это именно к А.С. Шишкову обращается на страницах «Евгения Онегина» его автор, в который раз используя в тексте романа иностранные слова в оригинале:

Du comme il faut...

(Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)...

Однако вернёмся к теме нашего разговора – о сокровенном значении слов в русском языке. В своей книге А.С. Шишков пишет: «Исследование языков возведёт нас к одному первобытному языку и откроет: как ни велика их разность,

она не от того, чтоб каждый народ давал всякой вещи своё особое название. Одни и те же слова, первые, коренные, переходя из уст в уста, от поколения к поколению, изменялись, так что теперь сделались сами на себя не похожими, пуская от сих изменений своих тоже сильно изменённые ветви. Слова показывают нам, что каждое имеет свой корень и мысль, по которой оно так названо».

Человек словесный

Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако, история его тесно связана.

Вильгельм Кюхельбекер

Так что же всё-таки означает слово человек? А.С. Шишков возводит его этимологию непосредственно к понятию «слово»: слово – словек – цловек – человек – человек. И дело не только в том (хотя и это немаловажно), что таким образом подчёркивается главное отличие людей как существ словесных, мыслящих словами, от всего живого, сотворённого Богом, но и в том, что Слово – это прежде всего имя Самого Бога! На какую же неизмеримую высоту поднимает нас эта мысль, какое высокое достоинство придано всем нам. Вспомним Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1, 1-3).

Больно слышать, когда православную веру пытаются (и попытки эти в последнее время становятся всё более настойчивыми) представить всего лишь одной из религий. Можно ли с этим

согласиться? Ни в коем случае. Ведь Господь Бог наш Иисус Христос, в Которого мы веруем, личностен. Именно в этом заключается коренное отличие нашей веры от иных религий. Господь был явлен нам, воплотившись, жил среди нас, учил и исцелял нас, радовался и горевал вместе с нами, принял за нас крестные страдания. И разве не этим сокровенным делится с нами святой апостол Иоанн: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, – о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение – с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом» (1 Ин. 1, 1-3). И далее: «Сей ученик и свидетельствует о сём, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его» (Ин. 21, 24). Вспомним, любимый ученик Спасителя даже слышал биение сердца своего Божественного Учителя, прикинув к Нему во время Тайной вечери. И если пафосом иных верований является мысль о ничтожестве человека пред лицом Всевышнего, то Священное Писание говорит нам о совершенно ином – что мы созданы по образу и подобию Божию. Пречистыми устами Господа нашего Иисуса Христа оно взывает к нашему с вами Небесному достоинству. «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», – читаем в Евангелии от Матфея (Мф. 5, 48). «Посему ты уже не раб, но сын», – вторит святой апостол Павел (Гал. 4, 7). Но если Отец наш есть Слово, то рождённые от Него, конечно же, словески, человеки, человеки. И это уже родство не только по плоти от

ветхозаветного праотца Адама, о котором мы упомянули ранее. Всё неизмеримо выше, божественнее, сокровеннее.

«Над небом голубым!..»

Не знаю, читал ли Николай Васильевич Гоголь Шишкова, но как проникновенны его слова из «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданства, до тех пор не придёт в порядок и земное гражданство».

Кстати, нелишне будет поведать о той печальной метаморфозе, которую претерпело само слово *гражданин* в советский период нашей истории. Ведь именно тогда оно стало ассоциироваться с понятием казёнщина, более того, с весьма специфичным понятием общения с «гражданином начальником». Вспомним, будучи заподозрен в чём-то противоправном, человек из дружественного разряда «товарищей» автоматически переходил в печальную группу изгоев – «граждан». А ведь изначально слово это обозначало высшую похвалу и пожелание православному человеку стать по завершении земного бытия насельником Небесного града Иерусалима, и именно от этого града ведёт свое происхождение высокое слово *гражданин*. Не потому ли так нелепо звучат для нас, нынешних, бывшие некогда хрестоматийными строки: «Смотрите, завидуйте, я – гражданин Советского Союза!»

Вот и в популярной песне Б. Гребенщикова «Под небом голубым» (авторство его мне кажется весьма сомнительным, так как и мелодия, и слова эти известны не одно столетие) всего из-за одного-единственного предлога искажён

её сокровенный смысл. На самом деле стихотворение это звучит несколько иначе: «Над небом голубым есть Город Золотой». Речь в этой песне идет всё о том же Небесном граде Иерусалиме.

А взять, к примеру, слово *славяне* – по Шишкову, это люди, одарённые особым даром слова. И это правда: ни у одного народа в мире нет больше такой великой литературы, каковой является русская словесность. Конечно, есть множество народов, литература которых насчитывает не одно столетие и даже тысячелетие, но дело не в возрасте. Хотя по историческим меркам русская словесность ещё достаточно молода в силу юности нации, главное её отличие от всех иных прежде всего в том, что в творениях её классиков, как ни в какой иной литературе, показана вся глубина, все неуловимые оттенки движения души человеческой, и её ангельские, лучезарные взлёты, и тяжкие мрачные падения. Никогда и нигде не ставились доселе так властно и с такой пронзительной любовью и болью «проклятые вопросы» человеческого бытия. А потому, отмечая то огромное влияние, которое она неизменно оказывала на весь строй души русского человека, на его умонастроения и в конечном итоге на судьбы нации, находившийся в эмиграции Иван Бунин в 1925 году горько констатирует: «Нынешнему падению России... задолго предшествовал упадок её литературы».

Вспоминаю, как покойный дед мой, окончивший классическую гимназию, а позже преподававший в ней, неизменно называл литературу словесностью. Невольно задумываешься о том, как же правильно обозначали наши воистину просвещённые предки важнейшую область человеческой деятельности,

более иных связанную с человеческой душою: именно словесностью, а не литературой, где литера – всего лишь буква. Воистину: «Имеющий ухо (слышать), да слышит» (Откр. 2, 17).

Вся правда Христова

Язык классической нашей литературы XIX века весьма богат потому, что создавали его люди глубокой мысли, люди высоких стремлений... Если язык русский есть богатство, наследие отцов наших, то славные писатели наши, как добрые сыны, приумножают отцово наследие. Не департамент одобрил их речь, не министерство рекомендует – нет, весь народ русский на Севере, на Волге, в срединной России, в Сибири читает и слушает эту речь и находит, что всё сказано статно и внятно.

Борис Шергин

Не так давно в 2006 году в культурной жизни нашей страны произошло событие мирового значения: прославленная балерина Майя Плисецкая отмечала свой юбилей (умерла в 2015 году в возрасте 89 лет). В одном из телевизионных интервью восьмидесятилетняя балерина (она мужественно не скрывала своего возраста, не буду делать этого и я) заявила: «Вот говорят, что в начале было слово, а я говорю, что в начале был жест». Эффектно, ничего не скажешь, но отчего-то стало грустно. Не хочется думать, что великая танцовщица так и не удосужилась открыть Евангелие от Иоанна. Или, может, не заметила, что в первой же фразе Слово написано с большой буквы. Ибо это Бог.

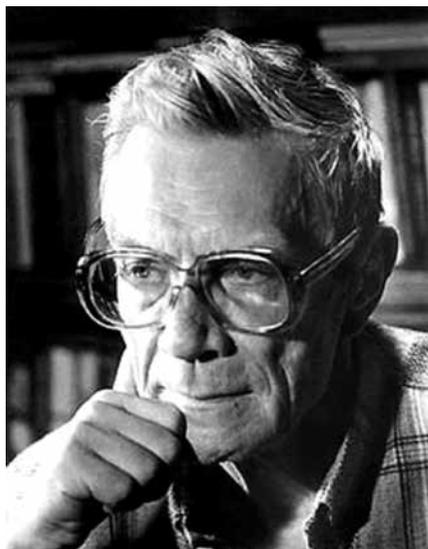
Как оказалось, можно дожить до весьма солидного возраста, сохранив прекрасную физическую форму (согласитесь,

сегодня это всё же редкость), снискать заслуженную мировую славу, но так и не уразуметь того, что было осознано и, что гораздо ценнее, прочувствовано полуграмотным, а то и вовсе безграмотным простым русским человеком и два, и три, и пять веков назад.

«Я утверждаю, – пишет Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя», – что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его. Мне скажут: он учения Христова не знает, и проповедей ему не говорят, – но это возражение пустое: всё знает, всё то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы ещё в лесах, спасаясь от врагов своих, в Батыево нашествие ещё, может быть, пел: «Господи Сил, с нами буди!» И тогда-то, может быть, и заучил этот гимн, потому что кроме Христа у него тогда ничего не оставалось, а в нём, в этом гимне, уже в одном вся правда Христова».

Так можем ли мы не ощутить драгоценность языка русского, несущего нам «всю правду Христову»? Можем ли остаться равнодушными к раздумьям великого писателя: «Главная же школа христианства, которую он прошёл, – это века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных за всю историю, когда он, оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-Утешителем, Которого и принял тогда в свою душу навеки и Который за то спас от отчаяния его душу!»

**Из книги «Тайна русского слова.
Заметки нерусского человека»**

Вадим Кожин (1930–2001) – советский и российский критик, литературовед, публицист, философ, историк

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ О ГРЯДУЩЕМ ПУТИ РОССИИ

То, что я собираюсь высказать, вовсе не является моим личным «открытием». Главное было сформулировано ещё в 1991 году в докладе «Социальная и социально-политическая ситуация в СССР. Состояние и прогноз», подготовленном под руководством директора Института социально-политических исследований РАН академика Г.Е. Осипова.

Один из основных выводов этого доклада заключался в утверждении необходимости осуществить «энергичное и последовательное возрождение естественных хозяйственных традиций, отражающих глубинные национальные особенности страны... Насильственное внедрение в нашу хозяйственную среду специфических западных принципов жизни не даст ожидаемого результата. Человеческий архетип, сформированный на протяжении тысячелетней истории, за несколько лет (добавлю от себя: и за несколько десятилетий. – В.К.)

переделать невозможно. Насильственное внедрение западных образцов экономики будет способствовать ещё большему углублению и обострению всех социальных, политических и экономических проблем... неизбежно приведёт страну к полномасштабной социальной катастрофе». И ещё два очень важных положения документа: «...особое значение в современных условиях приобретает... разъяснение роли России как евразийского государства», и «необходимо незамедлительное осуществление жёсткого государственного контроля над производством товаров первой необходимости и потребительским рынком».

Полностью присоединяясь к этим положениям, которые, увы, власти предержавшие абсолютно проигнорировали, считаю немаловажным их дополнительное более или менее конкретное обоснование.

Для начала целесообразно отойти от непосредственного «предмета» обсуждения, то есть России, и обратиться к проблеме так называемого японского экономического чуда, что способно многое прояснить. Не нужно, по-видимому, доказывать, что японская экономика в целом ряде аспектов сегодня превосходит остальной мир и с количественной, и с качественной точек зрения: она уже сравнительно давно по многим параметрам «обогнала» экономику США (возможно, впрочем, возражение, что Япония имеет мизерные в сравнении с США военные расходы и именно этим обусловлены её уникальные экономические достижения: однако данное «преимущество», в сущности, сводится на нет тем обстоятельством, что в Японии почти полностью отсутствуют основные сырьевые и энергетические ресурсы, в то время как США обладают ими в избытке).

В средствах массовой информации и в речах политических руководителей постоянно утверждается, что Япония совершила своё «чудо» благодаря перестройке экономики (а также и политики) по западному образцу, западной модели. Но это не более чем удобный для насаждающих его людей миф. Известнейший американский политолог японского происхождения и, что необходимо оговорить, страстный апологет как раз западного образа жизни Френсис Фукуяма писал в своём нашумевшем сочинении «Конец истории?» (1989), что после 1945 года «победоносные Соединённые Штаты навязали Японии либеральную демократию. Японцы, конечно, преобразовали почти до неузнаваемости западный капитализм и политический либерализм. Многие американцы теперь понимают, что организация японской

промышленности очень отличается от американской или европейской, а фракционное маневрирование внутри правящей либерально-демократической партии с большим сомнением можно называть демократией» («Вопросы философии». 1990, № 3. С. 141).

Это «диагноз» наблюдателя, который в отличие от советских (или «бывших советских») идеологов знает и западный, и японский мир не понаслышке. И «причастность» Фукуямы и к Японии, и к США побуждает согласиться с его решительным отграничением японской экономической и политической системы от западной.

Японская экономика принципиально и глубоко своеобразна. Часто говорят о том, что японцы очень, даже исключительно широко заимствуют западные изобретения, «ноу-хау», технологические идеи и т. п. Но заимствовать всё это могут в конечном счёте люди любой страны. Проблема в том, «заработают» ли «перенесённые» в эту страну чужие достижения?

В многоплановом исследовании, написанном в 1985 году рядом зарубежных специалистов, которое было издано у нас в 1989 году под названием «Как работают японские предприятия», недвусмысленно говорится, что начатое в Японии после 1945 года «применение американских методов управления оказалось неудачным». И к 1956 году ясно определились «основные черты японской системы управления... Важнейшими из них являются система пожизненного найма и процесс коллективного принятия решений» (с. 36). В другом месте этого исследования сказано, что «индивидуализм толкает американца к открытию своего собственного дела и

к возведению вокруг себя психологического барьера, который позволяет ему демонстрировать другим уверенность в себе», между тем «канонизированный японской культурой идеал составляет взаимозависимость, а не индивидуализм» (с. 55, 66).

Всё это опирается на многовековые национальные традиции: «Исследуя источники японской философии менеджмента, мы должны обратиться к эре Токугава (началась в 1603 году. – **В.К.**), когда японская культура достигла, наконец, своего классического выражения... лучшие традиции дзен-буддизма до сих пор сохраняются в сознании японца». И эти традиции было «необходимо интерпретировать и совершенствовать... в соответствии с потребностями промышленного развития... Обращение политической верхушки к отдельным элементам феодального наследия...ключевой фактор современного развития Японии» (там же, с. 38–39).

Это «обращение» к «феодалному наследию» осуществлялось с такой последовательностью, что популярный репортёр Владимир Цветов, который бывал в Японии ещё с 1960-х годов и провёл там в общей сложности восемь лет, заявил в своей книге «Пятнадцатый камень сада Рёандзи» (1977): «В июле 1986 года в Японии вступил в силу закон «О передвижении рабочей силы». Знакомись с ним – и в памяти возникают картины российского крепостничества, описанные в учебнике истории» (с. 360; напомним это «в учебнике истории»).

В высшей степени важно подчеркнуть, что, создавая свою цветущую экономику, японцы не просто продолжали вековые традиции, но в прямом смысле слова возрождали, воскрешали эти традиции.

Об этом поведал председатель одной из крупнейших японских корпораций «Мицуи дзосен» Исаму Ямасита: «После Второй мировой войны существовавший многие века дух деревенской общины начал разрушаться. Тогда мы возродили старую общину на своих промышленных предприятиях... Прежде всего мы, менеджеры, несём ответственность за сохранение общинной жизни... Воспроизводимый в городе... общинный дух экспортируется обратно в деревню во время летнего и зимнего «исхода» горожан, гальванизирует там общинное сознание и сам в результате получает дополнительный толчок» (с. 36, 47).

В связи с этим В. Цветов признался, что в конце концов он «понял, насколько правы японские менеджеры, уподобившие алхимикам тех западных журналистов, экономистов, социологов, которые пытались выискать в передовой технологии и новейшем оборудовании разгадку более быстрых, чем в других развитых капиталистических странах, японских темпов роста экономики и производительности труда, причины более высокого качества продукции» (с. 26). Решающую роль, как стало ясно, играет не технология, а фундаментальные основы национального бытия.

И необходимо сказать со всей определённой, что Япония, если ставить вопрос всерьёз, отнюдь не «перегнала» США (и Запад в целом). Ибо сам тезис «догнать и перегнать» – это только примитивный пропагандистский штамп. Понятие о «гонке» взято из элементарной ситуации движения на плоскости двух или нескольких «предметов», ситуации, которая совершенно неприложима к сложнейшему развитию экономики (не говоря уже о человеческом бытии

в целом). «Перегнуть» в экономике никак нельзя, достичь более значительных успехов можно лишь на ином, собственном пути.

О Японии мы вправе даже сказать, что она движется не «вперёд» вместе с США, а «назад»; не случайно японские экономисты постоянно вспоминают «феодалное наследие». И развитие японской экономики ясно свидетельствует, что всецело основанное на «индивиде», на основном содержании «билля о правах» экономика Запада оказалась менее способной к росту и совершенствованию, нежели «общинная» японская экономика.

Достижения японцев настолько впечатляющи, что автор предисловия к русскому изданию книги «Как работают японские предприятия» проф. Д.Н. Бобрышев заявил: «Изначальные социально-культурные условия в нашем народном хозяйстве больше приспособлены к восприятию именно японских методов и подходов, чем, скажем, американских – с их жёсткой нацеленностью на индивидуализацию, строгую расчётливость, личную карьеру» (с. 7).

Однако с этим никак нельзя согласиться. Предложение «пересадить» в Россию уходящую корнями в совсем иную историю японскую «модель», без сомнения, столь же утопично, как и нынешние эксперименты по пересадке западной модели. Достаточно задуматься о судьбе, которая ожидала бы в России – с её склонностью к постоянным «передвижениям» (в широком смысле этого слова) – одну из неотъемлемых основ современной японской модели – пожизненный найм рабочих и служащих, их безусловную преданность раз избранной корпорации. По определению из книги «Как работают

японские предприятия», на последних осуществлено «отождествление служащих с корпорацией» (с. 97).

В. Цветов написал, что, близко ознакомившись с японской экономической моделью, он вспомнил «картины русского крепостничества», отметив, правда, что имеются в виду картины, «описанные в учебнике истории». Он, конечно, вовсе не хотел тем самым намекнуть, что «картины», описанные в послереволюционных «учебниках», мягко говоря, неадекватны: он скорее «проговорился», чем сказал о несостоятельности этой самой «картины».

Виднейший специалист по исторической географии В.А. Анучин исследовал в своём трактате «Географический фактор в развитии общества» (1982) «тенденцию, весьма характерную для феодальной Руси, тенденцию, направленную к «перемене мест»... населявшие Россию народы фактически продолжали пользоваться большей свободой, чем народ любого хорошо организованного государства в Западной Европе» (с. 205).

Нельзя не учитывать и тот факт, что крепостничество распространялось менее чем на половину русских крестьян, и к тому же около половины из этих последних были оброчными, то есть жили где хотели и подчас становились более богатыми, чем их владельцы-помещики; большинство русских купцов и промышленников вышли именно из рядов оброчных крестьян.

Уместно сказать и о том, что многие деятели русской культуры начали свой путь в качестве крепостных, но в силу русского «своеобразия» такие бывшие «рабы», как ставшие академиками М.П. Погодин и А.В. Никитенко, действовали в культуре рука об руку с князьями-рюриковичами

П.А. Вяземским и В.Ф. Одоевским (у которого, впрочем, – и это в высшей степени характерно для России! – мать была крепостной крестьянкой).

Конечно, в кратком рассуждении невозможно обрисовать всю многостороннюю «картину» русского бытия, но и эти отдельные факты, как представляется, показывают, что в России совсем иные «традиции», чем в Японии. Крестьянская община в России никогда не была столь прочной и незыблемой, как в Японии, и наиболее активные её члены стремились вырваться (и вырывались) из её рамок; кроме того, русская община, в отличие от японской, отнюдь не была склонна к подчинению какой-либо вышестоящей «корпорации».

С другой стороны, громадную роль (в строительном деле – безусловно господствующую) играли в России известные уже по литературным памятникам XV века артели, которые были совсем иным институтом, нежели община: они свободно перемещались по территории страны, складывались по воле своих членов и опять-таки по собственной воле подряжались на те или иные работы. В 1890-х годах именно артелями, включившими в себя в общей сложности не более 10 тысяч человек, была построена Транссибирская магистраль (7,5 тысячи км рельсового пути, 55 км туннелей, 5 мостов через великие реки). Это явилось признанным всем миром «чудом» того времени, зияющим на неслыханно высокой производительности труда (достаточно сравнить этот труд с трудом в 1970–1980 годах вооружённых всяческой импортной техникой сотен тысяч строителей намного более короткой Байкало-Амурской магистрали).

В книге «Как работают японские предприятия» есть описания, невольно заставляющие вспомнить советскую действительность 1920–1930 годов: «...японские корпорации проводят... утренние митинги, цеховые собрания и собрания малых групп (кружков качества)... Обычно высший управляющий обращается к служащим с изложением политики компании... встреча заканчивается общими криками: «Будем работать напряжённо!» После утреннего митинга рабочие могут посетить цеховое собрание» и т. д. (с. 102).

Но в отечественных условиях такие «методы» могли дать эффект (распространявшийся к тому же далеко не на всех работающих) лишь в течение того короткого периода, когда сохранялся так называемый революционный энтузиазм; уже в 1950-е годы подобные методы стали чисто рутинным явлением. И «пересаживать» к нам японскую систему, повторяю, столь же бессмысленно, как и западную. Разговор о Японии необходим был потому, что современные «западники» громогласно настаивают: «Иного пути нет!» Между тем на принципиально ином пути Япония достигла экономических успехов, превосходящих всё, что дал Запад.

Если же ставить вопрос о русском пути, первое, о чём следует размышлять, – о многоукладности экономики России, сложившейся в очень давние времена. Подавляющее большинство современных «идеологов» полагает, что мысль о «многоукладности» принадлежит В.И. Ленину, но это свидетельствует лишь о том, что они из всего богатейшего наследия русской социальной мысли знают одни только ленинские сочинения (или, вернее, ленинские цитаты в пропагандистских брошюрах).

Огромная и исключительно многообразная (с географической, этнической, культурной и т. п. точек зрения) Россия принципиально не могла воплотиться в некую единую экономическую модель. Известен, например, спор двух крупнейших личностей – Л.Н. Толстого и П.А. Столыпина, первый из которых категорически отстаивал общину, а второй – индивидуальное хозяйство. Между тем и прошлое, и современность показывают, что оба были по-своему правы. В России может и должно быть и то и другое, так же как когда-то в ней занимали равноправное место и «барщина» и «оброк». Для крестьян Нечерноземья, в частности, разнообразнейшие промыслы имели гораздо большее значение, нежели хлебопашество; только догматическая, всё нивелирующая экономическая политика послереволюционных десятилетий насильно заставляла пытаться превратить Нечерноземье в «житницу».

Вторая важнейшая особенность российской экономики (нераздельно связанная с первой) – огромная роль государства, которая с совершенной очевидностью обнаруживается, скажем, при обращении к деятельности давних великих предпринимательских родов России – Строгановых (заимели своё дело с начала XVI века), Демидовых (с конца XVII в.) и т. п. Нынешние «западники» усматривают в государственном «вмешательстве» в экономику чуть ли не величайшее российское «зло» (исходя, понятно, из либеральных «западнических» представлений). Но уж хотя бы одно ни с чем не сравнимое многообразие, многоукладность «нормального» экономического бытия России порождает необходимость мощной организующей

роли государства. Достаточно ознакомиться с обстоятельными исследованиями двух историков – В.Я. Лаверычева «Крупная буржуазия в пореформенной России» (1974) и Л.Е. Шепелева «Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики» (1981), чтобы убедиться: политика государства имела необходимое и первостепенное значение для тогдашнего чрезвычайно быстрого становления российской индустрии. Именно так понимал дело великий не только в сфере химии, но и в своих экономических размышлениях Д.И. Менделеев.

И последнее (хотя отнюдь не последнее по своей важности). В одном из своих выступлений тов. Ельцин сказал, что ему в течение пятидесяти лет вбивали в голову «Краткий курс истории ВКП(б)». Это глубоко верно. Хотя сам этот «курс» давно отставлен в сторону, ряд «основополагающих» тезисов из его «гениальной 4-й главы» продолжал определять «основу» нынешней экономической науки. Наиболее существенно в этом смысле положение о том, что решающую роль в плодотворном развитии экономики играют «производственные отношения». Можно бы доказать, что данная в 4-й главе интерпретация исконного марксистского понятия об этих «отношениях» крайне примитивизировала и вульгаризировала это понятие (идеи Маркса – даже при признании всей их спорности – достаточно серьёзны). Но нынешние руководители экономической политики, на словах начисто отвергающие не только «сталинское наследство», но и марксизм вообще, на деле явно убеждены в том, что «радикальное» изменение производственных отношений (прежде всего, понятно, форм

собственности) само по себе и весьма быстро приведёт к экономическому расцвету и изобилию потребительских товаров. Ещё совсем недавно эти люди превозносили с данной точки зрения производственные отношения «развитого социализма», теперь с тем же пафосом воспевают производственные отношения капитализма или, как чаще говорится, «цивилизованных стран». Нам пытаются внушить, что, изменив по образу и подобию этих стран производственные отношения в России, мы быстренько достигнем их экономического уровня.

Выше уже шла речь о том, что «пересадить» западную (как и японскую) модель в Россию невозможно. Но допустим даже, что подобная пересадка осуществима (в чём уверены руководители «реформ»). Будет ли это означать, что Россия тем самым приблизится по своим экономическим показателям к высокоразвитым странам? Безусловно, нет. Ведь в конечном счёте в большинстве развивающихся стран – при всех возможных оговорках – «производственные отношения» в принципе те же, что и в высокоразвитых, а между тем ныне в развивающихся в течение одного года погибают от голода, по сведениям ЮНЕСКО, 20 миллионов человек!

«Благосостояние» нынешних развитых стран, где проживает всего лишь 15 процентов населения Земли, зиждется не на «производственных отношениях» как таковых (это вульгарное упрощение сложнейшей проблемы), но, во-первых, на выработанной в течение длительного времени исключительно высокой культуре предпринимательства и труда и, во-вторых, на постоянной «перекачке» различных ресурсов (в том числе и человеческих) из развивающихся стран.

Идеологи нынешних реформ убеждены, что, если придать российскому фермеру тот внешний экономический статус, каковой имеет, скажем, нидерландский фермер, он (наш фермер) получит те же результаты. Чтобы понять всю несостоятельность этого умозаключения, достаточно вдуматься в один только факт: в Нидерландах используются в хозяйстве только такие коровы, «родословная» которых точно известна за сотню предшествующих лет! И именно выражающаяся в этом (хотя, конечно, вовсе не только в этом – перед ними только одна, но поистине впечатляющая «деталь») высочайшая культура предпринимательства и труда прежде всего и обеспечивает экономические показатели нидерландского сельского хозяйства.

И вторая неотъемлемая сторона проблемы: перекачка ресурсов из развивающихся стран в высокоразвитые. Так, в 1987 году высокоразвитые страны, где проживает, напропамя, всего лишь 15 процентов населения Земли, «всосали» в себя 73(!) процента мирового экспорта энергетических ресурсов, то есть в 5 раз больше, чем было бы у них при «справедливом» дележе! (см. «СССР и зарубежные страны». 1988. С. 270).

И именно в этих двух феноменах (выработанной веками культуре производства и «перекачке») заключены наиболее существенные причины благосостояния высокоразвитых стран, а вовсе не в пресловутых «производственных отношениях», которые сами по себе не способны породить никакого «экономического чуда».

Итак, плодотворный грядущий путь России возможен только в русле возрождения её экономических устоев: принципиальной многоукладности и

в высшей степени весомой экономической роли государства. Ставя же вопрос о каких-либо «заимствованиях» из экономических моделей США или Японии, необходимо постоянно учитывать, что Россия – евразийская страна, и опыт Востока ничуть не менее существен для неё, чем опыт Запада. Речь идёт, конечно, не о примитивном призыве «взять лучшее» и оттуда и отсюда; гораздо важнее сознавать, что ни то ни другое не может стать «главным» (и тем более единственным) объектом внимания. Попытка пересадить западную модель ничего, кроме разрухи, не принесёт, и развитие в конечном счёте всё равно будет иным.

Наконец, бессмысленно и даже дико полагать (хотя очень многие это делают), что можно и нужно как бы «отменить» предшествующую эпоху, занявшую три четверти столетия, и вернуться на путь, приведший к 1917 году. Правда, нет сомнения, что страна переживает (как и всегда было после революций) полосу реставрации (а вовсе не «революции», как полагают «радикалы»). Но реставрация – это только определённое «уравновешивание», а не действительный возврат к предшествующему строю. Впрочем, это особый, сложный вопрос, который я пытался осветить в статье «Куда движется человечество?», опубликованной 31 декабря 1991 г. в газете «Правда».

Предвидение будущего – это нередко труднейшая, но необходимая и повседневно решаемая людьми задача. Мы редко отдаём себе отчёт в том, что любое наше успешное действие совершается, в частности, на основе предвидения – пусть хотя бы самого элементарного: так, мы отправляемся летом в лес за грибами, поскольку предвидим, что они там уже появились, а если мы ошиблись –

вернёмся с пустой корзиной. Этот пример, вероятно, воспримут с улыбкой, но задумаемся о людях, конструирующих новый летательный аппарат; неспособность к предвидению в этом случае обернётся трагическими последствиями... И, разумеется, успешное служение своей стране – идёт ли речь об указах её правителей или о действиях «рядовых», но озабоченных судьбой Отечества (и значит, в конечном счёте, собственной судьбой...) граждан, – невозможно без предвидения будущего.

Полтора столетия назад, в 1853 году, тогдашние правители России, вступив в очередной конфликт с давним соперником – Турецкой империей, ни в коей мере не предвидели, что наиболее мощные страны христианской Европы начнут войну на стороне вроде бы враждебного им исламского государства и Россия потерпит одно из немногих самых тяжких за всю её историю военных поражений... Между тем ещё за полтора десятилетия до начала Крымской войны проникновеннейший поэт и мыслитель (вторая сторона его творчества, к сожалению, известна немногим) Фёдор Иванович Тютчев со всей ясностью предвидел, что Запад только и ждёт удобного момента для мощной атаки на Россию с целью лишить её той первостепенной роли на мировой арене, которую она обрела в 1812–1814 годах.

Тютчев предпринимал разного рода усилия, дабы «открыть глаза» правителям России на грозящую ей роковую схватку, но никто из них так и не внял ему, – в частности, потому, что «все они, по тютчевским словам, очень плохо учили историю» (см. обо всём этом мою книгу «Тютчев», издававшуюся в 1988 и 1994 гг.). И в самом деле: любое

предвидение будущего страны возможно только при опоре на достаточно полное и глубокое знание и понимание её предшествующей истории; попытки заглянуть в грядущее России, исходящие лишь из её современного, сегодняшнего состояния, – это, как говорится, гадание на кофейной гуще.

Углублённый взгляд в историю, в прошлое России даёт возможность осознать определённую «направленность», основополагающий вектор, который, вероятнее всего, продлится и в неведомом грядущем времени. И нетрудно заметить, что в нынешних рассуждениях о будущем России нередко так или иначе присутствует обращение к предшествующей её истории, – но это обращение чаще всего явно тенденциозно, оно сосредоточивается на какой-либо одной стороне российского исторического бытия и представляет собою скорее субъективную оценку, чем трезвое, объективное осмысление этого бытия.

Вот, например, достаточно типичное в этом плане сочинение, принадлежащее перу недавнего «главного реформатора» – Гайдара – «Государство и эволюция», появившееся в 1995 году. С очевидным недовольством, даже негодованием говорится здесь о том, что «в центре» бытия России «всегда был громадный магнит государства. Именно оно определяло траекторию российской истории. Государство страшно исказило новейшую историю...». Даже «радикальнейшая в истории человечества революция не поколебала «медного всадника» русской истории». И вся задача состоит, мол, в том, чтобы «сместить главный вектор истории» (!).

Всё это, вполне понятно, продиктовано сопоставлением России со странами Запада, где государство играло намного

более «скромную» роль; Гайдар, впрочем, и не скрывает, что он целиком исходит именно из этого сопоставления. И получается, что история России – это как бы «искажённая» история Запада...

Согласитесь, что сам подобный подход к делу заведомо сомнителен («сместить главный вектор» – хотя даже беспрецедентная в истории мира революция не смогла этого сделать!). А использование созданной пушкинским гением поэмы «Медный всадник», исполненной глубочайшего и богатейшего смысла, предстаёт как крайне легковесная претензия.

Но главное даже не в этом. Нет сомнения, что государство имело исключительное значение в истории России. Но речь идёт всё же только об одной стороне российского бытия, совершенно непонятной без других его аспектов. Вспомним хотя бы о том, что громадное количество русских людей на протяжении столетий «уходило» с контролируемой государством территории на юг, север и восток, и в результате образовались, в частности, «вольное» казачество (само русское слово «казак» происходит от тюркского, означающего «вольный человек») и не подчинявшееся ни светской, ни церковной власти старообрядчество. И само пространство России в значительной мере было создано этими народными «вольницами», – хотя, конечно, освоенные ими земли позднее оказались под эгидой государства.

Вспомним и о том, что пламя из этих окраинных «очагов вольности» многократно поджигало и «центральную» Россию (болотниковщина в Смутное время, великий раскол, разинщина, булавинщина при Петре, пугачёвщина и т. п.), и лишь к XIX веку установилось

определённое «равновесие» народа и государства (без коего едва ли была бы возможной победа 1812 года над наполеоновской армией), притом оно установилось не только благодаря действиям власти: самые ярые повстанцы в конце концов как-то осознали губительность противоборства народа и государства, что явно выразилось, например, в добровольной «выдаче» властям Разина и Пугачева их ближайшими сподвижниками...

И если уж ставить в связи с этим вопрос о «своеобразии» России в сравнении с Западом, то наиболее кратко и просто ответить на него можно так: «чрезмерная» властность её государства всецело соответствовала «чрезмерной» вольности её народа (и, кстати сказать, в образах пушкинского «Медного всадника» воплощён именно такой смысл). Правда, это однолинейный и слишком «абстрактный» ответ; чтобы конкретно раскрыть своеобразие России, необходимо уяснить многие и сложнейшие проблемы, для чего здесь просто нет места.

Но вполне очевидно, что каждое резкое ослабление государства ставило Россию на грань гибели. Когда пресеклась (со смертью в 1598 году царя Фёдора Иоанновича) династия Рюриковичей, последующие правители уже не воспринимались как Божьи помазанники (что было в те времена необходимой основой верховной власти), и Россия вскоре же оказалась в поистине отчаянном положении. В ряде дошедших до нас сочинений и русские, и иноземные (англичанин Джон Горсей, швед Петрей и др.) свидетели Смутного времени говорят даже о неотвратимости распада и вымирания ещё совсем недавно могучей страны... Но после пятнадцатилетней Смуты государство было восстановлено, и уже к

1654 году страна настолько окрепла, что смогла вернуть украинские земли, отторгнутые от неё почти 300 лет назад (когда власть на Руси ослабла в результате монгольского нашествия) Литвой.

Через три столетия, в 1905-м, также началась «Смута», и после окончательного ослабления государства в феврале 1917-го многочисленные отечественные и иностранные авторитеты убеждённо говорили о необратимой гибели страны. Но в конце 1922 года было утверждено новое государство, СССР, и через четверть века страна сумела сокрушить вторгшуюся в неё самую мощную в мировой истории армию, которая вобрала в себя энергию всей континентальной Европы с её более чем 300-миллионным (!) населением (мало кто знает, что, скажем, большая часть бомб, используемых этой армией, производилась на чешских заводах, а значительная часть хлеба – на французских полях; не приходится уже говорить о почти десятке других европейских стран, открыто вступивших тогда в войну с нами...).

...Можно понять настроенность тех людей, которых смущают или даже ужасают присущие истории России крайне резкие и приводящие к поистине катастрофическим последствиям «повороты». Однако призывы и самые попытки «сместить вектор» в конце концов попросту смехотворны; они не более основательны, чем, допустим, проекты изменения континентального климата России, дабы он стал подобен атлантическому климату стран Запада. Ведь, между прочим, здесь аналогичное соотношение: привычный перепад между зимним морозом и летним зноем составляет на большей части территории России 55–60 градусов, а на Западе – всего

только 30–35... И нельзя исключить сложную связь этого различия с различием «политических климатов» России и Запада, хотя, конечно, проблема нуждается в скрупулёзном исследовании.

В наше время масса «экспертов» твердит, что Россия не является «нормальной» страной. Но даже соглашаясь с таким «приговором», недопустимо забывать, что, скажем, за последние два столетия именно Россия сокрушила две (других и не было) мощнейшие военные машины, претендовавшие на мировое господство и довольно легко покорившие «нормальные» страны; что Россия сотворила высшие, сопоставимые с чем угодно ценности в сфере литературы, музыки, театра, искусства танца; что она первой в мире вышла в космос и создала первую АЭС и т. д., и т. п. Словом, «ненормальность» не помешала России быть одной из величайших стран мира...

Тем не менее сегодня достаточно широко распространено мнение, что Россия – в очередной раз – на грани гибели или даже что её гибель неотвратима. Если исходить из вековых уроков истории, «спасение» – в создании нового могучего государства (для чего, по-видимому, должно окончательно рухнуть почти бессильное нынешнее...). Но сможет ли сформироваться это новое государство?

Как человек, если очень мягко выразиться, далеко не молодой, я отнюдь не склонен к розовому оптимизму и не могу заявить со стопроцентной уверенностью, что Россия и на этот раз воскреснет. Но, исходя из того, что её воскрешения совершались неоднократно, столь же – или даже ещё более – неуместно впадать в чёрный пессимизм.

Могут возразить, что история не повторяется, и в принципе это верно. Россия восстанавливалась после монгольского нашествия, после Смутного времени и после революции 1917 года на различной основе и разными путями, – хотя каждый раз речь шла о спасении от полной гибели (в 1238 году безымянный писатель создал «Слово о погибели Рускыя земли», а в 1917-м широко известный тогда Алексей Ремизов повторил сей безнадежный прогноз в своём «Слове о погибели земли Русской»).

Да, история России – откровенно трагедийная и катастрофическая, но единственно достойно воспринимать её так, как завещал нам в самом конце своей жизни Пушкин: «...ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал...».

Из книги «Победы и беды России».

Валерий Расторгуев –

доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР ВЕЛИКОРОССОВ

Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде?

Н.М. Карамзин

Реформаторы и рады бы поделиться с народом собственностью, но он, во-первых, не готов её брать по причине своей неискоренимой общинности и соборности, а во-вторых, ему и рискованно её доверять: распылит и промотает в полном соответствии с духом национальной «стихии».

А.С. Панарин

Русские, нерусские и нерусские русские

Какое будущее ожидает Россию, какой ей суждено стать в ближайшей и отдалённой перспективе, за горизонтом медленно уходящего смутного времени? Этот вопрос, судя по открытым источникам, не волнует разве что её правительство: какой скажут, такой и будет. Кто скажет? Кому? Когда? Нет ответа.

Есть и другой вариант того же по сути вопроса: «чего хочет Россия?». Он требует не столько от сменяющихся друг

друга правительств, сколько от каждого из нас, граждан России и соотечественников, готовности отвечать за себя. А если быть до конца последовательным, пришлось бы спросить: «Чего хотим все мы – сыновья и дочери России, не отрёкшиеся от матери-Родины, её лидеры и оруженосцы, не изменившие присяге, её молитвенники и простые труженики с непростыми судьбами, русские и нерусские по происхождению?» Особо над этим вопросом придётся потрудиться русской интеллигенции, у которой всегда складывались непростые отношения

и с русским народом, и с властью, и с собственной совестью, и с братьями по призванию – интеллектуалами за пределами русского культурного мира.

Этот вопрос может поссорить, может помирить, но в любом случае он принуждает к диалогу. И в этом диалоге, как правило, выявляется любопытная закономерность: граница между русскими и нерусскими никаким образом не связана ни с этнической самоидентификацией, ни даже с языковыми границами. К русским в духовном и культурном плане относят себя люди самого разного этнического происхождения и гражданской, а иногда и конфессиональной принадлежности. Их объединяет одно: все они хотят слиться с той исторической Россией, которая неотделима от великой русской культуры, обращённой к вечности, и образа семьи народов, где слабейшему члену семьи давали лучшее с общего стола, чтобы он стал сильным.

Иное дело – нерусские по убеждениям. Это сравнительно немногочисленное, но хорошо организованное племя так же интернационально, как и русский культурный мир, хотя внимательно следит, как правило, за собственной «крово-этнической чистотой» и не перемешивается без разбора. Нерусские по убеждениям, среди которых немало русских людей, не любят Россию. Не любят именно из-за своих убеждений или, точнее, предубеждений. Но поступиться ими не могут – иногда себе же во вред, но чаще с выгодой: на русофобов всегда есть спрос. Для одних не любить Россию – временная работа или профессия, для других – хобби или призвание, но всех их сближает идейная фобия – страх, питаемый идеей, а не общая культура. По этой, видимо, причине их отличает

какая-то особая невосприимчивость, мешающая диалогу, легко возникающему почти в любой межкультурной среде. У многих людей время от времени возникают какие-то фобии или идефиксы, но зачем же их делать смыслом жизни? Бывает, хочешь поговорить и даже договориться о чём-то с русофобами, особенно с теми, кто фобствует не по нужде, а по призванию, – и люди они, как правило, не глупые или, во всяком случае, начитанные, и на одной земле живём, а потом махнёшь рукой: себе дороже, всё равно не услышат. Этим они выделяют себя как среди русских (русских по родителям или по документам), так и среди русских немцев в России и в Германии (основная часть которых в большей степени русские и по духу, и по любви к России, чем «просто русские»), многочисленных русских американцев, французов и даже англичан. Впрочем, образ русских англичан немного потускнел в последнее время из-за повышенного интереса мировых и доморощенных СМИ к «нерусским по своим убеждениям русским англичанам», которые скупают Лондон с пригородами за нерусские деньги, вырученные за продажу русского добра.

Важно отметить, что дихотомия «русские – нерусские» совершенно по-разному воспринималась и воспринимается в разные моменты исторического развития (или исторической деградации) и разными людьми. Отношение к этим понятиям и образам находится в прямой зависимости от самооценки и личной способности к критическому восприятию навязанных человеку или социальной группе стереотипов, как бытовых, так и научных (не окончательно устоявшихся и вечно конкурирующих парадигм), а также откровенно

лженаучных концептуальных схем, рассчитанных разве что на оболванивание. Всё зависит в данном случае от образа «русские», не сгоревшего, как предполагалось идеологами-крематорами, но переплавленного до неузнаваемости в идеологических печах богоборческой и русоборческой диктатуры.

Реконструировать многоходовые и конкурирующие проекты, включённые в реальный политический и исторический процесс, крайне сложно. Но через наплывы времени и событий всё отчетливее проступают основные контуры и даже фазы планов и сценариев разрушения России, которые маниакально претворялись и претворяются в жизнь с использованием колоссальной энергии, невиданных доселе ресурсов (ресурсов самой же России) и патологической жестокости её насильников. Такие геополитические проекты, изменившие до неузнаваемости человеческий мир на столетия вперёд, оставляют кровавый след в череде поколений и не могут уйти в забвение.

История с «перековкой» русского народа и великороссов как его ядра свидетельствует: за необъяснимой вакханалией насилия над народом – и физического, и морального, и экономического – просматривается единая логика и чёткая цель. Можно выделить три основных параллельных, синхронизированных направления или манипуляции (образно говоря, «три пласта») этого политического проекта, который на самом деле был не только значительно сложнее и изощрённее, но и являлся звеном долгосрочной программы-утопии полного миропереустройства. Сегодня на смену этой утопии пришли другие утопии-правопреемницы, не менее опасные, о чём мы ещё будем говорить.

Преимущество подобных программ глобального изменения мира необходимо отслеживать, поскольку проверенные временем палаческие методы устранения препятствий на их пути (Россия – главное из препятствий) долго ещё будут востребованы.

Первое и основное направление было связано с долгосрочными манипуляциями с русским языком и массовым сознанием. В результате был, по сути, изъят из обращения, из сознания и даже подсознания миллионов людей в России – и высокообразованных в том числе – исторически сложившийся адекватный образ и, что особенно важно, самообраз русского народа. Так, почти незаметно «потерялся» исконный смысл слова «русские» – общего имени для граждан России и самоназвания мощного суперэтноса, основу которого, как известно, составляют великороссы, белорусы и малороссы, подавляющая часть которых относилась и относит себя к православию (отсюда традиционное для исторической России отождествление русских и православных). Теперь эти значения если и упоминаются, то с отсылкой на процесс естественного обновления языка [1] и поправкой «устар.».

Осуществить столь сложную политическую задачу помогла тотальная, ничем и никем не ограниченная власть. Власть над всеми информационными потоками, прессой, образованием и наукой. А также власть над самим языком (соответствующие реформы) и всей литературой – как отечественной, так и мировой, которая была полностью и многократно просеяна и профильтрована, переосмыслена и перекомпонована, «переработана», а частично и заново переписана под контролем единого центра.

Далеко не каждая страна могла выделить необходимые для такого масштабного и многолетнего деяния денежные, человеческие, интеллектуальные, организационные и иные ресурсы.

Вторая составляющая проекта заключалась в том, чтобы ввести в обиход обновлённое до неузнаваемости слово «русские», но уже в совершенно новом значении – как слово-бирку для обозначения одной из ветвей русского народа – великороссов. Смысл фокуса – окончательное вымывание из языка и культурной памяти людей ещё живого, реально существующего суперэтноса, который в результате теряет способность осознавать себя как целое и теряет право на жизнь. Эта задача в технологическом плане была попроще, поскольку опиралась на уже проделанную работу, а кроме того, не противоречила традиции и языковому узусу. Дело в том, что большинство великороссов редко использовало это имя, поскольку они считали себя прежде всего русскими, то есть подданными Российской империи и православными (это ещё один смысловой вариант слова «русские»). Они не только не кичились своим особым положением, но и не обращали внимания на этнокультурные отличия – как от «других русских» (по принадлежности к большому этносу), так и от других подданных России.

Чтобы объяснить, как удалось совершить подмену, важно обратить внимание на исторические предпосылки, которые облегчали поставленную задачу, а также на общий политический и социокультурный контекст. В этой связи можно напомнить хотя бы о том, что во второй половине XIX – начале XX веков осуществлялись первые масштабные

опыты в области «национального конструирования» и, соответственно, искусственного стимулирования интереса народов к своим «этническим и национальным корням». Цель экспериментов была прозрачна: найти действенные инструменты вытеснения и разрушения династического принципа политического мироустройства для расчищения «площадки под строительство нового мира». Великороссов эти эксперименты по понятным причинам почти не коснулись (становление самосознания державообразующей нации только укрепило бы империю). А если и коснулись, то преимущественно интеллигенции и высших образованных классов общества, что углубило пропасть между верхними и нижними этажами общества и отчасти предопределило успех февральского и большевистского переворотов. В целях ослабления Российской империи такие выборочные эксперименты ставились с разным успехом над другими народами России: вбить клин, посеять недоверие, разбудить «комплексы», зародить надежду местных князьков заполучить в свои руки уже не вотчину, а собственное царство. Теперь, в начале третьего тысячелетия, у них появился шанс войти, хотя бы в качестве обслуживающего персонала, в клуб персон, определяющих судьбы мира (для плебса подойдёт сказка о перспективах вхождения в число избранных, цивилизованных народов). А в этом случае цена затеи никакого значения уже не имеет.

Третья манипуляция, осуществлённая в несколько приёмов, может быть документально воссоздана, потому что потребовала мобилизации сил подавления и раскрутки на полную мощность репрессивного аппарата или, как

говорят теперь, «зачистки». Благодаря слаженной работе карательных и «просветительских» органов само слово «великоросс» в целях «социальной профилактики» было фактически вытеснено из общеупотребимого языка. Его штыком выскребли и из всех «сусеков» массового сознания. Предлог для демонстрации сверхбдительности и нечеловеческой жестокости, с которой истреблялась память о «великорусской гордости» вместе с её носителями – мнимая угроза зарождения «великорусского шовинизма».

Современный аналог-страшилка, призванная, вероятно, покончить даже с тем куцым, извращённым и «остаточным» понятием «русский», которое в советскую эпоху так и не удалось убрать из языка (бывшего великорусского) – так называемая «угроза русского фашизма». При этом вольные или невольные крематоры от культуры забывают тот факт, что В.И. Ленин, у которого они берут уроки ненависти к общим идейным врагам, в борьбе за умы и сердца «базового населения» России вовсе не клеймил великодержавные устремления русских, а тонко играл именно на высоких национальных чувствах великороссов. Он именовал их (и себя вкуче с ними) не иначе как «представителями великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии», которым «неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса». При этом Ленин клятвенно обещал великороссам не только не вытравливать последнюю память об этом «гордом имени», но и поднять на недостижимую высоту престиж Великороссии как великой державы: «Мы, великорусские рабочие, – писал будущий вождь, – полные чувства национальной гордости, хотим

во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства» (Ленин В.И. «О национальной гордости великороссов»). Где оказались те великороссы и та Великороссия после переворота?

Политика, как Восток – дело тонкое: одно говорят (если это позволено), другое думают (если это возможно), а делают третье (если это предписано). Пишут: «гордись», читай: «если жизнь не дорога». Вопросают: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет!» (тот же и там же), но подразумевают: «мы особенно ненавидим свое рабское прошлое [2]» (там же). Бичуют «помещиков, споспешествуемых капиталистами, которые ведут нас на войну, чтобы душисть Польшу», а после захвата власти готовят польский поход Тухачевского...

Почему нынешнее поколение ярых борцов с мнимой угрозой «русско-великорусского шовинизма-фашизма» отказалось от двойной игры, от лести и лживых обещаний? Почему сбросили личину? Растеряли профессионализм, помельчали? Да нет, просто бояться стало некого – дело-то сделано: русские не знают, а некоторые и знать не хотят, что они русские. Скажи, к примеру, украинцу, даже не оранжевому, что он русский – не поймёт, а оранжевый – так и оскорбится. В его сознании все русские – москаль. Да что там украинцы, скажи великороссу, что он великоросс – тоже не поймёт, а скажи ему, что он сам нерусский, если считает нерусскими других представителей русского народа – так и вовсе слушать перестанет...

Забыл народ собственное имя – и нет народа, как не было. Ушёл русский народ с политической карты, ушёл из истории, канул в Лету. И никому не больно. И некому оплакивать. Чего и кого теперь бояться русофобам? Да они теперь и не русофобы вовсе, а что-то вроде мародёров.

Только слышен стон предков наших, которые молились и умерли за Россию, за русский народ. Ни они, ни святые, в земле Российской просиявшие, не разошлись по своим этническим углам, как это пришлось сделать народам нашим после Беловежской пуши. Может быть, молитвами русских святых вернётся та многонациональная Россия, та воистину Святая Русь, которая без единого русского народа себя не мыслила?

Русские – народ-собственник

Зададимся теперь вопросом: кому и почему сегодня выгодно окончательно и навсегда убрать с политической арены русский народ и разрубить по живому политическое тело России? Ответ лежит на поверхности, но его почему-то никто не замечает. Всё дело в том, что вопрос о собственности, который, как известно, испортил людей и перессорил народы, никем окончательно не решён и не может быть решён, хотя нас пытаются заверить в обратном наши экономисты «от трубы». Они делают вид, что не знают о разногласии мнений в мировой экономической и политологической науке, да и в мировой политике. Для них все уроки, подобные национализации в Венесуэле, да и уроки отечественной истории, – казусы и только. По их понятиям ресурсодержатель – тот, кто получил «в подарок» и в вечное пользование от временщика или перекупил, обанкротив

конкурента, или как-то иначе приобрёл в свои руки недра, землю, воды... Сделал собственным – стал собственником, а собственность, господа, священна. После этого аргумента думать уже не надо. А вывод напрашивается сам: если русские и иже с ними прошляпили свою Россию, то поезд ушел: теперь будет всё по закону, который мы же напишем и протолкнём. Так и делают: по полуофициальным и, возможно, заниженным данным львиная часть бешеной прибыли новых собственников – от 50 до 80 процентов уходит на «поливку и подпитку» ветвей и сучьев власти (цифры варьируются в зависимости от «равноудалённости» и конъюнктуры на рынке политических услуг). Если учесть русские масштабы скрытых финансовых потоков в поистине необъятные «закрома власти», это уже не коррупция в обычном понимании слова, а нечто совершенно новое, неизвестное досель.

Но что бы ни говорили зафрахтованные теоретики или их опьянённые удачей фрахтовщики, никто не отменял со времён Моисея тот неоспоримый факт, что подлинным собственником и ресурсодержателем был, есть и всегда будет народ, которому некуда и незачем идти с собственной земли, потому что это его собственная земля. Богатства, данные народам Богом, могут передаваться в частные руки только на время и только при соблюдении законов – как писаных, так и неписаных – заповеданных, на которых строится жизнь народа и благодаря которым сохраняется преемственность поколений и веры. Речь идёт, в частности, об институте юбилея, то есть о трактовке собственности как дара свыше, а права собственности как аренды. По определению В.И. Шамшурина,

«в основе юбилейного социально-экономического подхода лежит совершенно определённая, нравственная, богословская монотеистическая подкладка. ... На юбилее во многом была основана плодотворная стадия развития Византии и русской хозяйственной культуры. По крайней мере, именно благодаря юбилею Россия четвёртого ноября [3] вышла из смуты».[4]

Какой практический вывод могли бы сделать из сказанного российские нувориши? Только один: если люди, составившие капиталы на волне приватизации, которая оставила по себе разрушенную экономику, поверженную мощь страны и миллионы разорённых и обманутых тружеников, не усвоят «юбилейной» логики истории, то они войдут, а точнее, влипнут в историю не как новые русские, а как новые «узкие». Узость мышления и духовного горизонта, который подменён сиюминутным хватательным рефлексом, – качества, которые не позволят сохранить ничего из присвоенного. Тщетны надежды «узких» на то, что или Россия распадётся и всё спишетя (подобно тому, как развал СССР освободил от ответственности подлинных виновников за трагедию Чернобыля и сделал их в глазах западных глотателей газет и прочих СМИ героями планетарной демократизации), или что удастся приумножить богатства, вывезенные за пределы непредсказуемой России. Все эти мечтания обречены по двум причинам. Первая – Россия не распадётся в очередной раз, а если это так, то закончится безвременье и, вместе с ним, не только окрепнет желание вернуть утраченное, но и появится возможность осуществить задуманное. А вторая, более прозаичная и жёсткая, заключается в том, что Рос-

сию не захотят развалить даже те, кто ещё недавно работал на этот развал. Среди политиков, уже давно шантажируемых угрозой наднационального суда за любое непослушание, и среди новых «узких» есть люди, и их становится всё больше, которые умеют просчитывать не только на два хода вперёд. Они уже открыли для себя или скоро откроют простую истину: их благополучие рухнет даже не на следующий день, а в тот же час, как обрушится неделимая Россия. Мир хищников не прощает ошибок, а хищный глобализирующийся мир – преступлений, связанных с неаккуратным и непрозрачным обращением с собственностью и налогами. Российская приватизация и прочие тёмные дела – золотое дно для любого адвоката, возжелавшего разорить нечистых на руку новых «узких». Кто их защитит, если не единая Россия? Так что держитесь, господа, сближайтесь с народом, любите Россию, поскольку ваши интересы хоть в чём-то, да совпадают с общенациональными.

Глобализирующийся мир разрушает любые границы – суверенитетов, культур, цивилизаций, чтобы превратить в товар всё, что ещё может быть потреблено, растворено и переварено вечно голодным «сытым миллиардом». Границы России, даже в её нынешнем измерении, являются стеной, которую постоянно будут пытаться взорвать, хотя из-под неё вытекают полноводные реки невозобновимых энергоресурсов, почти дармового сырья (десятые, а чаще сотые доли от цены конечного продукта), а также уникальные технологии, универсальные знания и носители этих знаний и технологий. Но угроза ресурсного голода «сытых и пресыщенных» остаётся. Подлинная угроза их безопасному и

безбедному существованию, основанному на навязанном миру неадекватном обмене природной и интеллектуальной рент, – народ-ресурсодержатель или, точнее, единственный Наследник своих предков и подлинный Собственник, который однажды может вспомнить о своих неотъемлемых правах. Вспомнить и вернуть – демократическим путём или, если не получится по-хорошему, силой. Разумеется, этот народ стал после осуществлённых с его самосознанием манипуляций несравненно компактнее, ограниченнее и скромнее в желаниях. Теперь к русским не относят себя (сами не относят, что и требовалось доказать), а следовательно, и не имеют уже никакого отношения к русским богатствам, ни самостийные украинцы, ни многие другие большие и малые народы, получившие полную свободу от Москвы, России и ... от русских ресурсов. Теперь всё это принадлежит наследникам, не отрёкшимся от первородства, то есть великороссам – русским по самоопределению и, по логике вещей, белорусам. Белорусы и, что не менее важно, власти этой страны до сих пор не перестают считать себя русскими и частью одной державы. Они не отрекаются ни от русской культуры, ни от русского (великорусского) языка, ни от надежды на высшую справедливость и восстановление былого единства, а следовательно, не отрекаются и от общих ресурсов. Их русскость более чем понятна: Белоруссия только в последнюю Отечественную войну с фашистской Европой, захваченной и отобилизованной нацистами, заплатила за свободу и жизнь нашей общей России непомерную цену: каждый третий (!) её житель погиб на полях сражений, был замучен, умер от ран...

Если с этих человеческих позиций подходить к вопросу о том, чего хочет Россия, то надо ещё раз уточнить: чего хочет союз России и Белоруссии? Когда союз наш состоится наперекор глухой ненависти, бесконечной лжи, шантажу, предательствам, подкупам и угрозам, то и шансов сберечь весь русский народ будет не вдвое, а вдесятеро, стократ больше. Тогда не придётся великороссам строить свою обособленную Великобританию – ни ту лукаво-эфемерную, что обещал рабочим велеречивый Ленин, ни ту вполне реальную, о которой всё чаще будут вынуждены думать русские люди, обременённые властью. Не состоится союз – будем строить свою Великобританию как единственную наследницу исторической России, но уже в блокаде, будем готовиться, как говорили отцы и деды, к труду и обороне. На этот раз – от тех же не слишком дружественных соседей, которые теперь разместят ударные силы уже не только в Польше, Чехии и в других ныне «прозападно-славянских» землях (чтоб братьям-славянам пришлось друг друга под прицелом держать), а на самой исконно русской земле, потерявшей сегодня даже право так именоваться.

Что нужно сделать, чтобы союз сложился, обязательно сложился? Каких искусных архитекторов и инженеров приглашать? Умение планировать своё будущее даже в том случае, когда оно уже давно запланировано кем-то за тебя и явно не в твоих интересах, – это действительно большое искусство, которое придётся осваивать русским или, на худой конец, великороссам, не по своей воле узурпировавшим все права на это воистину славное имя. Такую работу никому нельзя передоверять – ни поли-

тикам, ни яйцеголовым, как с недавнего времени по американскому образцу называют интеллектуалов, чтобы не путать их с интеллигентами, ни самой интеллигенции. Первые могут взять на вооружение идею, но только для того, чтобы возглавить процесс новой самоидентификации великороссов и повести их за собой. Куда? А это уже они решат потом за электорат. Вторые знают своё ремесло, они без проблем спланируют и построят любую стратегию развития «под ключ», по заказу, и даже не одну, а столько стратегий, сколько закажут. Одну – для великороссов, другую для тех, кто хотел бы их использовать для своих целей, а третью – для тех, кто хотел бы их истребить на корню вместе с памятью о России.[5]

Что же касается интеллигенции, о которой уже говорилось вначале, то это слово давно утратило свой исходный теологический и телеологический смысл (Ум Божий, творящий мир). Да и российская интеллигенция как особая социальная группа, обладающая огромным интеллектуальным и духовным потенциалом, но в силу ряда причин почти не имеющая политического веса, всё реже называет себя русской. И это происходит не только потому, что многие образованные люди в России ощущают языковую фальшь и неловкость в этом словосочетании, поскольку русская интеллигенция никогда не делилась по узкоэтническому и тем более территориально-политическому признаку на великорусскую, украинскую, белорусскую... Причина в другом – в полнейшей идейной разобщённости. К тому же интеллигенция не может рассматриваться как нечто цельное даже в сугубо социологическом плане. Она

пронизывает почти все социальные слои российского общества, где весьма высок образовательный ценз и до недавнего времени поддерживались добротные общекультурные стандарты. К сказанному можно добавить, что в последние десятилетия интеллигенция (и русская в целом, и российская как её составная часть) побывала и в положении «прослойки», о которую вытирали ноги партократы, и в роли люмпенов после того, как те же партократы, ставшие плутократами, объявили себя демократами. Так что ей предстоит долгий путь реабилитации – и духовной, и физической. А теперь, после искусственного развала единой страны, она сама нуждается в новой самоидентификации и стоит перед выбором: русская, российская или никакая...

Единственная опора исторической России, сохраняющая в чистоте и неприкосновенности образ русского народа, самое понятие «русский» в его истинном и высоком смысле, а также русский язык, не обесцвеченный и не отравленный стоками идеологии, не утративший связи со своим общеславянским живым источником, – Русская Православная Церковь. За верность свою, за стойкость в служении Господу и людям русское духовенство и миряне претерпели от русофобской нечисти больше, чем любая другая сфера российского общества или социальная группа. Сонм новых великомучеников взывает к единству. Здесь и только здесь живёт русский дух. Здесь и только здесь живёт Россия.

Окончание в следующем номере

[1] Похожим приёмом из арсенала «прикладной политической лексики» сегодня пользуются, кстати, при упаковке и распространении статинформации о совершенно противостественной, не имеющей аналогов в мире динамике и структуре вымирания русских и ряда других народов России. Демографы назвали этот процесс организованного самоистребления «русским крестом»: летящая вверх «линия смерти» (регистрируемой смертности), косящая по преимуществу дееспособные поколения, пересекается почти под прямым углом с падающей в небытие «линией жизни» – показателями рождаемости. Именно этот молох смерти даже публичные политики и специалисты называют «естественной убылью населения»... Для понимания уровня цинизма подобного подхода важно увидеть общий социальный и демографический фон, на котором разворачивается драма. Этот фон – ежедневные, из года в год, из десятилетия в десятилетие массовые и почти ритуальные детоубийства (т.е. убийства, не только не осуждаемые, а и узаконенные государством, принятые светским обществом как необходимость, ставшие обычаем и нормой, воспринимаемые как право и даже обязанность русской женщины). В нынешней России двое детей из трёх приговариваются к смерти до своего рождения. Это уже не статистика, а состав преступления против человечности. Убийства эти провоцируются социальным унижением и необъявленной войной против семейного уклада жизни – откровенной пропагандой свободных и «нетрадиционных» отношений. Они поощряются борцами за либеральные ценности и ничем не ограниченные свободы, стиму-

лируются идеологами глобальных программ «планирования семьи». А самые чудовищные формы узаконенного истребления народа подаются как естественные издержки демократизации. Решительно против – только церковь. Государственные мужи и «жены», парламентарии обеих палат заняты другим – публичными шоу-дискуссиями о легализации эвтаназии в России. Если они об этом заговорили, значит, уже появился заказчик введения ещё одной разновидности узаконенных «либеральных» массовых убийств, а народные избранники, осторожно прощупывая общественную реакцию, «опривычивают» и легитимируют тему, дают эфир палачам по призыванию, прокладывают им путь...

[2] Слова «прошлое» и «наследие» по ленинской традиции употреблять должно применительно к России с обязательным идейным гарниром: «рабское», «проклятое» и пр.

[3] 4 ноября 1612 года считается днём окончания Смутного времени, завершившего правление царя Бориса, когда воины народного ополчения под предводительством гр. Кузьмы Минина и кн. Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город в Москве. В этот же день (4 ноября) Православная церковь отмечает праздник иконы Казанской Божией Матери.

[4] Шамшурин В.И. Дарение и творение (в печати).

[5] Подобная технология, к слову, давно освоена не только нашими известными политтехнологами, которые «разводят» клиентов на выборах, работая сразу на противоположающиеся группы, но и финансовыми структурами, оказывающими поддержку сразу всем «проходным» кандидатам.

Причём «денежные мешки» и технологии чаще всего – одна компания: кто бы ни прошёл, она в выигрыше.

[6] Выражение «нынешняя Россия» хотя и отдаёт просторечием, но представляется более точным, чем «современная Россия», поскольку в нашей стране сегодня сосуществуют разные «временные пояса», и каждый волен выбрать себе современников. Один пояс – время великой русской и мировой литературы и философии, отцов церкви и народных сказаний, другой – политический новояз, который в нынешней России почему-то неотличим от воровского арго, третий – визуальное время хуанит и педров, клоаки околополитических компроматов и мародёрствующих папарацци.

[7] Тема вечности как измерения русской культуры была предметом специального анализа на страницах нашего журнала. См.: Расторгуев В.Н. Русская культура и российская политика / Трибуна русской мысли. М., 2003. №2.

[8] Интересные обобщения, связанные с этим прогнозом в контексте совре-

менной геополитики, делает английский политолог Кристофер Коукер. См.: Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000.

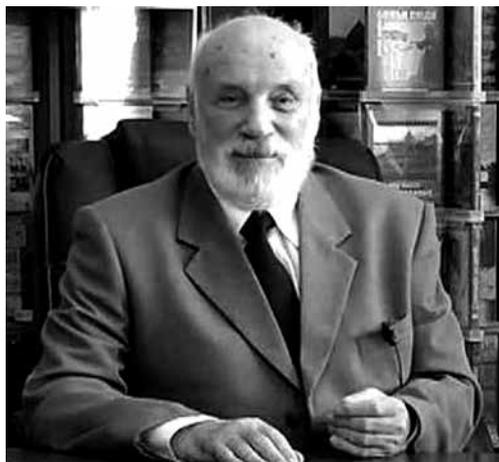
[9] Особого внимания заслуживает далёкая от традиционного видения оценка этого проекта, данная Н.Я. Данилевским в его книге с говорящим названием «Горе победителям».

[10] Кант И. Об изначально злом в человеческой природе. Соч. М.: «Мысль», 1965. Т.4. Ч.2. С.37.

[11] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. Т. 15. С. 252.

[12] Маркс К., Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М.: Политиздат. С. 293.

[13] Любой ценой отыскать и насадить «фашизм» в народе, раздавившем реальный гитлеризм, – два направления одного политического проекта, о сути которого могут не знать только нанятые актёры и наивные зрители. Но не следует искать несведущих людей среди организаторов этого хорошо срежиссированного политического действия, планомерно разжигающего межэтническую рознь в «современной» России.

Виктор Тростников –
*писатель, кандидат
философских наук*

Русскую историю надо воспринимать как единое целое

Всякому народу свойственно желание знать своё прошлое. К сожалению, прошлое со временем забывается, и реально происходившее замещается мифами. Избавлению от них содействуют круглые даты, которые побуждают внимательнее взглянуть в прошедшее и дать ему объективную оценку.

Одна из очень значимых круглых дат будет отмечаться нами в 2017 году. На юбилейных докладах, конференциях, в выступлениях политических и общественных деятелей, писателей, историков будет подвергнут анализу исторический материал. Многие надеются, что это поможет выработать единое отношение к двум нашим революциям, гражданской войне и последующему за ней советскому периоду русской истории, и, таким образом, по этому предмету будет достигнут консенсус, которого сейчас, к сожалению, нет. Ведь в Евангелии сказано: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12, 25).

В настоящее время в нашем обществе существует две точки зрения на то, что произошло за последние сто лет.

Первая точка зрения. Дореволюционная Россия была волшебной, сказочной страной, свободной и изобильной. Она управлялась мудрым благочестивым государем, в ней происходил демографический взрыв, по темпам роста производства она вышла на первое место в мире. Великий Менделеев предсказывал ей самое блестящее будущее. Но кучка злобных заговорщиков, действуя на иностранные деньги, воспользовалась обстоятельствами военного времени, обманула народ ложными посулами и ввергла страну в пучину хаоса, после чего власть захватили палачи, развязавшие массовый террор, жертвами которого стали 66 миллионов человек.

Вторая точка зрения. В конце XIX века в России всё сгнило. Низы не хотели, а верхи не могли жить по-старому; все ожидали перемен, над страной гордо реял буревестник революции. И она

грянула, как очистительная гроза. Народ взял власть в свои руки, была проведена индустриализация, начался небывалый подъём культуры, и Россия стала мировой супердержавой с ядерным оружием и баллистическими ракетами.

Понятно, что две эти позиции абсолютно несовместимы, ибо они прямо противоположны. Можно ли рассчитывать на то, что более детальное ознакомление с фактами, которыми будут сопровождаться юбилейные мероприятия, прекратит разногласия, ибо факты упрямая вещь и против них не попрёшь? Этот расчёт безоснователен. Суть в том, что сторонники обеих точек зрения, которых примерно одинаковое число, опираются в своём мнении именно на факты, извлекая из обильного исторического материала только то, что укрепляет их позицию. Чем больше будет этого материала, тем легче будет это сделать, и противостояние станет более ожесточённым, так что возникнет угроза серьёзного раскола вплоть до уличных манифестаций и даже до майдана. Есть ли возможность избежать этого?

Да, есть.

Для начала разберёмся, в чём состоит сущность спора. Принципиальное разногласие заключается в том, что одни люди считают нашу революцию исторически закономерной, а другие видят в ней роковой срыв, результат временного ослепления, – как выразился один историк, «национальный суицид», которого могло бы не быть и не должно было быть. Теперь нам нужно ответить на вопрос, что такое исторически закономерное событие. Очевидно, это такое событие, которое вписывается в канву истории, соответствует её общему смыслу. С тем, что русская история

имеет смысл, то есть что Россия имеет определенное историческое предназначение, согласны все, – даже те, кто считает революцию досадным срывом, ибо слово «срыв» означает отступление от смысла. Это уже начало консенсуса, которое надо развивать. Чтобы сделать следующий шаг, надо понять, в чём состоит историческое предназначение России. Для этого необходимо взглянуть не в последнее столетие, а во все десять веков существования Руси, ибо только обзревая весь наш маршрут в целом, можно догадаться, куда ведёт нас Творец истории. Давайте пройдемся по нашей макроистории и увидим, какая миссия в этом мире возложена Господом на геополитическую единицу, именуемую Россией.

Итак, стартуем. На дворе девятый век. Киевские князья Аскольд и Дир с варяжско-славянской дружиной головорезов подплывают к Константинополю с целью как следует его пограбить. Горожане в ужасе. Патриарх с императором всю ночь молят Бога о спасении и утром опускают в Босфор край ризы Пресвятой Богородицы. И тут происходит чудо: при совершенно ясном небе грянула буря и огромные морские валы разметали флотилию князей, так что им пришлось думать не о наживе, а о том, как унести ноги. Уже вернувшись в Киев, они осознали, что это Бог византийцев защитил свой народ, и сами уверовали в этого могущественного Бога. Став христианами, они хотели обратить и свой народ, но язычник Олег убил Аскольда и Диру и завладел престолом. Первая попытка христианизации Руси не удалась.

Век десятый. Княгиня Ольга принимает крещение в Царьграде и просит императора прислать на Русь крестителей народа. Но Константин Багрянородный,

понимая, что принятие единой религии Русью значительно её усилит и создаст опасного геополитического соперника Византии, решительно отказывает ей в этом. И тут Ольга делает шаг, который мог сорвать весь замысел Бога относительно Руси: обращается с просьбой прислать миссионеров к германскому королю Оттону. Не особенно разбираясь в богословии, она не понимает, что западное христианство выродилось в папизм и является уже ересью. Тут Божественному навигатору пришлось перестроить маршрут. Назначенный главой миссии монах Либуций во цвете лет вдруг неожиданно умирает, а его преемник епископ Адальберт оказывается чрезвычайно медлительным, и пока он собирает команду для крещения Руси, к власти в Киеве приходит подросток Святослав, сторонник язычества, и христианизация Руси снова откладывается. Отсрочка была недолгой. Уже в конце столетия внук Ольги Владимир снова обращается к византийскому императору с просьбой о миссионерах. На этот раз ситуация совершенно другая: император Василий II глубоко благодарен Владимиру, приславшему в своё время дружину для защиты его от узурпатора и сохранившему ему не только трон, но и саму жизнь, и поэтому отказать не может. Так с третьей попытки Киевско-Новгородская Русь стала православным государством.

Одиннадцатый век. Христианство прочно укореняется на Руси, управляемой сыном князя Владимира Ярославом Мудрым. Он не только умный политик, он и незаурядный богослов. Но в конце своей жизни этот мудрец совершил огромную ошибку. Живя сам по евангельской заповеди любви, он посчитал,

что ею будут руководствоваться и его дети, и разделил Русь между ними. Но они оказались не столь благочестивыми: каждый посчитал себя обделённым, и на Руси начался длительный период княжеских междоусобиц.

Двенадцатый век. Великий князь Андрей Боголюбский пытается восстановить единую государственность, но он понимает её очень упрощённо, а именно как абсолютную единоличную власть. На самом деле государство есть сложный организм, включающий в себя множество согласованно действующих механизмов: механизм принятия решений, располагающий совещательными органами, механизм учёта и контроля, гражданский уголовный кодекс и органы правопорядка, воинскую иерархию и органы, руководящие общественными работами. А главное – привычка населения ко всем этим механизмам, позволяющая активно участвовать в их деятельности, умение народа жить в государстве, признавать его необходимость и служить ему не за страх, а за совесть. Ничего этого на Руси XII века не было, и наивная попытка создать государство одним только восстановлением единоличной власти без наличия всех необходимых механизмов, конечно же, окончилась провалом: окружение, пропитанное духом междоусобиц, увидело в Андрее Боголюбском не объединителя Руси, а зарвавшегося удельного князя, вознамерившегося подмять под себя всех остальных князей. Быстро составил заговор, и князь Андрей был убит.

Из нашего обзора пока неясно, какую историческую миссию возложило на Русь Провидение. Но само понятие такой миссии применимо лишь к внутренне единому сообществу, ибо только такое

сообщество может выступать в качестве субъекта истории, быть опознаваемым действующим лицом мировой драмы. Распавшаяся же на дерущиеся между собой удельные княжества Русь никак не могла быть таким действующим лицом и по логике вещей должна была сойти с исторической сцены, оставив Божий замысел о себе неосуществлённым. Но Бог поругаем не бывает. Он повёл нас к цели кардинально перестроенным маршрутом, на первом отрезке которого нас ожидали великие скорби, – но иного выхода из тупика, в который завело нас опрометчивое завещание Ярослава Мудрого, не было.

Скорби обрушились на нас с приходом тринадцатого века. Из глубин Азии на нас двинулась бесчисленная, как морской песок, татаро-монгольская рать. Войдя в наши пределы, она несла с собой смерть и разрушение. Остановить это нашествие нам было не по силам. Сначала мы потерпели поражение на реке Калке, а потом на реке Сити, и Русь потеряла свою самостоятельность, став улусом Золотоордынского ханства.

Казалось бы, банальное событие: сильный побеждает слабого и захватывает его территорию. Сколько раз это повторялось в человеческой истории! Но в нашем случае всё намного интереснее. Здесь с большой точностью воспроизведён известный библейский сюжет, исполненный глубокого смысла. Когда-то очень давно Бог предал тело праведника Иова в руки дьявола, поставив условие – не трогать его душу. Иов претерпел много страданий, но в конце концов это пошло ему на пользу, и он стал блаженнее, чем был до начала своих злоключений. У нас произошло то же самое: по Божьему попущению ордынцы

поработили нас физически, но за всё время своего господства, будучи сначала язычниками, а потом мусульманами, они ни разу не вмешались в нашу духовную жизнь, будто каким-то внутренним ухом слышали грозное предупреждение: не трогайте душу русского народа, то есть его православную веру! Они к ней и не прикасались, и даже не взимали налога с наших церквей и монастырей, которых было в изобилии и в самой Орде, даже в ее столице. Такую крайнюю веротерпимость ханов невозможно обосновать ни политическими, ни экономическими, ни хозяйственными и вообще никакими рациональными соображениями. Единственное объяснение заключается в том, что такова была Божья воля. Впрочем, не будем маловерами: и само нашествие ордынцев произошло по Божьей воле. Главная идея скорректированного маршрута России заключалась в том, чтобы провести её через двухсотлетнее татаро-монгольское иго. Говорят, всё гениальное просто. Эта идея была настолько простой, что никакая человеческая гениальность не могла бы до неё додуматься. Только задним числом мы видим, насколько она элементарна. Беда русского народа заключалась в том, что за два столетия междоусобиц он потерял представление о принципах жизни в государстве, и восстановить его можно было только живя в государстве, а его у нас не было. «Ничего страшного, – сказал нам Господь. – Нет своего государства – поживите в чужом», и наслал на нас Батыея, который включил Русь в состав своей идеально отлаженной империи. Став наместниками ханов, русские князья начали учиться у них искусству централизованного управления и администрирования. Особенное

рвение в этой учёбе проявлял Александр Невский, который много раз ездил в Орду и наладил с ней плодотворное сотрудничество. Ордынское начальство было заинтересовано в сосредоточении местной власти в руках князей, которым поручалось самим собирать дань и привозить её в Орду; это устраняло необходимость посылать собственных сборщиков по всему обширному улусу. В результате к концу XIII века русские князья приобрели достаточные навыки управления, а русский народ из подчинённых стал постепенно превращаться в подданных, и русский улус сделался чем-то вроде государства в государстве, обретя значительную долю самостоятельности. Оценивая значение XIII века для русской истории, можно сказать, что это был век формирования русской государственности под крышей государственности ордынской. Как совершенно справедливо заметил Арнольд Тойнби, без татаро-монгольского ига Россия бы не стала великой державой.

Продолжая наш обзор, войдём в четырнадцатый век. С этого момента мы будем говорить отдельно о духовной и материальной составляющих русской жизни, относящихся к двум научным дисциплинам – истории Церкви и истории государства. Для духовной жизни Руси XIV столетие было золотым веком, временем небывалого религиозного подъёма. Царство Небесное воистину приблизилось к Руси, и Русь это почувствовала. Тысячи людей услышали обращённый к ним призыв Бога поработать Ему без лени и, оставив свои дома, уходили в безлюдные места, возводя там церкви и основывая монастыри, чтобы посвятить себя Господу. Именно в это время возникло и стало

широко употребительным словосочетание «Святая Русь»; до этого Святой землёй именовали только Палестину. Что же касается мирской составляющей русской жизни, то она развивалась тоже достаточно бурно. Наши князья, постигнув принципы государственного жизнеустроения, действующие в Орде, стали внедрять их у себя, – особенно принцип единоначалия. Слабые князья вынуждались отказываться от своей самостоятельности и переходить на службу к сильным. Так начался процесс собирания русских городов вокруг Москвы, авторитет которой сильно возрос после победы Дмитрия Донского над Мамаем на Куликовом поле. Эта победа существенно изменила отношения между Ордой и Русью: оставаясь формально наместниками ханов, получавшими от них ярлыки на правление, и продолжая выплачивать им дань, русские князья присвоили себе более широкую автономию, и ханы вынуждены были смотреть на это сквозь пальцы. Подводя итоги нашему XIV веку, можно сказать, что к его концу Русь стала усиливаться, а татаро-монгольское иго – постепенно ослабевать.

И вот наступил незабвенный, благословенный, переломный пятнадцатый век, поставивший всё на свои места. Всем, кто имел уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, стало наконец совершенно ясно, в чем состоит историческое предназначение Руси. Оно раскрывается в краткой формуле: «Два Рима пали, Москва – третий Рим, а четвёртому не быти». Тогда эта фраза была всем понятна, сегодня её приходится расшифровывать. Под «Римом» здесь понимается империя, но не любая, а только православная, то есть сильное

государство монархического типа, имеющее в качестве официальной религии православную веру и являющееся главным её хранителем во Вселенной. Первым Римом была Западная христианская империя, основанная Константином Великим, она просуществовала с 313 по 476 год и пала под натиском германских племён. Вторым Римом стала Восточная христианская империя, или Византия, которая просуществовала с 476 по 1453 год и была разрушена мусульманами. Третьим Римом, согласно Божьему предопределению, должна стать Россия. Эта тайна открылась в XV веке.

Обретение Русью статуса Третьего Рима осуществлялось поэтапно и сопровождалось поразительными чудесами и знамениями. В 1423 году в Ростовско-Ярославском княжестве крестьяне увидели в небе деревянное Распятие, которое, как говорит летописец, «пришло с греческой стороны». Эта резная скульптура чисто византийского стиля ныне хранится в церкви села Годеново. Очевидно, это было предупреждение о будущем принятии Русью эстафеты от Византии, а посланный Богом Крест был символом эстафетной палочки. Это знамение произошло день в день за тридцать лет до падения Константинополя, а за пять лет до его падения по Божьей воле на Руси произошли сразу два великих события: кончилась последняя, самая кровавая междоусобица, и великий князь Василий II стал единовластным правителем Руси, а наша православная Церковь, бывшая до этого епархией Константинопольского патриархата, обрела автокефалию. Таким образом, к 1448 году Русь сделалась сильной независимой ни от кого православной державой, способной взять на себя обязан-

ности Третьего Рима. А через пять лет после падения Второго Рима Константинопольский патриарх Геннадий, несмотря на то, что находился под строгим контролем турок, сумел переслать игумену Спасо-Елеазаровского монастыря под Псковом Евфросину главную святыню Софийского собора – Цареградскую икону Божией Матери в знак того, что Богородица, сохранявшая своим покровом в течение тысячи лет Византию, теперь будет простираться над Русью.

Христиане прекрасно поняли всемирно-историческое значение произошедшего. Василий II, Иван III и Василий III получали не только от своих подданных, но и от греков множество писем, начинавшихся словами: «Ты теперь один во всём свете православный государь». Но эйфория по поводу обретения Русью нового статуса не могла длиться вечно в какой-то момент мы должны были сказать себе: цели ясны, задачи определены – за работу, товарищи! Работу надо было вести в двух направлениях: усиливать государство и укреплять православную веру. На первом направлении дела шли весьма успешно. При Иване IV Московское великое княжество стало Русским царством, и в его состав вошли Казанское и Астраханское ханства, так что вся Волга от истока до устья стала русской рекой, а также началось освоение Сибири. При Михаиле Фёдоровиче наши казаки отряды вышли к Тихому океану, а при Алексее Михайловиче к Руси присоединилась Украина. При Петре Русское царство стало Российской империей, которая включила в свой состав Прибалтику, а при Екатерине II в империю были включены Крым и часть Польши. При Александре I победой над Наполеоном Россия показала свою способность

отразить нападение любого врага и стала быстро осваивать европейскую науку и технику, а в царствование Александра III в качестве промышленной державы сравнялась с Германией и Великобританией.

Однако Творцу истории вовсе не нужна была лишняя светская держава, каких у Него было предостаточно. Но как было сохранить религиозное чувство русского народа под натиском материализма, который соблазнял всех своим козырным тезисом «наука доказала, что Бога нет»? В России эту ложь приняли за правду сначала высшие слои общества, потом разночинцы и, наконец, широкие массы простых людей. Богом становилась наука, а Божья воля заменялась законами природы. Снова исполнение Божьего замысла о России оказалось под угрозой. Но Небесный навигатор продолжал вести нас к прежней цели, перестроив маршрут. Чтобы сохранить религиозное чувство русского народа в условиях распространяющегося материализма, Господь использовал сам материализм, сделав так, что он стал нашей религией, облачённой в мифологию, очень похожую на христианство.

Эта новая религия включала в себя два мифа, напоминавших что-то родное нашему сердцу. Первый миф: избранный народ, то есть рабочий класс, томится в капиталистическом рабстве, и вот однажды является познавший законы исторического развития Маркс, призывает пролетариат совершить революцию, освобождающую его от рабства, и вводит в обетованную землю под названием «социализм». Это было материалистическое перетолкование библейского сюжета об Исходе, и поэтому народ воспринял его с энтузиазмом.

Второй миф: цель человеческой жизни – быть счастливым, обрести райское блаженство. Наши невежественные предки помещали рай на ангельские небеса. Но наука доказала, что таких небес не существует, поэтому мы должны строить рай на земле, коммунизм, куда если мы и не успеем войти, войдут наши потомки. Этот миф благодаря ассоциации с евангельским учением о спасении также был принят народом благосклонно и прижился в нашем общественном сознании. Так возник суррогат христианской веры, не противоречащий материализму и даже одобряемый наукой. Это был не хлеб, а мякина, но она всё-таки питала наше христианское религиозное чувство, которое благодаря ей сумело продержаться в нашей душе до того момента, когда наука перестала утверждать, что Бога нет, и даже стала приводить доказательства Его существования. Тогда сохранившаяся таким парадоксальным образом наша религиозность снова обратилась ко Христу.

* * *

Подведём итог нашему разговору. Напомним: начать его нас побудило опасение, что разгорающийся всё сильнее спор между людьми, по-разному относящимися к русской революции и её последствиям, в год её столетия достигнет такого накала, что приведёт к расколу нашего общества. Причиной этих разногласий, по нашему мнению, является то, что, вынося вердикт советскому периоду, мы вырываем его из общего контекста русской истории и не задаёмся вопросом, содействовал ли этот период выполнению Россией своего исторического предназначения. Прежде чем спорить, надо понять, в чём состоит

это предназначение. Сделать это можно только одним способом: охватить своим взором всю русскую историю в целом, начиная с IX века и до наших дней. Только что мы с вами попытались это сделать, принимая во внимание только бесспорные факты и надёжно документированные события, и в результате суть providенциальной миссии России обозначилась с полной ясностью: наша цивилизация должна стать последней хранительницей Христовой истины, готовой в эпоху всеобщей апостасии поделиться этой истиной со всеми алчущими и жаждущими правды. Если мы сойдёмся в этом взгляде на наше Отечество, сами собой прекратятся споры по поводу не только советского, но и любого периода нашей истории. Оценка тут всегда будет диалектической. Хорошо было, что в XIII веке к нам вторглись полчища Батые? Для людей, живших в то время, это было плохо: их грабили и убивали; для Руси, исполняющей свою

провиденциальную роль, двухсотлетнее пребывание под татаро-монгольским игмом было полезным, ибо, войдя в состав Золотоордынской империи, она приобрела навыки, позволившие ей построить затем собственную империю, без чего она не смогла бы стать Третьим Римом. Хорошо ли было то, что в результате революции мы на 70 лет оказались под игмом большевиков? Для тех, кого раскулачивали, расказачивали и подвергали репрессиям, это было плохо, но для России как активного субъекта всемирной истории это было необходимо, ибо вера в коммунизм, навязанная нам марксистами, сохранила в нас самую способность к вере, без которой мы не могли бы оставаться Третьим Римом.

Хотелось бы, чтобы мы все придерживались такого подхода к нашему прошлому, который, на наш взгляд, является наиболее правильным с научной, философской и богословской точек зрения, – в этом случае никакого раскола не произойдёт.

Игорь Шафаревич (1923–2017) –
*доктор физико-математических наук,
профессор, академик РАН, публицист*

ПОЧЕМУ РУССКИЕ ТЕРПЯТ?

Это явление – терпение русских – в наше время, пожалуй, проявляется поразительнее, чем когда-либо. Но сам вопрос очень старый. Ещё Некрасов упрекал русский народ:

Чем был бы хуже твой удел,
Когда б ты менее терпел?

Тут сразу вспоминается и предисловие А.К. Толстого к его повести «Князь Серебряный». Он говорит:

«Он (автор) сознаётся, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук, и он бросал перо в негодование не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования».

Даже эпиграф он берёт из «Анналов» Тацита: «И я не стал бы просить у читателей в своё оправдание ничего другого, кроме позволения не ненавидеть (! – И.Ш.) людей, так равнодушно погибающих».

Поражает слепота Толстого по отношению к мировоззрению эпохи, быт и нравы которой он так тонко воссоздал. Он, видимо, желал бы, чтобы бояре времени Грозного создали какие-то масонские кружки вроде наших декабристов, составили бы заговор, свергли бы царя и провозгласили конституцию или, на худой конец, Великую хартию вольностей! Нам, конечно, легче судить: мы видели, как нашими отцами и дедами всё это было проделано. Хотя масштабы претензий к тому царю были несопоставимы с эпохой Грозного, заговор был составлен, царь свергнут и расстрелян, но лучше от этого не стало никому, включая самих заговорщиков. Хотя Толстой и не мог задуматься над результатом этого исторического эксперимента, но он, несомненно, читал Карамзина, который, как бы обращаясь к будущему, писал об этой же эпохе:

«В смирении великодушном страдальцы умирали на лобном месте, как греки в Термопилах, за отечество, за

веру и верность, не имея и мысли о бунте. Напрасно некоторые чужеземные историки, извиняя жестокость Иоаннову, писали о заговорах, будто бы уничтоженных ею: сии заговоры существовали единственно в смутном уме царя, по всем свидетельствам наших летописей и бумаг государственных. Духовенство, бояре, граждане знаменитые не вызвали бы зверя из вертепа слободы Александровской, если бы замыслили измену, взводимую на них столь же нелепо, как и чародейство. Нет, тигр упивался кровию агнцев – и жертвы, издыхая в невинности, последним взором на бедственную землю требовали справедливости, умилительного воспоминания от современников и потомства!»

Да и трудно согласиться с Толстым, что тогдашнее общество смотрело на Иоанна «без негодования». В разгар опричного террора митрополит Филипп в храме не допустил царя ко кресту. Князь Репнин, князь Оболенский-Овчина в лицо высказывали своё мнение Иоанну и его приспешникам. Все они за это заплатились жизнью. И ведь это только самые известные, так сказать, хрестоматийные примеры. Нет, видимо «русское терпение» не сводится просто к пассивности, оно сплетается с жертвой, вообще это более глубокое явление.

Недавно появилось исследование, в котором рассматривается это явление – русское терпение: книга К. Касьяновой «О русском национальном характере». При помощи тестов, привлекая литературу и фольклор, автор стремится выделить основные национальные черты русских. Она приходит к выводу: «Терпение – это, безусловно, наша этническая черта и в каком-то смысле основа нашего характера». Из 30 тысяч посло-

виц, входящих в сборник Даля «Пословицы русского народа», больше всего как положительное качество оценивают «спасение» (часто под этим понимают монашескую жизнь). Но уже на втором месте стоит терпение, причём они иногда соединяются: «Без терпенья нет спасенья». Или терпение поддерживается божественным авторитетом: «Бог терпел и нам велел». Терпение автор понимает как фундаментальную жизненную установку, при которой во взаимодействии человека с окружающей его средой – обществом и природой – центр тяжести переносится не на преобразование среды, а на сотрудничество с ней.

С этой точки зрения терпение – это стратегия неагрессивного взаимодействия с миром, решения жизненных проблем не за счёт насилия над миром и потребления его ресурсов, а в основном за счёт внутренних, духовных усилий. И это особенно важно сейчас, когда так ясно, что ресурсы природы, которые человек может эксплуатировать, ограничены, в то время как о границах духовных сил человека нам ничего не известно. Именно идеология, противоположная «терпению», – «фаустовский дух», а точнее, взгляд на мир как на бездушный материал для деятельности человека, сформулированный в призыве к «покорению природы», – создала тот экологический кризис, который сейчас угрожает существованию человечества и всего живого на земле.

Есть и другой источник «русского терпения». Вся история русского народа переплетена с созданием большого многонационального государства. Характер русского народа и способствовал этому процессу, и складывался под его влиянием. В результате русские –

народ государственный. Они с трудом идут на конфликт, который может потрясти государство. Самый яркий пример в истории, вероятно, – наше время. Английские докеры или горняки тщательно выбирают время, когда запасов угля меньше всего, и тогда объявляют забастовку, чтобы она больше всего ударила по стране и шансы на победу были бы выше. А у нас появилась совершенно новая форма социального протеста: шахтёры голодают. Голодают и учителя, и врачи. Один академик голодал, другой – застрелился. Все они подобны тем боярам эпохи Грозного, которые предпочитали смерть смуте. Да страна сейчас и существует только за счёт того, что большая часть её населения работает фактически бесплатно: за плату, на которую ни они, ни их семьи существовать не могут.

Но если у русских возникает сомнение в том, что государство исполняет свою охраняющую и скрепляющую роль, если кажется, что оно – «ложное», то протест обращается не против частных форм эксплуатации, не против отдельных институтов, а против самого государства в принципе. Оно признаётся недостойным существования, приговаривается к уничтожению. Тогда и возникает «бунт – бессмысленный и беспощадный». Так, ряд историков (в частности Ключевский) считают, что основной причиной восстания Пугачёва были вовсе не тяжёлые условия жизни тогдашнего населения Поволжья. Главным толчком было провозглашение «дворянских вольностей». После того как дворяне были освобождены от своих обязанностей перед государством, крестьяне стали ждать отмены крепостного права, когда же этого не произо-

шло, местное возмущение разгорелось в восстание. С этой же стороной русского характера связано и провозглашение Пугачёвым себя Петром III, да и вообще частое появление самозванцев в России – это знак того, что движение протеста не направлено против основы государства.

Терпение в русской психологии тесно связано с жертвой – терпят, жертвуя чем-то, и часто трудно различить, является ли жертва необходимым признаком терпения или самоцелью. Жертва сама по себе обладает святостью. Любимыми русскими святыми (первыми канонизированными) были Борис и Глеб, весь подвиг которых состоял в том, что они принесли себя в жертву, приняли смерть «в подражание жертве Христовой». Сама жертва ценится выше победы. Один мой знакомый немец, долго живший в России и, казалось бы, хорошо её понимавший, со смехом мне рассказывал, что видел в Севастополе памятник двум сражениям, проигранным русскими! Между тем для русского сознания это вполне естественно: памятник стоит не выигранному сражению, а жертве, принесённой ради России. Как и терпение, жертва не есть пассивное подчинение роковым обстоятельствам. Она даёт силы народу в целом. И когда Александр Невский готовился к битве на Неве, один из его воинов видел ночью, как на ладье плыли святые Борис и Глеб, и слышал, как Борис говорил: «Брате Глебе, вели грести, да поможем сроднику нашему Александру».

В трудных ситуациях русские реагируют обычно, накапливая внешние раздражения, а потом отвечают взрывом энергии. Взрыв может быть направлен как на защиту государства, так и на его разрушение. Реакция первого типа имела место в Великую Отечественную

войну или в конце Смутного времени, второго – в начале Смуты и в 1917 году. Сейчас народ накапливает внешние импульсы и терпит – пока.

Русское терпение имеет и ещё один аспект, связанный с особенностями нашего времени. Могу здесь сослаться на свои впечатления. Несколько лет назад я был в Якутии. Сразу же я столкнулся с новым для меня словом – «якутизация». Так называют процесс постепенного вытеснения русских со всех руководящих постов. Русский язык всё больше заменяется якутским. Ответственные совещания, важные репортажи по радио и телевидению ведутся по-якутски. Районы переименованы в улусы, деревни – в наслеги. И это при том, что русские составляют 2/3 населения Якутии. Какова же реакция русских? Я слышал только об одной: русские уезжают. За один год из того района, где я был, уехало 10% жителей.

Через год я был в Чечне. Там для меня ошеломляющей новостью оказались рассказы о том, что пережило русское население в трёхлетие правления Дудаева. Массовые убийства, похищения с целью получить выкуп, грабежи, изнасилования, русские рабы в зажиточных чеченских семьях. Я уж не говорю, что в Москве всё это было полностью замолчано. Но в Чечне мне не удалось узнать ни про одну хотя бы попытку самозащиты русских. Единственная реакция – бегство. Бежало несколько сот тысяч человек, большая часть русского населения Чечни.

Ещё через год я был в Риге. Положение русских там можно сравнить разве что с положением негров в Южной Африке, да не с теперешним, а каким оно было десять лет назад. И ни о каких серьёзных попытках борьбы я не слышал. А ведь

русские составляют 40% населения и подавляющую часть работников предприятий, от которых зависит жизнь страны: электростанций, порта. Да более того, подсчёты показывают, что, когда «проходил референдум о независимости Латвии», большая часть русских голосовала за независимость.

Поражает и то, как слаб интерес в России к судьбе русских, оказавшихся вне её. Солженицын пишет: «Я на эту тему уже несколько раз по телевидению говорил. Во всех областях, где я был, почти везде о ней говорил, потому что болит сердце. Но поразительно, насколько другие темы нашей жизни вызывали сочувствие аудитории, отзыв мгновенный, а вот эта тема оставляла равнодушными слушателей. Это ужасно. То есть мы потеряли ощущение нации, потеряли ощущение наших соотечественников, нам это не важно». Могу подтвердить своими впечатлениями. Как-то я выступал на радиоканале, где был телефон для звонков слушателей. Телефон звонил постоянно, так что получался очень интересный диалог. Но после меня выступал казачий есаул, рассказывавший о положении русских в Казахстане, где они вытесняются из всех верхних сфер жизни, лишены права на второе (русское) гражданство, автономию – того, что имеет множество народов в России. Как жестоко подавляются их попытки объединиться. При том что в Казахстане русских больше, чем казахов, и живут они на своих коренных землях. И во время его выступления телефон не зазвонил ни разу!

Это уже не то упругое терпение, которое только увеличивает силы. Здесь ощущается слабость, потеря воли к самозащите. Как говорит Солженицын,

потеря чувства нации. Такое ослабление национального самосознания совершенно естественно, хотя от этого не менее опасно. Много десятилетий подавлялись основные силы, формирующие русское чувство нации: православная вера, традиционная культура, крестьянский образ жизни, чувство значительности национальной истории. И в предшествующее десятилетие поток глумления обрушился на русскую историю и сам духовный тип русского человека. А в самые последние годы произошла трансформация, может быть, самая разрушительная для национального самосознания русских: большая часть прессы и фактически все политические деятели, от верных слуг Международного валютного фонда до марксистов-ленинистов, объявили себя рьяными русскими патриотами. Хотя в конкретных вопросах (Чечня, Севастополь...)

их позиции тоже сходятся, но уже на решениях, противоположных интересам русского народа и государственности.

В такой период ослабления национального сознания процесс накопления раздражения, предшествующий взрыву, растягивается. Но вряд ли можно сомневаться, что взрыв произойдёт. Трудно себе представить, чтобы его можно было предотвратить. А от наших усилий может зависеть только то, куда он будет направлен: на разрушение государства, окончательно воспринятого народом как «ложное», изменившее своей цели, или – на его воссоздание и укрепление.

***Статья написана по предложению
журнала «Российская провинция»,
но не была опубликована.
Из книги «Русский народ в битве
цивилизаций»***

Ольга Бердникова –
*доктор филологических наук, профессор
 Воронежского государственного университета*

ФИЛОСОФСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРАДОКСЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920-1930-х годов

Русское зарубежье 1920-1930-х годов как особый культурный феномен (особая культурная эпоха) в самых разных аспектах активно изучается современными учёными. Однако этот период столь насыщен религиозно-философскими, эстетическими и собственно литературными исканиями, что каждый раз обращение к его наследию открывает новые грани тех вечных русских вопросов, которые обсуждались тогда и продолжают обсуждаться в нашу рубежную эпоху.

Едва ли не первым в культурном пространстве эмиграции как в высшей степени дискуссионный встал вопрос о «наследии России», с неизбежностью возникший после русской революции 1917 года. В его осмыслении можно увидеть целый ряд парадоксов, особенно заметных ныне именно в силу их

непреодолимой значимости и актуальности. Примечательно, что тогда (часто и теперь) осмысление наследия России осуществлялось (и осуществляется) в основной парадигме русской историософской мысли – «Россия между Востоком и Западом».

Революция 1917 года многими философами и литераторами была осмыслена как реализовавшийся кошмар предсказанного В.С. Соловьёвым «панмонголизма». Причём так воспринимали революцию и оставшиеся в большевистской России М. Цветаева (периода «Лебединого стана») и М.А. Булгаков и покинувшие страну И.А. Бунин и С.Л. Франк. И. Бунин писал об «азиатском деспотизме»¹ большевиков, С.Л. Франк – о наступившем в России

¹ Бунин И.А. Инония и Китеж // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.: Советский писатель, 1990. С. 362.

«азиатском социализме»,² М. Цветаева – о новых ордах «Чингиз-Хана», с «прахом» равняющих «алтарь и трон»³, М.А. Булгаков – о «ханском огне», в котором полыхает культурное наследие России. Как и предполагал В.С. Соловьёв, Россия стала «Востоком Ксеркса»⁴, отказавшись от Христа и потеряв при этом своё изначальное сакральное имя Руси-России: «И третий Рим лежит во прахе /А уже четвёртому не быть» (В. Соловьёв).

Тем более парадоксальным было появление в философии русского зарубежья начала 1920-х годов идеологии евразийства, в которой объявлялся «исход к Востоку»⁵, а «наследие Чингиз-Хана» (так называлась брошюра Н.С. Трубецкого, изданная под криптонимом И.Р. в 1924 году) было представлено как потенциально творческое начало русской исторической и духовной жизни. Евразийская идеология, как и скифская (1917-1919), родившаяся как первый непосредственный отклик на мятеж 1917 года, стала «попыткой творческого реагирования русского национального сознания на факт русской революции»⁶. Общим отличительным признаком этой реакции (при явных различиях) было отвержение русским национальным сознанием европейских форм государственной и духовной жизни.

Ещё более парадоксально заявлял один из самых последовательных евразийцев П.Н. Савицкий: «Коммунисти-

ческий шабаш наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода европеизации... <...> Велико счастье Руси, что она досталась татарам... Если бы её взял Запад, он вынул бы из неё душу»⁷. Евразийцы остро полемично заявляли о довлеющем над Россией двухсотлетнем «европейском иге», закономерным итогом которого стала, по их логике, революция 1917 года.

Но парадоксальным было и отношение оказавшихся в европейском изгнании русских европейцев – к Европе, точно объяснённое оппонентом евразийства, «западником» Ф.А. Степуном: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и всё-таки так: изгнанием в Европу мы оказались изгнанными из Европы. Любя Европу, мы, «русские европейцы», очевидно, любили её только как прекрасный пейзаж в «Петровом окне»: ушёл родной подоконник из-под локтя – ушло очарование пейзажа»⁸. При этом так же не разделявший евразийских идей, человек западной культуры, Вл. Ходасевич написал книгу стихов о «закате Европы», которую озаглавил «Европейская ночь».

Вместе с тем эти парадоксальные суждения являли собой акт национального самопознания, вытекающий из горького признания большинства деятелей русской эмиграции: «Мы России не знаем». Эти вспомнившиеся в те годы (актуальные и ныне) слова А.С. Хомякова дали мощный толчок для религиозно-философской рефлексии.

² Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 120.

³ Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. С.165.

⁴ Соловьёв В.С. *Ex oriente lux* 11 Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология. М.: Наука, 1993. С. 234.

⁵ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

⁶ Соболев А.В. Князь Н. С. Трубецкой и евразийство // Литературная учёба. 1991. № 6. С. 122.

⁷ Савицкий П.Н. Евразийство // Русский узел евразийства: Восток в мысли : сб. трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997. С. 86-87.

⁸ Степун Ф.А. Мысли о России // Литература русского зарубежья : антология : в 6 т. М.: Книга, 1990. Т. 1, кн. 1. С. 293.

Кто мы такие? Во что мы верим? – главные вопросы русского зарубежья 1920-1930-х годов, как, впрочем, и сегодняшнего дня. «Кто мы такие? – вопрошал С.Н. Трубецкой. – Самопознание есть проблема и этики, и логики, она одна является действительно универсальной – и для личности, и для народов»⁹.

В религиозно-философском журнале «Путь» (1925-1926 годов) в статьях В.В. Зеньковского «Автономия и теонимия», Н.А. Бердяева «Кошмар злого добра», «Церковная смута и свобода совести», С.Н. Булгакова «Очерки учения о церкви», С.Н. Трубецкого «Старый и новый мессионизм», Г.В. Флоровского «Окамененное безчувствие», П.И. Новгородцева «Восстановление святынь» и многих других разразилась бурная полемика по поводу евразийства¹⁰. При этом главным предметом полемики между евразийцами и их оппонентами стали проблемы «русского культурного своеобразия», национального и собственно духовного наследия России в аспекте познания исторической судьбы её народа и её духа.

Отвечая на критику евразийских идей, воспринятых многими как шаг навстречу азиатскому большевизму, учёные-евразийцы убеждают оппонентов в православных истоках своего движения. Свой «исход» к «Востоку Ксеркса» евразийцы связывали и с «Востоком Христа», стремясь вполне в духе антиномичного мышления Серебряного века согласовать «наследие Чингиз-Хана с православной традицией». Н.С. Трубецкой писал даже о «чуде»

превращения «монгольской государственной идеи» в государственную идею «православно-русскую»¹¹.

Другой убеждённый евразиец – философ Л.П. Карсавин – убеждал непримиримого противника своего движения Н.А. Бердяева: «Н. Бердяев усматривает корни евразийства в славянофильстве, то есть считает евразийство видом «отвергаемого европейцами русского идеологического движения»». Со своей стороны, мы, не отвергая нимало родства нашего с некоторыми славянофилами, особенно с Хомяковым, вовсе не считаем евразийство «воспроизведением» мыслей старых славянофилов... Евразийство исходит из понимания православия как единственно непорочной Церкви, рядом с которой католичество и протестантство определяются как разные степени еретических уклонов. В православии корень и душа национально-русской и европейской, идущей к православию, но частью ещё не христианской культуры»¹². Отошедший от евразийства Г. Флоровский позже называл эту идеологию «заблудившейся жаждой соборности» и «евразийским соблазном», увлёкшим его сторонников, несмотря на множество справедливых уточнений и частных, в конечном итоге в «восточный монизм и антиперсонализм»¹³.

И.А. Ильин писал ещё более определённо и точно: «Весь вопрос о самобытности духовной культуры сводится к тому, куда именно всем шарахнуть:

⁹ Трубецкой С.Н. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией : Евразийский соблазн : антология. М.: Наука, 1993. С. 37.

¹⁰ Путь. Орган русской религиозной мысли. Кн. 1 (I-VI). М.: Информ-Прогресс, 1992 (Репринтное переиздание).

¹¹ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией : евразийский соблазн : антология. М.: Наука, 1993. С. 72-73.

¹² Карсавин Л.П. Ответ на статью Н. А. Бердяева об «евразийцах» // Путь. Орган русской религиозной мысли. С. 240.

¹³ Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: антология. М.: Наука, 1993. С. 237-266.

вот двести лет (якобы) шарахнулась на запад, ясно, что вышел провал, значит надо шарахнуться на восток... В человеческой жизни так обстоит всегда и во всём: спасение всегда состоит в том, чтобы удариться в другую противоположность... Разве самобытность не в том, чтобы быть перед лицом Божиим самим собою, а не чужим отражением и искажением. Ни восток, ни запад, ни север, ни юг. Вглубь надо: к Богу надо»¹⁴.

Столь же актуально и поучительно воспринимаются сегодня, когда российская историческая и духовная жизнь вновь достигла своего «апокалиптического напряжения» (Г. Флоровский), суждения П.И. Новгородцева, который, как и И.А. Ильин, указал иной путь к сохранению самобытности России в статье «Восстановление святынь»: «Но есть и другая причина, не менее глубокая, чтобы искать сейчас опоры только в религиозно-нравственном просветлении духа. Не мы одни, весь мир переживает в наши дни величайший кризис правосознания. И самое важное и основное в этом кризисе есть то, что это – кризис неверия, кризис культуры, оторвавшейся от религии, кризис государства, отринувшего связь с церковью, кризис закона человеческого, отказавшегося от родства с законом Божеским»¹⁵.

Так в религиозно-философских дискуссиях 1920-х годов просматривается вполне заметный «вектор» в поисках подлинного наследия России: от «Востока Ксеркса» – к православному «Востоку Христа» при явном неприятии «лжи запад-

ного мира»¹⁶, вследствие чего Запад воспринимался как духовная «чужбина». Русская философия предприняла попытку найти новую парадигму поиска своеобразия и «наследия России», которую можно обозначить как «восстановление святынь».

Это делает понятным и другой удивительный парадокс, который отмечали многие русские люди – и оставшиеся в советской России, и покинувшие её после революции 1917 года: потеря России обернулась для них её истинным обретением.

Публицист и общественный деятель Н.В. Болдырев писал: «Как странно! Благодаря революции мы обрели Родину. Чудесным образом большевицкая власть превратила огромную страну в один огромный острог. Из него не вырвешься, а если и вырвешься, то только сильнее почувствуешь свою связь с Родиной. Теперь нам не смешаться с европейской толпой, мы везде русские, везде на особом положении. Наши братья-эмигранты чувствуют это особенно остро. Когда мы были чем-то, то Россия могла быть для нас ничем; когда мы стали ничем, Россия стала всем. Такова диалектика революции. Чтобы найти Родину, право же, не дорого отдать всё, что взяла революция, потому что это дело наживное, и с родиной в душе мы легко и скоро наживём всё потерянное. Найти родину – назвать её, звать по имени – значит обращаться к чему-то высшему»¹⁷.

Ему вторит русский философ И.А. Ильин в статье «Родина и мы»: «Как тяжко утратить родину... Кто из

¹⁴ Ильин И.А. Самобытность или оригинальничание // Русская мысль, Париж, 1927. Кн. 1.

¹⁵ Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Путь. Орган русской религиозной мысли. С. 436.

¹⁶ Хомяков А.С. Россия и «ложь западного мира» // Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации. Благословение, 2011. С. 549.

¹⁷ Болдырев Н.В. Правда большевицкой России. Безымянная Россия // Москва. 2000. № 1. С. 174.

нас, изгнанников, не осязал в себе этой мысли, не слышал этого голоса? Кто не содрогался от них? ...Но не бойтесь этого голоса и этого страха! Дайте им состояться, откройте им душу! Не страшитесь этой пустоты и темноты, которые прозянут в вашей душе. Смело и спокойно смотрите с эту темноту и пустоту. И скоро в них забрезжит новый свет, свет новой, подлинной любви к родине, которую никто и никогда не сможет у вас отнять. ...И ваше изгнанничество перестанет быть пассивным состоянием, оно станет действием и подвигом; и свет не погаснет уже никогда... От Родины оторваться нельзя!... Да, я оторван от родной земли, но не от духа. И не от жизни. И не от святынь моей Родины; и ничто и никогда не оторвёт меня от них!»¹⁸.

Вот почему Г. Флоровский справедливо считал, что «за рубежом есть и творится Россия». Уже позже, подводя некоторые итоги русской эмиграции 1920-1930-х годов как особой культурной эпохи, Георгий Адамович в книге «Одиночество и свобода» точно писал: «...понятие творчества в эмиграции искажено не было, духовная энергия на чужой земле не иссякла, и когда-нибудь сама собой включится в наше вечное, общее русское дело»¹⁹.

Религиозно-философское «восстановление святынь» явно перекликалось со стремлением литературы той эпохи восстановить Россию: «Из сырости и шпал Россию восстанавливаю» (М. Цветаева). И вот тут обнаруживается ещё один – уже чисто литературный – парадокс: «восстановление России», осуществ-

влённое в произведениях И. Бунина, И. Шмелёва и Б. Зайцева, оказалось не просто реконструкцией прошлых форм её исторической, национальной и духовной жизни, а «творчеством» России, её сотворением в качественно новом, духовно преображённом статусе.

Свою попытку «восстановить Россию» предприняли и более молодые писатели Вл. Набоков и М. Осоргин, но они, как и М. Алданов, но точному определению Антона Крайнего, уже «слишком европейцы»²⁰, а потому Россия перестаёт быть для них «идеей-задачей, заданной и данной Богом» и требующей «воплощения»²¹.

Именно такая Россия – «идея-задача, заданная и данная Богом» – получает художественное воплощение в романах И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева», И.С. Шмелёва «Лето Господне» и романах-житии Б. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский». В изображении этой «данности» – России в реальных формах её исторического бытия и «заданности» – России в её нетленных, вечных национально-духовных константах и кроется «механизм» её художественного преображения в этих столь разных произведениях. Вот почему для каждого из писателей эти их произведения стали не только принципиально новым этапом творчества, но уникальным, как бы выпадающим из привычных жанровых стандартов и логики собственных творческих исканий художественным событием. Столь же уникальны эти произведения в истории русской литературы XX века.

При существенных различиях в повествовании и стиле в романах двух Иванов

¹⁸ Ильин И.А. Родина и мы // Литература русского зарубежья: антология: в 6 т. М.: Книга, 1991. Т. 2. С. 418-419.

¹⁹ Адамович Г. Одиночество и свобода : литературно-критические статьи. СПб.: Logos, 1993. С. 11.

²⁰ Антон Крайний. Полёт в Европу // Литература русского зарубежья: антология. Т. 1, кн. 2. С. 369.

²¹ Мейер Георгий. Отрывок // У истоков революции. Париж: Посев, 1971. С. 249-255.

(Булнина и Шмелёва) много общего: оба писателя показывают национальную укоренённость через подробное, детальное изображение, точнее, переживание чисто русских картин природы, быта, устоев жизни: у Бунина – жизнь в мелкопоместной дворянской усадьбе и уездном городе, у Шмелёва – купеческий быт Замоскворечья. Причём оба автора акцентируют внимание на детском возрасте героев (у Бунина – первая часть романа), подчеркивают восприимчивость и поэтичность детской души, её способность «религиозно чувствовать и постигать» окружающий мир и людей. Оба писателя особенно высвечивают процесс духовного, религиозного становления ребёнка, отсюда частое изображение богослужений, храмов, церковных Таинств, цитирование молитв. Крайне значимо и то, что «для Бунина-эмигранта всё, что происходило когда-то в России, её быт, её люди – не просто прошлое, но и история»²², как справедливо писал Д.С. Лихачёв. Это характеризует способ изображения России и в романе Шмелёва.

У обоих писателей, стремящихся быть «верными жизни», на первом плане выстраивание «вертикали», то есть поиски того, что соединяет время и вечность, что укореняет человека в вечности. Оба произведения заканчиваются смертью самых близких для главных героев людей, но у обоих писателей в финалах романа достаточно открыто провозглашается память как связующее начало, причём время и вечность, живых и умерших способно соединить как религиозное сознание (у Шмелёва), так и творческое (у Бунина), поскольку в основании того и другого лежит

литургический принцип воспоминания, то есть феноменологически «живое» воспроизведение однажды бывшего и навечно запечатлённого в Слове.

«Шмелёв, как и Бунин, весь русский, с головы до пят. Но у Бунина есть, сверх этого, магичность исключительного таланта и сдержанность, собранность; они приближают его к всемирности. Шмелёв же остается русским, только русским, со всеми русскими и грехами, и дарами», – точно определил особенность Бунина в сравнении со Шмелёвым Антон Крайний в статье «Полёт в Европу». Видимо, именно это послужило основанием для вручения Нобелевской премии И.А. Бунину, а не И.С. Шмелёву.

Таким образом, русскость и Россия в её нетленной сущности у И. Шмелёва раскрывается через уникальность сознания православного христианина и православный уклад жизни, у И. Бунина – через уникальность творческого сознания русского православного писателя, у Б. Зайцева – через уникальность жизни и души русского святого и феномен русской святости. В этой уникальности многогранно отразилась «русская культурная самобытность» в её художественно и духовно преображённой сущности.

Всемирно значимыми оказались поиски писателями русского зарубежья духовного, национального и творческого наследия России в осуществлении того «вечного, общего русского дела», к которому призвано и нынешнее поколение русских людей, – духовного восстановления России в её нетленной православной сущности.

Из книги «Духовные проблемы русской литературы 20 века».

²² Лихачёв Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Наука, 1999. С. 115.

Александр Евдокимов –

доктор технических наук, кандидат культурологии, действительный член РАЕН, профессор кафедры теологии Московского государственного лингвистического университета

ЕДИНСТВО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Человечество переживает глобальный экологический кризис, являющийся, по сути, следствием кризиса духовного, вызванного либеральным мировоззрением, провозглашающим примат личности перед религией, нацией, обществом, государством и окружающей природной средой.

Развитие глобального экологического кризиса, поиски его причин и путей преодоления выдвигают на первый план совершенствование экологического образования при приоритете духовно-нравственных ценностей. Постановка вопроса предопределяет целесообразность создания комплексной образовательной системы, включающей в себя духовно-нравственное и экологическое образование с учетом национальных традиций и особенностей. Речь идет по существу о процессе экологизации и гуманитаризации образовательного процесса, под которым понимается преподавание учебных дисциплин с точки зрения взаимодействия

общества и окружающей среды при основной цели – формировании целостного научного мировоззрения учащихся.

Любой из перечисленных аспектов можно рассматривать и как самостоятельный элемент образовательного процесса. Однако только в системе – целеустремленной совокупности взаимосвязанных элементов возможна реализация поставленной цели: формирования у учащихся мировоззрения, противоположного доминирующему в настоящее время антропоцентрическому, либеральному, ориентированному на эгоистическое потребление природных ресурсов.

О проблемах экологии говорят очень много. Экологическое образование существует уже сравнительно давно (с начала 1970-х гг.). Природоохранные мероприятия внедряются на практике, совершенствуются соответствующие законодательства, но угрожающее развитие глобального экологического кризиса, осознанное человечеством в конце

60-х гг. XX века, не ослабевает. Ряд учёных уже обосновывает сроки, остающиеся до разрушения биосферы...

В чём же дело? Почему так происходит?

А всё дело в том, что при воздействии лишь на последствия человеческой деятельности (предотвращение загрязнений биосферы и очистка природных объектов от антропогенного загрязнения) не устраняется их причина.

Рассмотрение данного вопроса в религиозной мировоззренческой системе ведётся уже давно, однако в современной науке прочно устоялось ложное мнение о несовместимости знания и веры; ложное, в частности, потому, что атеизм также является верой. Любая научная теория, содержит конкретные факты, объединённые в систему на идеологической и мировоззренческой основе.

В связи с этим в образовательном процессе представляется целесообразным изложение сути проблемы с позиций православия – российской этно-, культуро – и государствообразующей религии. Этот вопрос важен ещё и с той точки зрения, что, признавая основной причиной глобального экологического кризиса кризис духовный, вызванный либерально-потребительским мировоззрением современной цивилизации, невозможно игнорировать факт противостояния православия так называемым «общечеловеческим» ценностям, являющимся ценностями лишь цивилизации Запада, приведшей мир на грань экологической катастрофы. **Россия и ряд православных славянских государств в этом плане предстают в качестве гаранта духовного, а следовательно, и экологического равновесия на планете (роль «Удерживающего»).**

Совершенно очевидно, что экологические проблемы явились следствием вселенской катастрофы грехопадения и изгнания Адама и Евы из Едемского сада. Вкусив от древа познания добра и зла, человек противопоставил себя природе. Полученное знание оказалось знанием лжемнимым, явно недостаточным для достижения Божественного уровня.

Когда техносфера, созданная человеком (совокупность промышленности, транспорта, энергетики, сельского хозяйства, а также политические и экономические отношения, связывающие перечисленные элементы в единую систему), позволила не только обеспечивать повседневное существование, но и создавать материальные богатства, стали возникать национальные государства, а в дальнейшем – империи. Природные ресурсы стали расходоваться всё более и более расточительно. В так называемых «примитивных» цивилизациях среднесуточное потребление энергии на душу населения уже превышало 200 тыс. кДж (при 8-20 кДж, необходимых для поддержания основных функций человеческого организма), а в современном обществе эта цифра составляет порядка 1 млн кДж.

Пришествие Спасителя означало восстановление утраченной связи человека с Творцом и творением. Евангелие по сути своей является указанием образа жизни человека в условиях его противостояния с биосферой. В неискажённом виде мысль о спасении в духовном плане сохранилась именно в православии, поскольку западная цивилизация в эпоху Ренессанса и Реформации окончательно оказалась сориентированной на идеологию либерализма, давшего дополнительное «обоснование» рациональному

образу мышления. По иронии судьбы Православную церковь на Западе называют «ортодоксальной», против своего желания подтверждая её неразрывную связь с истинным учением Спасителя.

«Не собирайте себе сокровищ на земле... но собирайте себе сокровища на небе...» (Мф 6: 19-21), сказал Спаситель. «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф 6: 26). Это – призыв к возврату в биосферу, к единению с природой. Но для европейца, ослеплённого рационализмом, это оказывается уже недоступным.

Где неприятие наживы, там и высокая экологическая культура, ибо эти понятия связаны между собой неразрывно. Таким образом, Православие и его важнейший носитель – Русское государство изначально являлись гарантом против угрозы экологической катастрофы, являющейся всего лишь следствием катастрофы духовной. Эта же ситуация сохраняется и в настоящее время, несмотря на последние исторические события.

Возможность продолжать движение по пути Истины реальна только при соответствующей ориентации отечественного образования.

Думается, что весь образовательный процесс в русской школе должен осуществляться именно в таком направлении –

в направлении осознания исключительно важной духовной роли России в мировой истории без культивации в то же время национального высокомерия и пренебрежения к другим народам и культурам, ибо «исключительно важная роль» – это в первую очередь бремя и ответственность, и кроме того – кому больше дано, с того больше и спросится.

Ориентация же на приоритет вышеупомянутых либеральных «общечеловеческих» ценностей представляется глубоко ошибочной. Исторический опыт позволяет понять, что гуманизм, достигший высочайших вершин и в период Римской империи, и в эпоху Возрождения, и в настоящее время, всегда приводит лишь к необоснованному росту потребностей общества, к скепсису и нигилизму. В этом – основная причина глобального экологического кризиса современности.

На основе данной концепции авторов реализованы несколько учебных курсов для старших классов средней школы, гуманитарных и технических вузов, а также системы повышения квалификации преподавателей: «Экология», «История религий», «История цивилизаций» (рассмотрение культурно-исторического процесса с позиций взаимодействия общества и биосферы).

Николай Леонов –
генерал-лейтенант в отставке,
доктор исторических наук

Беседа о событиях на Украине

«Политика есть искусство возможного, а не желаемого»

– Николай Сергеевич, ваши последние выступления в «Столетии» по наиболее жгучим вопросам: вводили ли Россия войска на Украину и войдёт ли Донецкая народная республика в состав РФ – вызвали шквал читательских откликов, комментариев, причём мы ещё не все поставили: там были слишком эмоциональные, несправедливые, вас обвиняли, мягко говоря, в нерешительности, в том, что вы готовы отдать наших людей на заклятие... Но ведь действительно жалко до боли русских людей, которые там гибнут под бандеровскими пулями и снарядами.

– До смерти жалко. Более того, я всегда, когда мне пишут возмущённые корреспонденты, что вот я чуть ли не предаю своих сородичей, говорю: ребята, если бы я был в вашем возрасте, то просто пошёл бы туда добровольцем, взял бы автомат и стал воевать, а не строчить анонимные комментарии на эту тему. Если уж на то пошло, я никогда от армии не «откашивал», и в КГБ служил не толь-

ко в информационном управлении, но и оперативником, выезжал в различные командировки. А сегодня, в мои 86 лет, приходится, прежде всего, обращаться к аргументам разума. Помогать надо, а вводить войска – нет. У России нет сил сейчас, которые бы позволяли ей пойти на такой рискованный и опасный шаг, имея против себя всю Европу, Соединённые Штаты. Это было бы самоубийственно для самого Российского государства.

Понимаю, что опять на меня обрушатся читатели, но говорю горькую правду.

– В чём главное различие между аналитическим подходом и эмоциональным?

– Основная причина различного подхода к оценке исторических событий, к оценке событий нынешних заключается в том, что политика есть искусство возможного, а не желаемого. Я и сам с удовольствием нарисую очень красочную картину рая, который бы мне хотелось видеть и у себя в стране, и в мире. Но, увы, реальная политика, а соответственно,

и реальная оценка всех процессов, которые протекают в мире и в стране, должна основываться на учёте реальностей. Есть такая немецкая формула – «Realpolitik», и аналитику от этого отходить нельзя. Вы должны анализировать все составляющие силы того или иного процесса, видеть эти силы в динамике и никогда не поддаваться эмоциям, которые отвечают на вопрос «Чего я хочу?». Я хочу и хотел всю жизнь коммунизма, но понимаю, что это невозможно.

Борьба за Украину – это история очень долгая, и всякий, кто занимался этой проблемой хотя бы поверхностно, знает, что эта борьба продолжается 400 лет. Украину раздирают силы изнутри и извне. С одной стороны, её тянут в Западную Европу, с другой – в Россию. Это началось с бунтов и восстания казаков в XVI веке, а потом развернулась вековая война... Мы сейчас переживаем один из этапов этой войны, у которой всегда были две характерные особенности. Трудовой народ, простые казаки всегда тяготели к России. Верхушка, раньше это была казацкая верхушка, польская шляхта, которая была хозяином Украины, они, конечно, всегда тянули Украину на Запад. И эта борьба носила идеологический религиозный характер. Всё православное население, естественно, тяготело к России, а всё католическое – конечно, к Европе.

– Духовный момент и сегодня присутствует. Униаты, а также сектанты, которых на Украине огромное количество, были особенно активны на майдане.

– Конечно, ведь униатство, как известно, родилось на самой Украине. И хотя формально уния была подписана в Бресте, но в принципе, ареал её

влияния – в основном Западная Украина. Униатство – это уродливая церковь, которая позиционирует себя, с одной стороны, как православная, а с другой – является католической по определению, потому что признаёт верховенство Папы Римского, а это основа основ духовной борьбы. Как мы помним, всё это особенно проявилось еще в Смутное время, в 1605–1612 годы, когда, по существу, между католичеством и православием развернулась жестокая борьба. Тогда интересы всего Запада представляла Польша. Она была в те времена достаточно сильным, агрессивным государством, дошло до того, что они уже были в Москве и были претензии на московский престол королевича Владислава.

Часть наших бояр была готова капитулировать, но духовенство во главе с Патриархом Гермогеном подняло народ на борьбу...

– Сейчас очевидно, что 20 с лишним лет независимой Украины дали возможность прозападным силам провести колоссальную промывку мозгов населению. И Россия допустила это.

– В 2004 году впервые достаточно открыто столкнулись прозападные и, условно говоря, пророссийские силы на президентских выборах на Украине, когда Янукович представлял ориентир как бы на российскую линию, а Ющенко – на западную. Мне, тогда депутату Госдумы, довелось быть на Украине в качестве международного наблюдателя за ходом подготовки к тем выборам. Непосредственной зоной моей ответственности была Черкасская область. Приехав туда, я применил свои старые профессиональные приёмы разведчика. Мне надо было обрасти связями, чтобы поговорить с людьми знающими: как

обстоит дело и какие настроения в этой области Украины. Я был поражён одним фактором: у американцев уже имелась там информационная пропагандистская сеть. А у нас там не было ничего, только я, единственный международный наблюдатель от России, который впервые попал в Черкассы в разгар событий... У американцев же была, повторяю, сеть, в частности, краеведческий музей города Черкассы был превращён в их опорный пункт. Я уверен, что это была разведка, потому что они занимались сбором информации и изготовлением огромного количества пропагандистских материалов.

– И сколько человек там работало?

– В арендованном помещении краеведческого музея сидела никому не известная компания, человек 15-20 за письменными столами с компьютерами. А я пришёл туда в поисках информации о положении в области. Вот они, конечно, знали эту ситуацию очень хорошо, а мы – нет. И это наша вина. И выбор наших послов в Киеве был крайне неудачным: то, что происходило нарастание влияния Соединённых Штатов, чреватое тем, что мы видим сейчас, они должны были видеть и своевременно предупредить.

Ведь что касается разведок, то договорились же во время распада Советского Союза, что мы не будем вести разведку друг против друга в странах СНГ. Россия как законопослушное государство это условие выполняла, а потом мы узнали, что американцы спокойно занимаются разведкой в странах СНГ. Они работали на полную катушку везде. Поэтому мы с нашей разведки не можем так жёстко спрашивать по поводу недостатка информации, а вот с посольства – в обязательном порядке.

Конечно, в глаза бросается и абсолютное расхождение интересов нашей бизнес-элиты и наших государственных интересов. На Украине очень много нашего бизнеса. Я уж не говорю о том, что «Лукойл» там имеет целую сеть бензозаправочных станций, колоссальные хранилища горюче-смазочных материалов. Другие наши фирмы тоже представлены очень широко. А вот политического эффекта от их присутствия там нет абсолютно. У американцев, мы знаем, бизнес и политика всегда идут нога в ногу. Если где-то что-то американскому государству не нравится, даётся команда бизнесу свернуть инвестиции, гражданам не ездить в эту страну, отозвать оттуда капиталы и т.д. Одним словом, работают все в некоей такой симфонии. У нас же такой симфонии абсолютно нет. Бизнес занимается своим, а государственные интересы идут своим путём.

– А когда вы были в Черкассах 10 лет назад, какие у вас остались впечатления о настроениях людей?

– Черкассы – не самая пророссийская область. У меня было впечатление, что там выборы дадут преимущество Ющенко, хотя, по моим оценкам, оно могло быть не более чем 60% к тем 40%, которые должен был получить Янукович. Но и пропагандистская работа Януковича была крайне слабой. Сам он – никудышный оратор. Его штаб, окружение – это такие скучные, серые, «застиранные» люди, которые совершенно очевидно работали за деньги. Потому что работать за идею, работать по убеждению – это совершенно другое дело, глаза у человека горят иначе, и слова выходят другие, и энергетика, которую выступающий человек передаёт аудитории, другая. Это как любовь: или настоящая,

душевная, или уличная девка, которую покупают. Вообще выбор Януковича, если тут была в какой-то степени и наша составляющая вложена, был крайне неудачен. Как личность Янукович, конечно, не является политическим лидером. Скорее всего, это даже антипод политического деятеля, человек, у которого все интересы сводятся только к материальным нуждам. Я недавно слышал от одного человека из его команды (ссылаюсь только на его слова, сам этого не знаю), что даже в момент кризиса Янукович больше всего заботился только о своём личном состоянии. И говорят, что в том самолёте, в котором он прилетел в Россию, он вёз долларовую наличность в мешках вместо того, чтобы взять людей, которые просились прилететь с ним в Россию. Ну и когда уже стало явным, что он лжёт о своих финансах, это окончательно подрубил все его возможные перспективы.

– На днях по нашему ТВ был показан фильм про Бандеру, какая это была мрачная личность. Но где же были раньше такие фильмы? Мы в «Столетии» ещё в годы президентства Ющенко давали материалы, и я поражался, какая идёт на Украине широкая пропагандистская антироссийская волна: голодомор, Мазепа, Петлюра, эсэсовцу Шухевичу присваивается звание Героя Украины... А Москва молчит, старается дружить с Киевом, чтить вместе того же Тараса Шевченко, который якобы сближает русский и украинский народы. А вот недавно к 200-летию юбилею этого поэта мы дали о нём статью «Пророк майдана» с жуткими русофобскими, антиправославными цитатами из его писаний. Все ошибки и преступления

Советской власти западные и прочие политтехнологи свалили на «москалей», а ведь среди руководства СССР русских было не так и много, тем более на самой Украине. И от всех тех преступлений русский народ как таковой пострадал в наибольшей степени.

Теперь это всё сказалось. Поэтому и вы пишете, что вот, введём войска, а там будет половина за эти войска, а половина будет против, даже в восточных областях... Неужели мы сейчас действительно не можем реально помочь Донбассу?

– Повторю, мы не можем помочь Донбассу реально, потому что мы должны взять на себя такие риски, которые превышают возможности Российского государства. Да, те санкции, которые уже наложены на часть наших представителей госаппарата, бизнес-сообщества, по большому счёту неэффективны. Однако следующая волна может коснуться целых отраслей нашей жизни.

Российским руководством была допущена грубая стратегическая ошибка, которая называется «складывать яйца в одну корзину». Ведь мы почти 25 лет буквально стучались в окна и двери Запада, чтобы нас приняли в так называемый общеевропейский дом на положении равноправных жильцов. А нас туда не пускают под всяческими предлогами. Тут много разных причин: исторических, идеологических – каких угодно. Но мы всё равно делали ставку на Запад, и наша российская элита (политическая, деловая, культурная) в большинстве своём опять-таки ориентирована на Запад. Туда она тащит свои деньги, как правило, наворованные из бюджета. Она берёт и насаждает в России всё те же модели или модули

поведения, которые приняты на Западе. Там отменяют смертную казнь, и мы отменяем, хотя уровень преступлений у нас и в Европе – это абсолютно разные величины. Они меняют у себя модуль образования, и мы тянемся в кильватере – тот же ЕГЭ. И мы тут годами между собой спорим, ссоримся: надо, не надо? Мы меняем, уродуем свою систему и во всём стараемся подражать им. Для нас теперь главное не что скажет наша грибоедовская княгиня Марья Алексевна, а что скажет какая-нибудь европейская фрау. Вот мы уже в Совете Европы, мы в европейском парламенте. Мы так увлеклись этой игрой, что забыли о главном: стратегически они нас никогда не воспринимают как друзей. Ведь никогда европейцы не забудут, что крах Наполеона был в России, что крах польских интервентов в XVII веке был в России, крах немецкого блицкрига также произошёл на наших просторах. И у них эти раны не затягиваются, эта боль остаётся с ними навсегда. Да ещё и холодная война, которая длилась почти полвека после окончания Второй мировой, отравила окончательно сознание миллионов людей, нескольких поколений европейцев. У них закоснело представление о нашем государстве как государстве агрессивном, непорядочном, что ли, – государстве, которое живёт по другим каким-то канонам. А русский человек, соответственно, является антиподом европейского, его надо бояться. Поэтому слепая вера в то, что «заграница нам поможет», ни на чём не основана.

События на Украине, как говорится, вынудили все стороны открыть карты. 400-летняя борьба за Украину теперь, когда они уже решили её просто прикарманить, считая, что она созрела для

этого, вызвала этот совершенно жуткий по остроте своей политический кризис. Когда они пошли уже не на демократические формы изменения государственного и социально-общественного строя на Украине, а – на майдан, на насилие, на изгнание законного президента, пусть нехорошего, но законного, чего в Европе они вообще-то у себя не делают. А здесь они на Украине решили на это пойти, потому что считали, что Россия всё проглотит. И вот решение народа Крыма перейти под эгиду российского государства – это абсолютно законное право людей, которые не видят для себя достойного места в том новом порядке, который формируют сейчас на Украине. Но что касается Донбасса, Луганской и Донецкой областей, здесь мы видим несоответствие наших желаний нашим возможностям.

У нашего государства ведь есть свои разломы, которые опасны, и не следует о них забывать: это и Северный Кавказ, и ваххабиты в Поволжье...

– Кстати, после терактов в Волгограде дали материал «Испытание огнём» о состоявшемся в Москве круглом столе «Откуда исходит угроза православию в Татарстане», где участники с большим накалом говорили, какая там идёт подготовка ваххабитов. Но в целом этот круглый стол прошёл в наших СМИ почти незамеченным. Замалчиваются острые проблемы, а когда, не дай бог, рванёт, то начнут удивляться...

– Наши политические, государственные структуры сейчас несколько малоподвижны, ну а если пожестче сказать – трусоваты в выдвижении тех или иных острых вопросов. Возможно, надо поэнергичнее ставить эти вопросы

и в прессе, потому что если мы даём какие-то критические оценки той или иной стороны деятельности нашего государства и нашей власти, то делаем это не из-за того, что нам хочется каких-то насильственных перемен (мы совсем не сторонники Болотной площади), а мы просто хотим обратить на это внимание. Мы выявляем болевые точки. И если у нас хватит опыта и разума подсказать какое-то хорошее, правильное, разумное решение, то и слава Богу – значит, и наши труды были не напрасными.

– Как вы видите сейчас политику нашего президента? Украина, Крым, Донбасс, Китай, подписание договора о Евразийском экономическом союзе...

– Со всей откровенностью скажу, что когда я слушал речь президента 18 марта в Георгиевском зале Кремля, когда он объявлял обо всех мерах по принятию в состав России Республики Крым, я увидел президента другим. Необычайный, совершенно неслыханный тон, патристический, боевой, решительный, без всяких попыток улыбнуться, ухмыльнуться в сторону Запада. Обнажённая правда. Я был приятно поражён такой постановкой вопроса в крайне важной проблеме присоединения Крыма. Было у нашего президента и раньше известное мюнхенское выступление, когда он тоже сказал, в сердцах, правду Западу, бросил им в глаза гневные слова о том, что в принципе-то они руководствуются только своими интересами. Но ведь с тех пор прошло видите сколько лет. Мы продолжали всё-таки надеяться, что мы залатаем все эти прорехи в отношениях с Западом. Не получается. Вся та ткань, которая связывает блок НАТО и Европейский союз, или, скажем так, Запад с Россией, – выглядит очень непрочной,

она расплывается на глазах при малейшем остром моменте. Возникает ли вопрос о Сирии, об иранской ядерной программе, о чём угодно – немедленно чувствуется определённое неприятие.

Я проработал 35 лет в разведке и после этого уже более 20 лет, находясь в отставке, занимаюсь журналистской, педагогической, частично политической деятельностью, был депутатом Государственной думы IV созыва. И я все эти полвека стараюсь убедить нашу политическую элиту в том, что не будет никогда со стороны Соединённых Штатов и объединённой Европы стремления к нормальным, добропартнёрским отношениям, именно добропартнёрским, равным. И даже в советское время, когда, конечно, мы были очень могущественны и могли стать вообще альтернативным путём развития человечества, Соединённые Штаты и тогда не признавали за нами принцип равенства во всех отношениях. Обязательно везде была попытка оставить за собой преимущество, постоянно. Я бы даже сказал, это была навязчивая идея американцев. И хотя мы говорили о паритете, но – о ядерном паритете. Обо всём остальном никогда речи не заходило. И как только мы ставили вопрос о том, что мы должны исходить на переговорах из принципа равной безопасности, эти слова «равная безопасность» сразу отпугивали их, как нечистую силу крестное знамение. Немедленно. Равной безопасности для них не должно было быть, а вот преимущество в любой форме – это то, что надо.

Я, например, помню хорошо, как покойный маршал Ахромеев горько сожалел о том, что, когда он подписывал соглашение об ограничении обычных вооружений в Европе, ему пришлось

уступить в вопросе о военно-морских силах. Американцы ни в коем случае не соглашались на равенство военно-морских сил: вот, пожалуйста, танки обсудим, а у нас их было больше в Советском Союзе, самолёты обсудим, потому что численно у нас их тоже было больше, артиллерийские системы – мы договариваться по этому вопросу могли. Но как только касаемся флота, то когда у них, скажем, 15 авианосцев, а у нас 1 или 2, то немедленно все переговоры стопорятся.

...Что касается Крыма, это настолько болевая зона была в нашем национальном сознании, что возвращение его в состав России – это, конечно, победа. Причём она действительно была достигнута абсолютно идеально. Без крови, без единого выстрела, без насилия, при всенародном волеизъявлении. Ведь поразительно, что украинские вооружённые силы, которые там находились, не оказали никакого сопротивления. Как будто понимали, что это не их, что они здесь временные люди.

– Но с Донбассом и другими областями такой сценарий вряд ли возможен.

– С Донбассом всё не так просто.

Казалось, та самая «реалполитик» вроде бы срабатывает. Перед выборами, киевская Верховная Рада приняла декларацию, в которой она, во-первых, признала сам факт, что восточные и южные районы Украины должны получить какие-то свои региональные преимущества, которые обеспечат их интерес. Это очень важно. В этой декларации заговорили открыто о статусе русского языка...

Однако после президентских выборов наступление в Донбассе возобновилось с новой силой... Полилась кровь.

– То есть предстоит большая тяжёлая борьба за всё, за наши позиции на Украине...

– Необходимо мощное политико-дипломатическое наступление. Мы здесь должны и активно задействовать международное сообщество. Хотелось бы вообще поставить вопрос перед ООН: мы когда-нибудь, человечество, представленное в Организации Объединённых Наций, придём к окончательному выводу, кто решает вопрос о государственной принадлежности той или иной территории к тому или иному государству? Народ, населяющий эту территорию, или юридические какие-то документы, связывающие его с другим народом? Ведь по каждому такому эпизоду обязательно возникает сложная международная ситуация, грозящая войной. Мы уже видели это на примере Республики Северного Кипра, Восточного Тимора и т.д. Если народ территории высказывается, как в данном случае в Крыму на референдуме, окончательно и бесповоротно в пользу присоединения к России, то это надо уважать, а не делать это предметом ещё каких-то санкций. Ведь мы же должны помнить, что в своё время точно также в Лиге Наций решался вопрос по определению Саарской области Германии. Эту область по итогам Первой мировой войны получила Франция. Но население Саарской области проголосовало на референдуме за присоединение к Германии – и волю народа уважили. После Второй мировой войны аналогичная ситуация возникла в городе Триест в Италии. Он был оккупирован одновременно югославскими частями Народно-освободительной армии и другими. Но Италия была в союзе с гитлеровской Германией во время Второй

мировой войны и, казалось бы, должна быть наказана. Но поскольку народ Триеста во время такого же референдума проголосовал всё-таки за присоединение к Италии, международное сообщество с этим согласилось. И Триест до сих пор находится в составе Италии. То есть надо не каждый раз решать по отдельному сценарию: с Косово вот так решили, а в другом случае иначе. Это надо обсудить просто-напросто в ООН и сделать нормой международного права.

– Едва ли нас услышат. Такое впечатление, что ведущие западные политики и представители их СМИ – это какие-то роботы, действующие по заданной программе. Правда и справедливость для них – пустой звук.

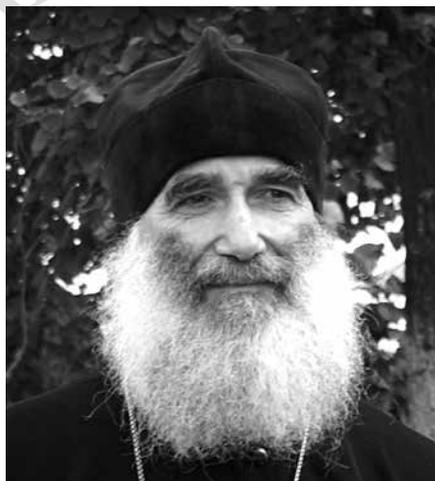
– Наше дело поставить вопрос, потому что иначе так вот и не будут признавать Крым. На Западе начинают пред-

принимать санкции против отдельных крымских фирм. А по какому, спрашивается, праву? Просто потому, что моя левая нога так захотела? А для чего нам тогда ООН? Это, я считаю, нормальная, разумная постановка вопроса.

– **Сегодняшняя ситуация на Украине как-то странно напоминает наши «лихие» 90-годы. Некое затмение в умах значительной части общества, банды, разгул порока, уверовавшие в своё всеисилие олигархи... Отрезвление в России заняло не менее 10-15 лет. Судя по всему, и Украине предстоит долгий мучительный путь... Так что, как поётся в песне, «вихри враждебные веют над нами...»**

– Да. «Нас ещё судьбы безвестные ждут...»

Беседу вёл Алексей Тимофеев

Протоиерей Николай Германский

Подвиг новомучеников и исповедников Церкви Русской как ответ Святой Руси на революционное безумие

Воюющий с Россией воюет со
Христом и русскими святыми.

В преддверии 100-летнего юбилея революционного переворота 1917 года в России, как никогда, обсуждается эта тема, и в разных кругах разные люди, хотя и живущие на одной и той же земле, видят и читают это явление совершенно по-разному. Но ох как важно понимать эту тему правильно, ибо от её правильного понимания, если хотите, зависит не только то, какими будут расти наши дети, но как они и мы вместе с ними будем толковать такие краеугольные понятия, как Свобода, Братство, Равенство и, наконец, человеческое счастье, к которому каждый из нас стремится, но, увы, понимает его по-своему.

Да, безусловно, каждый человек индивидуален и неповторим, и это прекрасно. Но если мы принимаем язык Священного Писания, то мы принимаем и то, что нашим общим предком является Адам, а потому обладаем не только неповтори-

мостью. То общее, что объединяет нас, наверняка перевесит наши различия.

Поскольку около 80% наших соотечественников на сегодняшний день считают себя православными, было бы справедливым в нашем сегодняшнем разговоре о подвиге русских святых опереться на Священное Писание. Казалось бы, на первый взгляд, какая может быть связь между революцией и святостью? Думается, для того, чтобы увидеть эту связь явственно, необходимо сделать хотя бы краткий экскурс в историю человечества с самых её истоков. Но вначале необходимо вспомнить о том, что была ещё и предыстория, когда Адама ещё не было на земле. Суть её заключается в том, что сначала Господь сотворил ангелов, и один из них по имени Денница, что означает «светозарный», возгордился собственной красотой и восстал против Бога, при-

этом соблазнив, по учению святых отцов, одну треть ангелов. А потому мы и называем его вполне справедливо первым бунтарём и революционером.

Уже здесь мы имеем право сделать следующее заключение: революция – это борьба с Богом. И тут же можно добавить, что революция есть безумие, ибо как может существо сотворённое победить своего Творца. Да, победить оно не может, но причинить боль – вполне. Увидев прекрасное творение Троицкого Божества – человека, мало чем отличавшегося от ангела, бывший Денница, а теперь уже демон, из зависти соблазняет его, при этом возводя клевету на Бога. О этот прекрасный и страшный дар свободы! Когда-то его получил и демон, но, восстав против Бога, исказил свою прекрасную сущность и стал князем тьмы. Этот богоподобный дар получил и Адам, но, послушавшись Творца, был изгнан из Рая и перестал быть подобным ангелу, потеряв прямую связь с Божественной Любовью. Можно сказать, что в Раю Адам был свят, но вне Рая его сущность также меняется. Будучи изначально почти бестелесным, он одевается, как написано в Священном Писании, в «кожаные ризы» (Быт.3,12). Начинается его скорбный путь в человеческой истории, которую кратко и гениально выразил великий русский писатель и мыслитель Ф.М. Достоевский: «Здесь дьявол борется с Богом, а поле брани – сердце человеческое».

Следовательно, вся история человечества по сути своей и заключается в этой кровавой борьбе между дьяволом и Богом за каждую человеческую душу. Нужно понимать одну очень важную вещь: несмотря на то что человек пренебрегает бесконечной любовью Творца и идёт окольным путём к счастью, Бог не отворачивается от

него, но остается всегда рядом, ожидая его возвращения. Но дьявол тоже всегда рядом, и, как всегда, его главная цель – убить Бога в душе человека его же собственными руками. И революция, провозглашающая новую веру, является одним из мощнейших средств для выведения нового типа человека, который не признавал бы ни Бога, ни святости, ни святых.

Вспоминая революционный переворот 1917 года, зададимся вопросом, почему он нигде, но именно в России вспыхнул таким кровавым заревом и оказал такое колоссальное влияние на огромную часть человечества, заразив его совершенно ложными представлениями о нравственных ценностях. Осмелюсь утверждать, что именно в России враг рода человеческого увидел для себя самую большую опасность. Являясь форпостом православия, она в то время довольно быстрыми темпами набирала как политический, так и экономический авторитет во всём мире и могла оказать на весь этот мир огромное влияние, исповедуя подлинные божественные ценности. А потому он и направил все силы на то, чтобы нанести сокрушительный удар по идеалам Святой Руси. Кстати, не один из существующих ныне народов до сих пор не назвал свою державу Святой, и, вероятно, это оттого, что никто так, как русский человек, не чтит идеала святости и не устремлял свои помыслы ко Христу и никто никогда так за Него не страдал, взыскав Царство Небесное.

Совершенно замечательно выразил своё отношение к России и её понимание яркий представитель западноевропейской цивилизации Отто фон Бисмарк. Послушаем внимательно его высказывания: «Россия опасна мизерностью своих потребностей». То есть Европа считает нас почти аскетами, и,

кажется, здесь просматривается ещё одна мысль: философия потребления и сытой и комфортной жизни нам не подходит. Далее он говорит: «Даже самый благополучный исход войны никогда не приведёт к распаду России, которая держится на миллионах верующих русских греческой конфессии. Эти последние, даже если они вследствие международных договоров будут разъединены, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как находят путь друг к другу разъединённые капельки ртути». Здесь рейхсканцлер Германской империи угадывает дух соборности, являющейся одной из главнейших характеристик Церкви Христовой. И, наконец, читаем: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят себя сами». Здесь явно ощущается западноевропейский и североамериканский опыт, который в лице её вождей и элиты легко прибегает к циничной лжи и клевете. Спросите, отчего так? А оттого, что с искажением веры искажается опыт всей жизни, что, собственно, и произошло с католическим и протестантским миром.

А теперь не мешало бы послушать и самих революционеров, чтобы ощутить подлинный дух революции и понять, какого рода и племени были эти люди. Маркс очень любил рассказывать на ночь своим дочерям вместо добрых детских сказок придуманные им самим ужасные истории о человеке, продавшем душу дьяволу. Впоследствии обе дочери Маркса покончили жизнь самоубийством.

Энгельс, ближайший соратник Маркса, писал: «Борьба с христианским миропорядком, в конце концов, является нашим единственным насущным делом».

А вот слова отца русского анархизма Михаила Бакунина: «В этой революции нам придётся разбудить дьявола, чтобы возбудить самые жуткие страсти».

Небезынтересны некоторые высказывания Ленина о Ф.М. Достоевском: «На эту дрянь у меня нет свободного времени», «Перечитал книгу и швырнул в сторону» (это он говорит о «Бесах» – ?), «Братьев Карамазовых» начал было читать и бросил: от сцен в монастыре стошнило».

Не могу удержаться от соблазна и не процитировать яркого представителя современных демократов-реформистов А. Чубайса: «Вы знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представления о русских как о святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски». В данном случае, кажется, не нужно задавать вопроса, существует ли какая-либо связь между революционерами и демократами. Наверное, достаточно услышанного, чтобы понять, какой дух питал этих людей и вдохновлял, как они считали, на великие свершения, результатом которых, как правило, были реки человеческой крови и страдания миллионов людей.

Справедливости ради приведу высказывание самого Ф.М. Достоевского, чтобы понять природу ненависти вышеупомянутых персон к этому выдающемуся русскому человеку: «Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово? Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко

всемирному, ко всечеловечески братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено...».

Чуть позже ещё один великий русский мыслитель произнесёт своё веское слово о русском человеке и его главной идее. И слово это поражает тем, что произнесено будто бы сегодня: «Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободу и достойную жизнь на земле – продолжается. И ныне нам более чем когда-либо подобает верить в Россию, видеть её духовную силу и своеобразие и выговаривать за неё, от её лица и для её будущих поколений её творческую идею.

В чем же сущность этой идеи?

Русская идея есть идея сердца.

Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства: она отозвалась сердцем на Божие благовестие, на главную заповедь Божию, и уверовала, что «Бог есть Любовь».

Итак, любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо».

И этот факт неоспорим. И как только ослабела вера русского человека, и особенно когда это произошло в лице русской элиты, враг молниеносно воспользовался нашей оплошностью. И, казалось бы, ещё вчера несокрушимая империя пала. Одна часть русского народа жгла иконы и

рушила храмы под чутким руководством идейных революционеров, а другая страдала, проливая горькие слёзы. А потом брат пошёл на брата, а сын пошёл на отца.

Тёмные силы ликовали: власть была в руках безбожников, начиналась травля тех, кто думал и жил иначе, пытаясь сохранять традиционный уклад жизни. И совсем скоро озверевшие богоборцы, ощущая сопротивление, приступили к планомерному уничтожению святынь, а вместе с ними и тех, кто ревностно их чтит.

Это было время распятия Руси. По одну сторону от креста, на котором она, подобно Христу, была распята, были её хулители, а по другую – те, кто, не имея страха человеческого, но имея страх Божий, сораспинался вместе с ней. И те, кто до конца выдержал нечеловеческие испытания и не отрекся от родной веры, ныне почитаются нами как новомученики и исповедники Церкви Русской. И именно в лице этих лучших своих сынов и дочерей Святая Русь дала предельно ясный ответ и Богу и всему человечеству, какой путь она избрала. Русские святые показали, что жизнь без Христа и вне Христа для них бессмысленна. Предательству идеалов Святой Руси они предпочли смерть за Правду Христову, которая заключалась для них в жертвенной любви к Богу, к людям и родному Отечеству.

Так что же это были за люди и откуда они черпали силы для подвига? Хочу сказать, что каждый новомученик и исповедник Церкви Русской достоин того, чтобы о нём рассказать. Но поскольку в рамках статьи этого сделать невозможно, я расскажу о подвиге священномученика Василия, который родился в 1868 году в селе Старая Слобода Александровского уезда Владимирской губернии в семье диакона Александра Соколова.

16 декабря 1890 года он был рукоположен в сан священника в Христорожественской церкви села Пустого Переяславльского уезда Владимирской губернии.

Спустя четыре года отец Василий поступил в Московскую Духовную академию и окончил её в 1910 году со степенью кандидата богословия. В своём отзыве на работу отца Василия ректор академии, будущий новомученик, епископ Феодор (Поздеевский) писал: «Автор сделал своим сочинением ценный вклад в церковно-историческую науку...».

26 ноября распоряжением епархиального начальства отец Василий был определён в Николо-Явленскую церковь на Арбате.

В 1922 году советские власти, используя как предлог голод в Поволжье, начали гонение на Православную Церковь. Когда комиссия по изъятию церковных ценностей пришла в храм Николы Явленного, отец Василий просил её не изымать предметов, необходимейших в богослужении, отсутствие которых создаст трудности при причащении. Комиссия ему в этом категорически отказала. Чувство горечи и скорби овладело сердцем священника. Мы «не должны скорбеть... о материальной потере, – сказал он в проповеди 7 апреля, – тем более что вещи предназначены на нужды голодающих. Но прихожане не могут не скорбеть о том, что изъятые церковные сосуды могут быть превращены в предметы домашнего обихода... Положение верующих ныне подобно положению в Вавилонском плену. Иудеи обращались к Богу в надежде, что Он накажет тех, кто их пленил, за причинённое им зло, и прихожане могут надеяться, что Бог, попустивший изъятие церковных ценностей из храма, если таковые будут употреблены во зло,

также воздаст тем, кто это сделал». Этого было достаточно, чтобы арестовать отца Василия и приговорить его к расстрелу.

Из тюрьмы на протяжении двух недель, предшествовавших казни, священномученик Василий (Соколов) писал письма своим кровным и духовным детям. Эти письма являются драгоценнейшим свидетельством исповедничества нового времени.

Вот отрывки из первого письма отца Василия, написанного 19 мая 1922 года. «Всем любящим и помнящим меня! Насилу прожил эту бесконечную ночь. Воистину это была ночь под многострадального Иова. Нервы до того натянуты, что не мог уснуть ни одной минуты. Каждые шаги за дверью казались походом за мной, чтобы вести меня на Голгофу. И вот уже утро, а сна нет, нет и позывов к нему. Среди ночи причастился. Это утешило, конечно, духовно, но телесно ничего не изменилось. Сколько раз просил я и Господа, и угодников святых послать мне естественную смерть. Завидую Розанову, который заболел тяжело в тюрьме и умер дома. Даже такого, кажется, не очень большого счастья и то уже получить нельзя. Остаётся, видно, повторять одно и то же: да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли!..

Я часто теперь ставлю себе этот вопрос: для чегостряслась надо мной такая непоправимая беда? Прежде всего, конечно, для меня самого, а затем и для вас, моих дорогих духовных детей, моих милых самарян и самарянок, прихожан и прихожанок, для вас, братьев и сестёр! Ведь мы все должны сойти в могилу в разное время, а вашему пастырю суждено и в смерти быть поучительным, и именно потому, что он не умел быть поучительным в жизни своей. Если эта судьба моя произведёт на вас достаточно

образумливающее впечатление, если скорби мои научат и вас примиряться с теми многими скорбями, без коих нельзя войти в Царство Небесное, – тогда будет оправдана тяжёлая участь моя, легко будет смотреть с того света на благодетельные перемены, какие произойдут в жизни вашей. Иначе мне и там несладко будет чувствоваться, глядя на вас, не вынесших ничего духовно полезного из постигшего вас испытания.

Боже мой! Как много мыслей роится в голове, чувств в сердце, которые хотелось бы передать вам, моим дорогим братьям и сёстрам, моим духовным чадам! Я знаю, что вы крепко молитесь Богу обо мне, и я молитвенно вспоминаю вас. Не расслабляйтесь в молитве из-за того, что не по вашему хотению творит Господь, а по Своей святой воле. Так и должно быть. Наша воля слишком недальновидна и неустойчива, чтобы на неё полагаться. Воля Божия одна может привести нас к истинному счастью. Устраивайте же себя так, как угодно Богу, не ропщите на то, что не выходит по-вашему. Тогда Господь мира всегда будет с вами. Благословляю вас, обнимаю и лобзаю лобзанием святым!

Грешный протоиерей Василий».

А вот его последнее письмо, в котором слышится голос настоящего исповедника: «26 мая. Прошло и Вознесение Господне. Какая стоит чудесная погода! Как хорошо в мире Божиим даже из тюремного окна! Какое тепло, какой воздух, какое чудное голубое небо с редкими перистыми облачками! А как теперь хорошо, наверное, в поле, в лесу, у нас в огороде! Наверное, расцвела сирень. Боже мой, как рвётся душа туда, в родные места! И вот среди такой благодати ты не можешь мечтать ни о чём,

кроме смерти, кроме приближающегося конца и расставания с этим прекрасным миром... Но, с другой стороны, если здесь так хорошо, если здешний мир может быть так прекрасен и привлекателен, то как несомненно ещё более прекрасен и привлекателен тот невидимый небесный мир, где пребывает в славе Своей Господь со святыми небожителями! Какая там должна быть радость, какое восхищение, какое блаженство! Апостол Павел говорит по своему опыту, что и передать нельзя красоты небесного мира, что нельзя выразить того восторга, какой обнимает душу вступающих в этот мир. Если это так, а это ведь так несомненно, то что же, собственно, жалеть об этом здешнем мире, который прекрасен только изредка, да и в этой временной красоте всегда таит в себе множество всяких страданий и всякого физического и нравственного безобразия. Потому-то и Христос говорит в Святом Евангелии: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить». Значит, просто только малодушие наше заставляет трепетать сердце ввиду этой телесной смерти. И только этот момент, этот миг исхождения души из тела, только он и труден, и страшен. А там и сейчас же покой, вечный покой, вечная радость, вечный свет, свидание с дорогими сердцу, лицезрение тех, которых здесь уже любили, которым молились, с которыми жили в общении. И больше не будет тревог, не будет предательств, происков, не будет зла, грязи всякой, мелких и крупных самолюбий, не будет ничего, что отравляет нам здесь даже минуты и самой чистой радости. Как всё, теперь загадочное и таинственное, раскроется для освобожденного духа, как всё сразу будет понятно, к чему стремился ум,

чего желало сердце!.. Всё это, безусловно, так заманчиво, так увлекательно, что действительно стоит перетерпеть этот неизбежный, всё равно рано или поздно, конец жизни. И вопрос, какой конец лучше в смысле трудности: такой ли насильственный или медленный естественный. В первом случае есть даже некоторое преимущество – это насилие, эта пролитая кровь может послужить в очищение многих грехов, в оправдание многих зол перед Тем, Кто и Сам претерпел насилие и пролил кровь Свою за очищение наших грехов. Моя совесть говорит мне, что, конечно, я заслужил себе свою злую долю, но она же свидетельствует, что я честно исполнял долг свой, не желая обманывать, вводить в заблуждение людей, что я хотел не затемнять истину Христову, а прояснять её в умах людей, что я стремился всякую пользу, а никак не вред принести Церкви Божией, что я и думать не думал повредить делу помощи голодающим, для которых всегда и охотно производил всякие сборы и пожертвования. Одним словом, пред судом своей совести я считаю себя виновным в тех политических преступлениях, какие мне вменяются и за которые я казнюсь. А потому Ты, Господи, прими эту кровь мою в очищение грехов, которых у меня и лично, и особенно как у пастыря очень много. И если бы я знал и твёрдо был в этом уверен, что Ты, Господи, это временное страдание моё вменил мне хотя частью в оправдание вечное, то я не стал бы просить, не стал бы и желать изменения предстоящей участи. Вот этой твёрдой уверенности у меня ещё не хватает. Мятежным умом своим я всё колеблюсь, не лучше ли ещё пожить, ещё потрудиться, ещё помолиться и подготовиться для вечной жизни. Дай, Боже, мне

эту твердую мысль, эту непоколебимую уверенность в том, что Ты взглянешь на меня милостивым оком, простишь мне многочисленные вольные и невольные прегрешения, что Ты сочтёшь меня не как преступника, не как казнённого злодея, а как пострадавшего грешника, надеющегося очиститься Твоею Честною Кровию и удостоиться вечной жизни во Царствии Твоём! Дай мне перенести и встретить бестрепетно смертный час мой и с миром и благословением испустить последний вздох. Никакого зла ни на кого нет у меня в душе моей, всем и всё от души я простил, всем желаю я мира, равно и сам земно кланяюсь всем и прошу себе прощения, особенно у вас, мои дети духовные, мои дети родные, перед которыми больше всего мог быть виноватым. Дайте и вы все мир душе моей, дабы я спокойно мог сказать теперь: ныне отпускаеши, Владыко, раба Твоего с миром.

Благословение Господне на всех вас да пребывает вовеки. Аминь».

Это письмо было написано за 4 дня до расстрела о. Василия и осуждённых вместе с ним сотоварищей.

Спустя много лет произошло событие, которое все близкие отца Василия сочли за знамение попечения о них священномученика. В семье сына отца Василия, Бориса, долгое время хранился большой портрет священномученика. Когда начались новые гонения на Православную Церковь, портрет повернули лицом к стене, а обратную его сторону заклеили картиной, которая называлась «Дедушкина радость». Во время Великой Отечественной войны Борис Васильевич был призван на фронт, дома остались жена и двое детей – внуки отца Василия Соколова. Во время воздушных налётов все они укрывались в траншее

неподалёку от дома. 13 ноября 1941 года они вернулись после очередного налёта из траншеи и сели пить чай. Молитвами священномученика Господь внушил им намерение в случае очередного воздушного налёта остаться дома. Ночью они услышали воздушную тревогу, но в укрытие не пошли. Вскоре раздался близкий грохот – бомба упала в ту самую траншею, где они обыкновенно укрывались. Их деревянный, двухэтажный дом содрогнулся, воздушной волной вдавило внутрь переднюю стену и разрушило печь. Но никто не пострадал. В момент взрыва портрет повернулся, и на детей смотрел священномученик Василий.

Взирая из сегодняшнего времени, растерявшего нравственные ценности, на то время великого подвига русских святых, хочу ответственно заявить: в огромной степени благодаря им в православии сохранён опыт святости, и ярким доказательством этому служит то, к чему сегодня пришёл так называемый «просвещённый мир», в котором с искажением вероучительных истин исказился опыт, а стало быть, и образ жизни. Этот мир теперь не нуждается в святости, а потому ненавидит нас и лжёт на нас, так как Россия сегодня является единственной преградой на их пути к полному порабощению человечества глобалистической философией потребления.

Итак, дьявол по-прежнему воюет с Богом, а полем брани по-прежнему является сердце человеческое. И от каждого из нас зависит, в каком мире мы будем жить завтра.

И если мы не перестанем чтить святость и святых и будем стараться выстраивать свою жизнь по Евангелию, у нас есть будущее. А если оно есть у нас, то оно есть и у всего мира, которо-

му открыто русское сердце. Ведь не зря когда-то Ф.М. Достоевский произнёс потрясающие слова: «Я верю, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в неё с братской любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону». И, наконец, хотелось бы сделать приношение святости и русским святым:

О, Святость! Если бы не Ты, пребывающая в этом грешном мире в сердцах праведных, то не было бы никакого смысла в том, что я вижу вокруг.

О, Святость! Если бы не Ты, пребывающая в Церквах Божиих Своей нечеловеческой глубиной и красотой православия, чудными небесными Лицами, неземным благоуханием, то не было бы никакой надежды на то, что горе страдающего мира прекратится и что будет «новая Земля и новое Небо». Ибо зачем жить, если нет никакой надежды?!

О, Святость! Если бы не Ты, пленившая нас светлым ликом Христа, попираемого нечеловеческой дерзостью человека, но неизъяснимым образом покрывающего всех без исключения Своей неземной Любовью, то красота и запах полевых цветов не были бы такими царственными и пронзительно-голубое небо не влекло бы нас своей чистотой и не было бы сил и желания радоваться. Ибо вся сила и радость – от Тебя.

Аминь и Богу слава.

Николай Ракитянский –

*доктор психологических наук, профессор
кафедры социологии и психологии
политики факультета политологии МГУ
им. М.В. Ломоносова*

КАТЕГОРИЯ МЕНТАЛИТЕТА В ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХОЛОГИИ ВЕРЫ

Понятие менталитета одно из самых древних. В VII в. до н. э. слово «mens» появляется и затем получает смысловое развитие в санскрите. Оно прошло практически через всю историю человеческой цивилизации – Античность, Возрождение и Новое время. Но только около века назад феномен и понятие *mentalité* народа стали активно изучать и использовать в Европе, в первую очередь во Франции. Примерно со второй половины XX в. в мировой науке формируется устойчивая тенденция изучения национально-психологических особенностей народов посредством понятия «менталитет».

Еще в I в. н. э. глубокое знание менталитета тех, к кому он обращался, отразил в своих посланиях апостол Павел. Уже в те времена отмечалась необходимость не только знания и понимания различий народов, их нравов и верований, но и воздействий на них. Психологический и духовный аспект этих отличий и характеризует феномен менталитета.

Наиболее выразительно особенности народов проявляются, например, в такой крайней форме конкурентной борьбы, как война. Так, в конце 1943 г., когда стало ясно, что вскоре предстоят военные действия на территории фашистской Германии, Верховное командование Красной Армии стало осуществлять подготовку к борьбе с немецкими партизанами. Советским генералам, русским людям, родившимся ещё в дореволюционной России, трудно было представить, что таковых на территории рейха не будет. Немецкий же порядок не предполагал подобные формы народного сопротивления иностранным войскам.

Анализируя историю генезиса и развития понятия «менталитет», представляется возможным выделить в нем три основных этапа. Первый этап имплицитный. Он характеризуется тем, что термин «менталитет» ещё не встречается в научных трудах. Исследователи пользуются такими понятиями, как «этническое сознание»,

«национальный характер», «душа народа», «духовный склад», «дух народа» и др.

Второй этап уже связан с активным введением понятия в научный оборот и затем его широким распространением в научном сообществе, художественной литературе, публицистике и в живом разговорном языке.

Начало третьего, нынешнего, этапа исследований феномена «менталитет» приходится на 90-е гг. XX в. и связано с развитием информационной революции в контексте ускоряющегося процесса глобализации. Принципиальное значение последнего этапа состоит в том, что феномен менталитета стал рассматриваться заинтересованными операторами глобальной политики и ТНК не только как объект изучения, но в первую очередь как объект управления и модификации средствами информационно-психологической экспансии.

Изучение основ русского национального менталитета в его целостности и связи с глобальными процессами даёт возможность системного проектирования будущего на основе адекватного понимания своеобразия национальной культуры и общества. Выявление сущности этого феномена, кроме теоретического значения, имеет и практический смысл для политиков, экономистов, управленцев, дипломатов, педагогов, военных, правоохранительных органов, спецслужб, различных государственных и общественных институтов, наконец, для рядовых граждан России.

В настоящее время в научном сообществе формируется философско-метафизическая исследовательская установка, под которой понимаются психологически, антропологически и религиозно обусловленные мировоззренческие,

аксиологические и онтологические основания веры, мышления, чувствования, поведения и деятельности людей, групп и народов. Философски-метафизическая установка если и не всегда опирается на теоцентрический подход, то, во всяком случае, его учитывает как историческую, культурную, нравственную ценность и духовную реальность.

Менталитет имеет целостный, устойчивый, целевой, ориентирующий, интегрирующий, оппозиционный, мобилизующий и инструментальный характер. Его невозможно свести только к рациональным компонентам человеческого сознания, что так или иначе отмечают практически все авторы. Менталитет – это глубинный и поэтому трудно осознаваемый источник и результат мысли и чувства, рассудочного знания и безрассудной веры [8]. Стойкие качества менталитета формируются через посредство верований, обычаев, привычек, жизненных порядков, воспринимаемых от старших поколений и от среды. Они усваиваются пассивно, бессознательно, «на веру» [9].

Менталитет, вырастая из веры, проявляется в разуме, чувстве, воле и самых различных бессознательных установках каждого отдельного члена общества на основе общности языка, воспитания. Существует неразрывная диалектическая взаимосвязь между понятиями «менталитет» и «ментальность». Менталитет соотносится с ментальностью так же, как и способ выражения соотносится с содержательно-смысловым наполнением.

Ментальность как содержание менталитета всегда стремится к реализации, выходу вовне. Она выражается в единстве познавательной, эмоциональной, волевой и духовной деятельности. Таким образом, представляется возможным

определить ментальность как направленность или вектор реализации менталитета в различных сферах жизнедеятельности людей: в быту, в творчестве, в социуме, в политике, в религии и т. д.

Феномен веры как априорная форма познания и понимания материальной и метафизической реальности всегда был и будет одной из самых глубинных основ менталитета. Для русского менталитета это, возможно, характерно в большей степени. Вера проявляется в базовых структурно-инвариантных ценностях нашей национальной истории и культуры как преемницы русской и советской культур. Этими ценностями являются правда как синтез истины и справедливости, соборность как гармония свободы и единства, спасение как примирение обособленности и всемирности.

Феномен веры, в отличие от феномена менталитета, мало изучен психологами, как не изучена и связь между ними. Примерно три последних столетия психология оперировала понятиями «рефлексов», «восприятий», «отражений», «ассоциаций» и множеством других «объясняющих» терминов. Открывая и затем долгое время используя эти необходимые, но всё же частные инструменты научного познания, психологи стремились возложить на них функции $\frac{3}{4}$ механизмов психики.

Острое желание различных политических субъектов управлять людьми лежало в основе так называемого научного взгляда на психику. Её представляли как совокупность состояний, свойств, процессов, рефлексов, функций, механизмов и т. п. Однако, обращаясь к реальной логике детерминации психики и практически участвуя в формировании личности человека, психология вынуждена открывать для себя до сих

пор неизведанную, невидимую и нелокализованную реальность [1]. Она не только обуславливает организацию жизненных процессов и психических структур, но и влияет на формирование менталитета народов и наций, на функционирование власти, на политическое устройство государств, их существование и саморазрушение. Именно эта непознанная реальность является судьбоопределяющим фактором и в жизни каждого конкретного человека. Одной из таких фундаментальных жизненных реальностей является феномен веры.

Вера и её содержание составляют первичную систему знаний, основу ментальной матрицы. Психология веры – «позвоночник» всей структуры психики не только отдельного человека, но и целого народа [17]. «Только немногие существа, считает В.А. Кутырев, являются субъектами своих мыслей. Большинство повторяет чужие. Иметь по всем вопросам своё мнение задача непосильная. Приходится верить...» [6].

В начале XX в. М. Вебер был одним из первых в научном сообществе, кто высказал мнение о том, что целостность и силу менталитету придаёт его базовая конструкция – вера. В частности, он пишет о том, что религиозные идеи решающим образом формировали $\frac{3}{4}$ национального характера [3]. Исследователь психологии народов и масс Г. Лебон считал, что «из всех сил, которыми располагает человечество, сила веры всегда была самой могущественной, и не напрасно в Евангелии говорится, что вера может сдвинуть горы. Дать человеку веру – это удесятерить его силы. Великие исторические события произведены были неизвестными верующими, вся сила которых заключалась в их вере» [7].

Человек нуждается в вере, в выходе за границы обыденно необходимого, за пределы практического интереса. Как мыслящее существо он трансцендентен, и значит, он, веруя, стремится к идеалу, к истине, к тому, чтобы соединиться с причиной всего сущего, и это стремление неистребимо. Вера связана с готовностью человека к действию, также с выбором, который по своей природе не всегда недоступен интеллекту. Феномен веры рассматривается в ключе её взаимосвязи с процессом познания.

А. Тайнов выделяет пять специфических видов человеческого познания: обыденное, художественное, философское, религиозное, научное. Во всех них большую, если не главную роль играет вера как не всегда осознаваемый источник познания, который дополняется чувственной интуицией, логическим рассуждением и т. п. [12]. В том, что вера важна для первых четырёх видов познания, особых сомнений не возникает. Но на самом деле не свободны и не могут быть свободны от веры и люди науки. Например, А. Эйнштейн считал, что весь смысл научной деятельности состоит в стремлении понять замысел Божий. Он писал: «В наш материалистический век серьёзными учёными могут быть только глубоко религиозные люди» [15]. Вера – это вовсе не противоположность точному знанию. Напротив, не оставляя места сомнению, вера направляет помыслы и действия человека [2]. Э. Фромм в своём труде «Из плена иллюзий» пишет: «Я верю, что разум не может быть действенным, пока у человека нет надежды и веры» [13].

Существует безусловная тесная взаимосвязь двух феноменов: веры и политической власти. При всей многомерности и неисчерпаемости темы власти практи-

чески во всех источниках так или иначе, имплицитно или явно, выражена идея о том, что любая власть построена на вере – доверии подданных своим правителям.

Так, В.В. Ильин и А.С. Панарин отмечают, что «тайна власти состоит, в первую очередь, в культурной (духовной) гегемонии: по-настоящему управляет людьми тот, кто управляет помыслами» [4]. По сути, помыслы людей нерасторжимо связаны с доверием к правителю, и в таком случае власть становится не только политической, но и метафизической, духовной силой. А.И. Юрьев пишет о том, что предназначение власти заключается в целеобразовании для общества, дающем ему смысл и форму жизни [17].

Если рассматривать проблему цели как осознанного образа предвосхищаемого будущего, то мы можем утверждать, что достижение этого предвосхищаемого будущего может основываться только на вере в него, т. е. на доверии тем политикам, которые его предлагают. Доверие является безусловной основой власти. Феномен веры в варианте доверия выступает как важнейшее инвариантное основание устойчивой и сильной власти в нашей стране.

Власть содержится в доверии подданных, и сама власть есть доверие. Если правительство не имеет доверия, оно не имеет власти, максимум, что оно имеет, – только доступ к ресурсам. Такой власти достаточно, чтобы паразитировать на обществе, но недостаточно для принятия развивающих стратегических решений. Как только возникает ситуация, требующая именно глобальных решений, такую «власть» со временем попросту «смывает» [10].

Суть так называемых «оранжевых» революций, которые проектируют и осуществляют операторы политических

технологий глобализации по-американски, состоит в создании силы, способной отобрать власть у правителя, потерявшего доверие. Так потеряли власть Э. Шеварднадзе и А. Акаев. Но эти технологии не работают ни в Белоруссии, ни в России, потому что пока нет исходного условия недоверия к власти в необходимом критическом количестве. Это значит, что правоохранительные органы, вооружённые силы, спецслужбы так или иначе будут выполнять приказы; министерства и ведомства будут осуществлять повседневное управление страной, выполняя волю правителя. Отнимать доверие у того, у кого оно есть в нашей стране, Запад пока не умеет, но он продолжает активно работать в этом направлении.

Доверие определяет наличие стабильной и сильной политической власти. Кто хочет иметь такой ресурс, как власть, должен контролировать источник, вырабатывающий этот продукт. Кто не знает источника власти, тот не может её иметь. Если сейчас принято считать, что источник власти народ, то правителю необходимо формировать, контролировать и удерживать его доверие хотя бы на минимально допустимом уровне. Тайный заговор по свержению Н. Хрущёва, вынужденный и бесславный уход Горбачёва и затем Б. Ельцина – следствие многих причин, но одна из них, если не самая главная, это утрата доверия к правителю.

На этих примерах прослеживается прямая связь между доверием и властью. Чем больше доверия, тем больше власти. Абсолютное доверие означает абсолютную власть. Тотальное недоверие означает отсутствие политической власти или её скорую утрату. Таким образом, когда мы говорим

о функциях веры, то мы имеем основания полагать, что вера правителю – это основание его сильной власти.

Христианство во всех его ветвях, прежде всего в католичестве и протестантизме, сыграло исключительно важную роль в становлении евроатлантической цивилизации. Русский же менталитет создан православием. Издревле православная вера была не только стержнем социального и политического единения народа, она была той основой, на которой формировались такие особенности русского национального менталитета, как соборность и государственность. Именно православие укрепляло не только вертикальные связи между элитой и народом, оно же связывало людей и в горизонтальные общности, постепенно образуя из многочисленных племён и народностей русскую нацию и российское государство.

Византийское православие, сообщённое нашим предкам на родном и понятном для них языке, не могло не оказать влияния на формирование национального менталитета. В русском православии с самого начала сочеталось универсальное и национальное, и именно это обстоятельство более остальных повлияло на развитие русской религиозно-национальной особенности менталитета. Русский человек – христианин. Но не всегда в смысле его принадлежности церкви и даже не в смысле его наличного духовно-нравственного состояния, а в смысле тех ценностей, которые являются для него основными [5].

Говоря о религиозной вере, нельзя не отметить и её социальное измерение. Она особым светом озаряет нашу жизнь и человеческие дела, является житиевым корнем культуры. В этом качестве

православие в России принадлежит всему народу, в том числе и нашим согражданам другой веры, а также атеистам, последователям различных сект и т. д. Русское православие незримо «пропитывает» всю общественную жизнь, семью и школу, экономику и политику. Именно в религиозном сознании возникла важнейшая связующая сила – коллективные представления. Они не выводятся из личного опыта, а формируются только в совместной деятельности и были первой в истории человечества формой общественного сознания. Именно религия порождает для каждого народа культурные нормы и ценностные регуляторы поведения, а также понятие об их нарушении – грехе. Это связывает людей в народ, ведь именно присущие каждому народу моральные и в целом культурные ценности выражают его идентичность, особенности национального менталитета. Догматы православной веры являются основой онтологической безопасности русских людей и, по мнению В.В. Цыганова, они затрудняют манипуляцию сознанием [14].

Менталитет вырастает из веры. Вера в качестве базисной психической функции выступает своего рода стержнем, на который нанизывается вся структура личности, если шире – вся структура национального русского менталитета, политическая структура его государственности и т. д. Она формирует главные и ведущие стремления человека, которые определяют его жизнь, его воззрения, его намерения и поступки. Вера является первичной системой знаний, основой ментальной матрицы, составляет и её содержание. Более того, она формирует и определяет политическую власть целой страны, экономику, нравственность,

духовность, саму жизнь и судьбу народов, государств, каждого отдельного человека.

По Л. Сонди – вера это врождённая способность к самотрансценденции, то есть к стремлению, переходу нашего «Я» к Богу [11]. Если человек выбирает себе другой предмет веры как высшую инстанцию, то он себя с ней идентифицирует и тем самым программирует свою судьбу. Так, если это деньги и культ потребления, то человек в итоге поклоняется золотому тельцу. Если это лидер, вождь, гуру или модная так называемая «поп-звезда», то это превращается в идолопоклонство, которое давно приняло массовый характер. В среде политических, интеллектуальных и прочих элит в моде вера в себя, в некую «свою звезду» как в конечную инстанцию, когда человек только одержим собой и для него ничего не свято.

В России психологические установки православия свойственны не только религиозным людям, но и, что весьма важно, большинству мирских, светских. То обстоятельство, что многие десятки поколений наших непосредственных предков в своей жизни ориентировались на одни и те же постулаты веры, а затем и руководствовались ими, неизбежно сказалось известным образом на внутренней жизни или психике последующих поколений, сформировав русский национальный менталитет.

В заключение сделаем следующие замечания. Фундаментальное противоречие нашей эпохи и одновременно главный вызов человеческому сообществу в XXI в. – это противостояние либеральных цивилизационных стандартов западного менталитета, с одной стороны, и ценностей национальных культурно-религиозных идентичностей – с другой.

Россия как современный центр православного Русского мира занимает в этом противостоянии менталитетов особое место. Именно поэтому важнейшим средством политической стабильности нашей страны может стать последовательная и терпеливая, рассчитанная на долгий срок реставрация в Российском государстве исконной системы ценностей, которая, по терминологии А.С. Панарина, должна выстраиваться на тысячелетнем фундаменте «славяно-тюркского синтеза» и традициях «православно-исламского консенсуса».

Рассмотрение проблемы менталитета с точки зрения его связи с феноменом веры может открыть новую страницу в ментальных исследованиях и дать

простор для дальнейших научных изысканий по целому ряду направлений. Так, представляется весьма актуальным вектор ментальных исследований с точки зрения информационно-психологической безопасности России.

Современная наука ещё далека от понимания феномена веры. Вера всегда будет предметом изучения психологии, философии и других наук. Вера является глубинной основой менталитета как отдельно взятого человека, так и целого народа. Вера как выражение духовной жажды человека, как отражение психологических качеств людей и целых народов будет оставаться не только предметом острых дискуссий в ближайшем будущем, но и объектом политического противоборства.

Литература

Братусь Б.С. Образ человека в России XX века // Развитие личности. 2005. № 3. С. 121–136.

Введенский А.И. Статьи по философии. СПб., 1996.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С. 226.

Кирилл митроп. Православие и русская художественная культура // Вера. Этнос. Нация: Религиозный компонент этнического сознания. М., 2007. С. 208–218.

Кутырев В.А. Философский образ нашего времени: безжизненные миры постчеловечества. Смоленск, 2006. С. 220.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 236.

Мазилев В.А. Ментальность в психологии: новые перспективы // Современные проблемы российской ментальности. СПб., 2005. С. 54.

Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

Проект Россия. М., 2007.

Сонди Л. Судьбоанализ // Статьи / Пер. с нем. А.В. Тихомирова. М., 2007.

Тайнов Э.А. Трансцендентальное: Очерк православной метафизики. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 54.

Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 373.

Цыганов В.В. Русская цивилизационная идея // Информационные войны. 2007. № 4.

Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1967. Т. 4. С. 129.

Юрьев А.И. Психология веры // Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала. СПб., 2006. С. 24–26.

Юрьев А.И. Системное описание политической психологии. СПб., 1996. С. 73.

Ранко Гойкович –
 православный публицист,
 переводчик и издатель (Сербия)

100 ЛЕТ СО ДНЯ БЕЗБОЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ДУХОВНАЯ ПРОЕКЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ИМПЕРИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТВОРЧЕСТВА СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ СЕРБСКОГО

О том, что «всё гениальное – просто» показывают труды «Сербского Златоуста», как сейчас принято называть свт. Николая Сербского. Златоустый Сербский владыка о самых сложных исторических, религиозных и вообще житейских вещах всегда писал и говорил настолько просто, что был понятен и простецам, и мудрецам.

Собрание сочинений сербского святителя грандиозно, составляет 13 увесистых томов (приблизительно по 700-800 страниц крупного формата). Из этого океана мудрости, основанного на Евангелии Христовом, в данном случае уместно будет выделить и рассмотреть всесторонне описанное сербским святителем то, какими были на протяжении истории взаимоотношения народа и власти, а также то, какими они могли быть...

Царство как установленный Богом порядок. Сходство Сербии Неманичей и Святой Руси.

Сам Господь праотцу Аврааму чудесным образом сотворил новое качество – отца, руководящего племенем. А племя преобразовал в народ и в царство. Сам Господь даровал царей над тем народом, заповедав о том, чтобы «не прикасались к помазанныкам Своим».

Ветхозаветная царская власть также напрямую от Творца принята и в христианстве, начиная от Константина, которого Сам Господь обратил в веру истинную накануне битвы с Максенцием, явив ему Честной Крест с надписью «Сим победиши!»

С тех пор вплоть до падения Константинополя, Восточная Римская империя – православная Византия – почти тысячу лет была самым могущественным

государством на планете. Благочестивые православные василевсы были защитниками и покровителями веры православной, на Вселенских Соборах исполняя роль чести, а не власти.

Императоры-иконоборцы нарушили эту симфонию, разоряя тем самым фундамент своего дома – православного Восточного Царства.

Святитель Николай Сербский подчеркивает разницу между западными империями, с их империалистическим духом, и православными империями, представляющими имперский дух православного Востока. В то время как на Западе осуществлялся в той или иной форме папизм или цезаропапизм, главным отличием Сербии эпохи святых Неманичей было присутствие симфонии светской и духовной властей. Могущественные правители сербов были глубоко убеждены в том, что они прежде всего слуги Божии, а именно своим служением Господу они и могут наилучшим образом послужить своим подданным. Этот настрой характерен и для российских самодержцев.

Значение монархии сейчас может понять лишь православно верующий человек, ибо только вера православная побуждала наших людей недвусмысленно повиноваться монарху, его власти, его повелениям, так как наши предки осознавали, что власть самодержавная имеет небесное происхождение, и противление самодержцу является противлением воле Божией.

Роль Промысла Божия в сербской истории в толковании свт. Николая Велимировича (и в русской истории – митр. Иоанна Снычева) представляют собою фундамент, без которого невозможно истолковать как сербскую, так и русскую историю.

Размышления о роли Промысла Божия характерны для толкования истории сербским владыкой Николаем. Однако такое толкование находится вне того способа осмысления, который предлагают современные учебники по истории. Никакие «объективизм и беспристрастность» невозможны, если забыть о том, что человек – богоподобное существо. Отбрасывая – как кому-то кажется – за ненадобностью это богоподобие, человек становится вначале звероподобным, а после – бесподобным. И толкователь исторических процессов, игнорирующий то, что именно Христос есть Путь, Истина и Жизнь, косвенно соучаствует в процессе уподобления сынов Божиих зверям и бесам.

Вот что говорит о Сербии Неманичей святитель Николай Сербский в своей знаменитой работе «Сербский завет»:

«Когда надо было решить: принимать ли Греческую Церковь или Римскую, он ответил – ни ту ни другую, но Сербскую Церковь. Вместо Латинской и Греческой Церкви он, по тому же закону, создал Сербскую Церковь. Но духом сербы не отделились от Церкви Греции. И народ, пребывавший в смятении, вдруг поймал себя на том, что выход на правильный путь обретён. И духовная жизнь сербского народа с того момента потекла подобно потоку, устремившемуся через прорванную плотину».

На Великом Церковно-народном соборе в Жиче (в 1221 году, в День Сошествия Святого Духа на апостолов) Свт. Савва в знаменитом «Слове об истинной вере» завещал в наследство сербам чистоту святой православной веры, опечатанную семью святыми Вселенскими Соборами.

А митрополит Иоанн (Снычев) так говорит о роли Промысла в русской истории:

Христианство категорически не приемлет так называемого «нравственно-го дуализма», утверждающего пагубное заблуждение о равновеликости добра и зла. Добро, тождественное Истине и Любви, есть Сам Бог во всемогуществе Своём, промыслительно обращающий даже грехопадения искажённой страстями человеческой природы на пользу людям – даруя им возможность спасения и обретения вечной жизни через таинство покаяния. Зло же не имеет сущности. Оно есть лишь искажение Божественной гармонии мироздания, прискорбное отсутствие благодати Божией (так не имеет самостоятельной силы тьма, являясь лишь отсутствием света), отвергаемой той частью разумных тварей, которые сознательно и свободно отвергают Бога в безумии гордыни и губительного тщеславия.

Святитель Николай (Велимирович) о Европе и западном империализме

Существенное влияние на творчество свт. Николая имел трагический опыт сербского народа в первой половине XX века – две Балканские и две мировые войны, австро-венгерский геноцид 1915-1916 гг., хорватско-немецкий геноцид 1941-1944 гг. Безграничная жестокость и подлый цинизм «цивилизированных» западных народов заставили святителя глубоко задуматься о сущности культуры и цивилизации этих народов в свете Христовой Евангельской истины. Естественно, в связи с этими размышлениями неизбежно вставал вопрос и о природе европейского империализма.

И сегодня слова сербского святителя звучат актуально: *«Языческая идея провозглашает, что земля принадлежит лишь сильным, а христианская – что земля принадлежит всем творениям Божиим. Малые народы имеют такое же право существования на земле, какое имеют великие народы, наподобие того, как травинка имеет право расти под солнцем рядом с огромным дубом. Малые народы составляют с народами великими драгоценную, удивительно прекрасную мозаику. Каждый народ имеет свои размеры, свои пространства, свою силу и нравственность. История человечества не могла быть ни драмой, ни картиной. Если бы один народ подчинил себе все другие народы и навязал им свои собственные черты, мир бы окрасился в один цвет, воцарились бы монотонная скука, отчаяние и смерть».*

По сербскому святителю, Первая мировая война представляла собой битву за Крест Честной и Свободу Златую: *«Три могущественных императора из Берлина, Вены и Стамбула с послушным слугой из Болгарии – это антихристианский лагерь, а остальной мир – христианский. Именно сербская правда и борьба Сербии за Божескую правду поделили мир на два лагеря. Это – последнее столкновение христианства и язычества, решающая битва между Христом и антихристом».*

Но если во время Первой мировой войны и сразу после её окончания Николай Велимирович ещё имел какие-то иллюзии относительно благотельного характера западного империализма, то в зрелом возрасте от этих иллюзий избавился. В своей книге «Война и Библия» он пророчески пишет, что *«война, начатая в 1914 году, ещё не завершена»*

и что «идея о новой войне доминирует в сознании многих народов и стран». Епископ предвидит, что новая война «будет войной, которая полностью лишена милости, чести и благородства <...> Ибо грядущая война будет иметь целью не только победу над противником, но и истребление противника. Полное уничтожение не только воюющих, но всего, что составляет их тыл – родителей, детей, больных, раненых и пленных, их сёл и городов, скота и пастбищ, железных дорог и всех путей!». Эти удивительные пророческие слова о сути будущей войны сербский святитель написал в 1927 году (Вторая мировая именно такой стала. – Р.Г.).

Сербский святитель любил христианскую Европу, но он увидел, что такая Европа умерла: «Пока Европа держалась Христа как Солнца Правды, а также его апостолов, мучеников, святителей и бесчисленных праведников, до тех пор она была подобна площади, освещённой сотнями светильников. Но когда человеческая похоть и ум обрушились на Христа, как два страшных урагана, светильники были погашены на глазах у людей и площадь охватил мрак». «Затмение» Европы св. Николай видел в искажении учения Христова, которое произошло в папизме и протестантизме. «Что такое Европа? Это похоть и ум. А воплощены эти свойства в папе и Лютере. Европейский папа – это человеческая похоть за власть. Европейский Лютер – это человеческое дерзновение всё объяснить своим умом. Папа как властитель мира и умник как властитель мира». Самое главное, эти свойства не знают никаких внешних ограничений, они стремятся к бесконечности – «исполнение человеческой похотью до предела и ума до

предела <...> Из-за похоти человеческой каждый народ и каждый человек ищет власти и сласти и славы, подражая Папе Римскому. Из-за ума человеческого каждый народ и каждый человек находит, что он умнее других и лучше других. Как в таком случае не быть безумию, революциям и войнам между людьми?».

Сербский владыка на основе страшного опыта своего сербского народа XIX и XX века в отношениях с европейскими народами видит, что в Европе правит безумие: «Европа умна отнимать, а вот давать не умеет. Она умеет убивать, а ценить чужие жизни не умеет. Она умеет создавать орудия уничтожения, но не умеет быть пред Богом смиренной и по отношению к более слабым народам милостивой. Она умна быть себялюбивой и повсюду нести свой «символ веры» себялюбия, но не умеет быть боголюбивой и человеколюбивой».

Так мы приходим к сущности европейского империализма в понимании сербского святого, а это – воинствующий материализм и его филиации – большевизм, социодарвинизм и расизм. Именно материализм стал причиной нового, более страшного, чем все предыдущие, европейского империализма. После падения Русской православной империи брутальную решимость нацистов сербы и русские чувствовали на своей коже как никто другой. В качестве окончательного определения трагедии современной Европы сербский святой даёт следующее: «Трагедия Европы в том, что она сделала выбор в пользу царства смерти, которое считает вечным, а отвергла Царство Жизни Вечной. Она заключила союз со смертью, заявив через свои университеты: «Смерть непобедима: жизнь – это случайность».

Удаление и приближение ко Христу как единственный подлинный показатель процветания и падения сербской государственности.

Сербская христианская история подобна ветхозаветной истории. Когда сербы приближались к Спасителю и своему святителю Савве, Сербия расцветала и развивалась духовно и материально. Когда сербы удалялись от Христа и святителя Саввы, начиная заражаться чужебесием, то держава пропадала как духовно, так и материально.

Святитель Николай в своей книге «Сербия над Востоком и Западом» пишет:

«По своему географическому положению Балканы находятся между Востоком и Западом, но идейно стоят над Востоком и Западом.

Что это за духовная сила, которая спасает Балканы, не позволяет им и духовно быть «между», но помогает быть «над»?

Это православная вера, и только православная вера. Все остальные факторы – как то: географическое положение, культура, наука, ислам, политика, устремления страны, амбиции, – держат Балканы между Востоком и Западом. Вера же православная поднимает их над Востоком и Западом, и только вера православная.

Нет ничего хуже, чем находиться «между». Если бы духовно православные Балканы оказались в подчинении у географических Балкан и остались между Востоком и Западом, они походили бы на того осла из басни, который умирал от голода между двумя охапками сена.

К сожалению, православные Балканы от начала XIX века до сегодняшнего дня очень были похожи на того легендарного Буриданова осла, который помирал от

голода между двумя охапками сена, не зная, какую выбрать. В какой-то момент одна казалась ему больше и вкуснее, а в другой – другая. Он изнемогал от шатания от одной охапки к другой, он упал и умирал. И весь мир смеялся над ослом как над ослом.

Балканам угрожает смерть от голода из-за болтливых языков, которые противопоставили их между собой. Или Балканы погибнут от голода между Азией и Европой, или их проглотит одна из этих сил, подобно акуле, если они не поднимутся над ними. Над Востоком и Западом.

А мы молимся Христу Богу за Балканы, чтобы они поднялись над отчаявшимся спокойствием Востока и отчаявшимся беспокойством Запада, над демонической философией Востока и демонической наукой Запада. Ныне и присно и вовеки веков – над Востоком и над Западом. Аминь».

И как завет к своему народу, Сербский Златоустый епископ глаголет о необходимости возвращения ко Христу, к Его нравственным законам. И пророчески предупреждает: *«Все, кто поклонился золоту, умерли от голода. И все, кто поклонился стали, от стали погибли. Разве не научил вас кровавый опыт? Вне Христа всё – обман и заблуждение! Поэтому придите и поклонитесь Христу, Царю и Богу нашему. Аминь».*

В Сербии – «досифеевщина», а в России – «карамзиновщина» – иллюстрации антропоцентричного, а не теоцентричного взгляда на историю как исток многих развившихся позже проблем.

К сожалению, после освобождения сербов от турок новым сербским государством была утрачена симфония

светской и церковной власти. Святославские в качестве государственной идеологии, как стиль и опыт Сербского православия эпохи Неманичей, новым государством оказалось невосприимчивым. В новом сербском государстве Карагеоргиевичей на место охристовленного Святославия эпохи Неманичей, увя, был возведён новый вид просвещения, чуждый сербскому православному духу. Этот дух спровоцировал катастрофическое по своим последствиям столкновение сербской церкви и школы. Поэтому сербы так и не смогли повторить симфонии Церкви и государства, осуществлённой в эпоху Святой Сербии Неманичей. Однако духовное устройство братского русского православного народа (то, что, в сущности, мы подразумеваем под понятием «Святая Русь») позволило создать великую православную монархию.

Христолика душа сербов оформлена в Святославии, которое является одной из ветвей большой православно-славянской цивилизации. Причём Святославие, наряду со Святорусским идеалом, содержит в себе программу государственного самодержавного устройства. И всякий выход сербов из этих рамок означает самоубийственный скачок в сторону умирающей цивилизации. То же самое можно сказать и о русских.

В отличие от свт. Саввы, бережно относившегося к разнообразным формам проявления народного благочестия, наш просветитель Досифей Обрадович просто высмеивал традиционный уклад. Это, кстати, не могло ускользнуть от внимания великого сербского гения Негоша. Своим рационализмом и скепсисом он – так же как и Толстой в России – посеял семена богоборчества.

Сарказм Досифея распространялся не только на народный уклад, но и на тексты житий святых. По его словам, тексты житий наполнены такими небылицами, в которые не поверит и дитя малое.

Следующим страшным ударом по сербскому народному благочестию была реформа азбуки, которая в конечном итоге привела к упразднению богослужения на церковнославянском языке и которая нас, как народ, прилично удалила от единоверных и единокровных русских братьев.

Церковнославянский язык, свободный от нечистоты и зломыслия, был понятен всем – от предгорий Альп до побережья Тихого океана. Но вот, нашлись учёные люди, владевшие несколькими языками, которым он показался туманным и недостаточно понятным.

Тип сербской интеллигенции, рождённый просветительством Досифея Обрадовича и Вука Караджича, прекрасно описан святителем Николаем (Велимировичем): уезжали с корзиной, полной добродетелей, а возвращались с корзинами, полными заблуждений. Так что вообще результатом досифеевско-вуковского просветительства стало превращение Сербии в банановую республику.

Именно оно породило всё то, чего стыдится благочестивая Сербия, начиная от гуманистов из закрытых лож и оканчивая пропагандистами «безальтернативной интеграции» и диктатуры греха.

Святославское просвещение рождало, и даст Бог, сможет рождать в будущем тех, для кого Святая Сербия будет не только в учебниках истории, но и в сердцах.

Христианские основы просвещения сегодня заминированы. Под покровом неких «реформ» дети с малолетства развращаются и готовятся воспринимать содом как нечто нормальное. Даже в России (последней оборонной крепости) идёт неизвестная борьба против введения в школы сексуального воспитания. Хотя пропаганда гомосексуализма в России запрещена, когда я недавно был в Москве несколько дней, то слышал большую рекламу концерта главного пропагандиста гомосексуализма в мире – Элтона Джона.

Приведем цитату святого Николая по данному вопросу:

«Сербы на Венском договоре (1848) были обмануты и попали в идейное рабство к западным еретикам: духовное, интеллектуальное, моральное, политическое и культурное рабство <...> Было это роковое предрасположение западному влиянию на Сербию.

Так Вук и Даничич отворили все ворота и все каналы Западу, сделав так, что освободившиеся рабы турок стали рабами трухлявого Запада».

Похоже и в России – цитата Иоанна Снычева: *«Уже начиная с XVIII века отечественные исследователи нашего прошлого по какой-то необъяснимой причине предпочитали уравнивать исторические достижения соборной русской духовности и державной российской государственности с теми естественными жизненными искушениями, которые являются неизменными спутниками грешного земного бытия как в судьбе отдельного человека, так и в бытии целых народов и государств. Более того, с течением времени высший, промыслительный смысл человеческого предназначения и вовсе стёрся в «про-*

грессивных» умах наших учёных мужей, в результате чего каждый стал кромсать прошлое России вкривь и вкось, как только ему заблагорассудится, при свете своего убогого «здорового смысла» и набравших силу материалистических, богоборческих социальных теорий.

...В трудах Карамзина можно найти столь произвольные и яркие эмоциональные обобщения русской старины, что, собранные воедино, они рисуют Россию едва ли не как «ад земной», кипящий беззакониями, жестокостями и пороками. Преемники же Карамзина – Соловьёв, Забелин, Костомаров, Ключевский и другие – при всей разнице их личных научных позиций и политических симпатий, значительно усилили этот порочный методологический принцип в своих исследованиях.

Читая их рассуждения о переломных, судьбоносных периодах русской истории, знакомясь с теми выводами, которые они делают из этих трагических и одновременно героических событий (будь то Смута, Раскол или эпоха Иоанна Грозного), неизбежно впадаешь в плен мучительного сердечного недоумения: что же такое Россия? Проникаясь порой доверием к столь авторитетным выводам и оценкам, разум беспристрастного читателя оказывается перед неразрешимым противоречием между величественными результатами исторического бытия Руси и её беспросветной «отсталостью», столь безоговорочно признаваемой и так ярко описываемой на страницах много томных исследований и монографий».

Рационалистический взгляд на мир, изменение мировоззрения многих учёных сербов и русских быстро принесли конкретные негативные последствия в отношениях народа к власти

и отрицательно повлияли на сам ход истории наших народов. Сербия после освобождения от турецкого внешнего порабощения попадает в западное духовное рабство. Российское «чужебесие» порождает процесс разложения, который привёл к революциям 1917 года – Февральской, а затем и Октябрьской.

Взаимная промыслительная связь двух народов.

Одно из наиболее впечатляющих свидетельств (а таких в истории предостаточно) промыслительной связи наших народов – история иконы Матери Божьей Печской. По преданию, икону написал апостол Лука в Гефсимании, и края гроба Пресвятой Богородицы в 48 году по Рождеству Христову. В Царьград её привёз в V веке василевс Лев Мудрый, где сей образ и пребывал до конца IX века, пока не был отвезён в Крым, в Херсонес Таврический. Там икону встретил русский князь Владимир, будущий Креститель Руси, и пред этим образом и крестился.

Отмечается, что в X веке икона была в Великом Новгороде, а оттуда переправлена в Nikeю. Тут Константинопольский патриарх дарует этот образ святителю Савве Сербскому в качестве благословения хиротонии, и святой Савва доставляет икону в Сербию. После переноса Патриаршей резиденции в Печ эта чудотворная икона помещается там и получает своё нынешнее наречение – Печская икона Матери Божией. Таким образом Владимира Великого, Крестителя Руси, и святителя Савву, духовного всеотца православных сербов (а вместе с ними и наши народы), духовно породнила Сама Пречистая Дева.

Другой факт, о котором сербы никогда не смеют забывать, – это великая жертва святого царя Николая II. «Веро-

ятно, во всей истории мировой государственности нет примера бескорыстного самопожертвования подобного тому, который был явлен жертвой Царя-мученика, – напоминает святитель Николай (Велимирович). – Сербь не смеют забывать, что Царь-мученик без какой бы то ни было корысти для себя, прекрасно осознавая тяжесть возможных последствий для своей державы, народа и, в конце концов, самой короны и жизни собственной семьи, вступил в войну, чтобы защитить наш народ. Вступил в войну за Сербию, войну, в которой потерял и державу, и корону, и свою семью, и свою жизнь».

С особенной любовью и почитанием Сербский Златоуст сопоставлял жертвенность святого русского Царя-мученика Николая с жертвенностью святого сербского князя Лазаря.

«Совесть наша принуждает нас плакать тогда, когда плачут русские, и радоваться тогда, когда русские радуются. Велик наш долг перед Россией. Как человек может быть должником другому человеку, так и один народ может быть должен другому народу. Но долг, которым Россия обязала Сербию в 1914-м, столь огромен, что его невозможно вернуть ни веками, ни поколениями. Это – долг любви, которая с завязанными глазами идёт на смерть, спасая ближнего своего. Нет выше любви, как положить душу свою за други своя – это слова Христа. Русский Царь и русский народ, не подготавлившись, вступив в войну на защиту Сербии, не могли не знать, что идут на смерть. Но любовь русских к братьям своим не отступила перед опасностью и не испугалась смерти.

Смеем ли мы хоть когда-нибудь забыть то, что русский Царь с детьми своими и миллионами братьев своих пошёл на

смерть за правду сербского народа? Смей ли умолчать пред Небом и землёй, что наша свобода и государственность стоила России больше, чем нам самим? Мораль мировой войны – неясная, сомнительная и спорная с разных сторон – явилась в русской жертве с евангельской ясностью, несомненностью и неоспоримостью. А мотив самоотверженности, неотмирное моральное ощущение при жертвовании за другого – не в этом ли вхождение в Царствие Небесное?

Русские в наши дни повторили Косовскую драму. Если бы Царь Николай прилепился к царству земному, царству эгоистических мотивов и мелочных счетов, он бы, вероятнее всего, и до ныне восседал на своём престоле в Петрограде. Но он прилепился к Царству небесных жертв и евангельской морали. Из-за этого лишился головы и он сам, и его чада, и миллионы его собратьев. Ещё один Лазарь и ещё одно Косово! Эта новая косовская эпопея открывает новое моральное богатство славян.

Если кто-то на свете ещё способен понять это, то сербы могут и обязаны это понять.

<...> Блаженны вы, плачущие в эти дни с Россией, ибо будете вместе с ней утешены!

Блаженны вы, печалющиеся сейчас с Россией, ибо вскоре с нею возрадуетесь».

Эти слова святителя Николая должен помнить каждый серб, размышляющий о вхождении Сербии в НАТО. Это было бы величайшим позором в сербской истории, это было бы плевок на всё святое и достойное в роде нашем, это было бы предательством святой жертвы Царя-мученика, Спасителя Сербии.

Великий русский гений Ф.М. Достоевский с большой любовью писал о русско-

сербских отношениях. Здесь хотелось бы процитировать его слова, которые не устарели и до сих пор, о «двух Сербиях». Ибо всё, что проникнуто Евангельской любовью, не устаревает никогда.

«Нас, русских, со славянами не должно ничего разъединять. Есть две Сербии. Сербия высших слоёв – горячая и неопытная, которая ещё и не жила и не создала, но со своими партиями и интригами, которые порою раздуваются до таких размеров, которых нет и у более политически развитых и крупных наций.

Наряду с этой Сербией есть и Сербия народная, которая русских считает своими спасителями и братьями, а русского царя – своим солнцем, та Сербия, которая любит русских, которая верит им...».

Путь «возвращения к себе» сербов и русских, на который указывали упомянутые владыки, – это единственно возможный путь возрождения русского и сербского народов и их держав.

Судьбы у нас одинаковые, одна вера, схожие языки, а славянская христианская душа непрестанно плачет из-за «часа тьмы», когда сатанизированные люди распяли единственного истинного Человеколюбца. Нам Бог не дал копыя и мощи Святого Георгия Победоносца, чтобы укротить дракона, а дал нам задачу пробудить уснувшего витязя, который на свой государственный герб поместил Святого Георгия Победоносца, со смертоносным для дракона копьём в правой руке. Не опустимся же мы теперь, в конце, на колени, не совершив свою миссию, отпав от своих предков и потеряв смысл своего существования.

Слова Святого Владыки Николая: *«Не ошибитесь, став на сторону тех, кто кажется победителем, а кто на деле*

заранее побеждён. Станьте решительно с Тем, кто давным-давно сказал: «Я победил мир»; который, следовательно, был истинным пророком своих будущих побед и который заранее провозгласил Себя победителем во всякой борьбе и битве до конца времён. Не дайте обмануть себя тем, кто говорит: дарвинизм и христианство могут примириться. Что общего у лжи и Истины, у Вельзевула и Христа?».

А митр. Иоанн (Снычев) пишет так:

«Тогда же, когда мы сумеем добиться реабилитации духовного смысла российского бытия, осознания промыслительного содержания нашего прошлого и настоящего, когда будет закончена эта нравственно-религиозная «дезинфекция» современной идеологии российского возрождения – сбудется над Русью и пророчество святого псалмопевца-пророка: «Не приидет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнешь о камень ногу твою: на аспида и василиска наступиши, и попрещи льва и змия...» (Пс. 90:14-16).

Владыка Николай: «Искра будущего русского возрождения загорится в Сербии».

Именно так, как и пророчил святитель, Сербия высекла искру будущего русского перерождения. И действительно, когда казалось, будто Россия на коленях, дикая бомбардировка 1999 года разбудила великого русского медведя от зимней спячки. Ельцина сменил Путин – и наступила совсем иная эпоха. Остановлен процесс растаскивания русской державности, начат процесс собирания русских земель.

Цитируем святого владыку:

«Наступает время, братья мои, вот уже на пороге оно, когда грязью залитое, измождённое страданиями лицо русского народа просияет, как солнце, и осветит тех, кто сидит во тьме и сени смертной. И тогда все народы земные благодарно возгласят: «Русь наша, мученица наша, красно солнышко!», так же как и весь народ русский непрестанно и в этот день особенно возглашает: «Владимир Красно Солнышко!».

Два золотых века Сербии Неманичей – своеобразное предшествование и образец для Москвы – Третьего Рима.

Держава Неманичей, несомая крыльями благодати Божией и молитв свт. Саввы, была образцом обновлённой симфонии Церкви и государства.

Стоит здесь упомянуть то, на чём часто останавливаюсь в своих статьях, предназначенных для сербской читательской аудитории: исторические параллели и уроки, которые относятся к русским, почти во всех случаях относятся и к сербам.

Интересно, что в Архангельском соборе Московского Кремля находится икона святого Симеона Мироточиваго (отца свт. Саввы), самого святого Саввы и святого Лазаря. Эти иконы находятся в той части, которая относится к правящим предшественникам царя Ивана Грозного (в годы его правления храм был украшен фресками). В жилах Ивана IV Грозного была и сербская кровь, как со стороны его отца, так и со стороны матери.

Тем не менее, эти святые были восприняты царём Иоанном Васильевичем в качестве своих предшественников, по-видимому, не в силу причин генеалогического порядка, но по причинам духовного родства.

«Житие святого Саввы», составленное Феодосием, было хорошо известно в то время в церковных и государственных кругах России. И не будет нескромностью сказать, что наш духовный родитель и его величественная миссия – закладка основ устройства Святой Сербии эпохи Неманичей – стала моделью русского монархизма. Вот пример того, что воплотилось в идеалах Святой Руси.

Не будет преувеличением сказать, что модель правителя-монаха, воплощением которого был Стефан Неманя и его сын, являлись идеальными и для Царя Ивана IV. Опять же, не будет преувеличением сказать, что Завет св. Лазаря – взыскание прежде всего Царствия Небесного – был идеалом и для русского царя. Действительно, новое Косово и

новый Лазарь, по словам Святого Николая Сербского, явились именно в России.

«Святой Царь Николай, ради единоверного сербского народа, не колеблясь, взошёл на Голгофу вместе со своей семьёй и своим русским народом. Сознательно он прилепился к Царству небесных жертв и евангельской морали, а не к земному царству, как это когда-то сделал и наш благоверный князь Сербский Лазарь. Подвиг и трагедия царя Николая были огромны. Ещё один Лазарь и ещё одно Косово!»

Такова еще одна черта Промысла в великой миссии свт. Саввы – маленькая «Святая Сербия» была необходима как церковно-государственный идеал для великой Святой Руси. А позже великая Святая Русь была защитником и спасителем маленькой Сербии.

Послание Святейшего Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров по случаю первой годовщины октябрьской революции

От Святейшего Патриарха Тихона
Совету Народных Комиссаров.

«Все взявшие меч мечом погибнут»
(Матф. 26:52).

Это пророчество Спасителя обраща-
ем мы к вам, нынешние вершители судеб
нашего отечества, называющие себя
«народными» комиссарами. Целый год
держите вы в руках своих государствен-
ную власть и уже собираетесь праздно-
вать годовщину октябрьской револю-
ции, но реками пролитая кровь братьев
наших, безжалостно убитых по вашему
призыву, вопиет к Небу и вынуждает нас
сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ
довериться вам, какие обещания давали
вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине, вы дали ему камень вместо
хлеба и змею вместо рыбы (Матф. 7:9–10).
Народу, изнурённому кровопролитной
войной, вы обещали дать мир «без аннек-
сий и контрибуций».

От каких завоеваний могли отказаться
вы, приведшие Россию к позорному
миру, унижительные условия которого
даже вы сами не решались обнаружить

полностью? Вместо аннексий и контри-
буций великая наша родина завоёвана,
умалена, расчленена и в уплату нало-
женной на неё дани вы тайно вывозите
в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов всё, за что они
прежде доблестно сражались. Вы научили
их, недавно ещё храбрых и непобедимых,
оставить защиту родины, бежать с полей
сражения. Вы угасили в сердцах вооду-
шевлявшее их сознание, что «больше сия
любви никтоже имать, да кто душу свою
положит за други своя» (Иоан. 15:13). Оче-
чество вы подменили бездушным интер-
националом, хотя сами отлично знаете,
что, когда дело касается защиты отече-
ства, пролетарии всех стран являются
верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать родину от
внешних врагов, вы, однако, беспрерыв-
но набираете войска.

Против кого вы их ведёте?

Вы разделили весь народ на враж-
дующие между собою страны и ввергли
его в небывалое по жестокости братоу-
бийство. Любовь Христову вы открыто
заменяли ненавистью и, вместо мира,

искусно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порождённой вами войне, так вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключённый вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью часто без всякого следствия и суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чём-либо провинились, но и тех, которые даже пред вами заведомо ни в чём не виновны, а взяты лишь в качестве «заложников»; этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершённые лицами, не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждениям. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чём не повинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределённой контрреволюционности. Бесчеловечная жизнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения – напутствия Св. Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Но есть ли это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много претерпели от жестоких властей.

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братскою кровью, прикрываясь различными названиями контрибуций, реквизиций и национализаций, вы толкнули его на самый откры-

тый и беззащитный грабёж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот; грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом под именем «кулаков» стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив тёмный и невежественный народ возможностью лёгкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нём сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, – убийство, насилие, грабёж всегда останутся тяжкими и вопиющими к Небу об отщении грехами и преступлениями.

Великое благо – свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы и не дали; во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств и грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, переехать из города в город? Это ли свобода, когда семьи, а иногда население целых домов выселяются и имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и на разграбление. Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто своё мнение, без опасения попасть под

обвинение в контрреволюции. Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили свою кровию мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного обсуждения и обличения заглушён; печать, кроме узкобольшевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и её служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тамбовский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы закрыли доступ в Московский Кремль – это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины – приход, уничтожаете братства и другие церковно-благотворительные просветительные учреждения, разгоняете церковно-епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая учить в школах детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

«И что же ещё скажу. Не достанет мне времени» (Евр. 11:32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и

холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в деревнях. Всё это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя. Сбываются слова пророка: «Ноги их бегут ко злу и они спешат на пролитие невинной крови, мысли их – мысли нечестивыя, опустошения и гибель на стезях их» (Ис. 59:7).

Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения Нас в противлении власти: но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет то свидетельством справедливости наших обличений.

Не наше дело судить о земной власти! Всякая власть от Бога допущенная привлекла бы на себя Наше благословение, если бы воистину явилась «Божим слугою» на благо подчинённых и была «страшная не для добрых дел, а для злых» (Рим. 13:3). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключённых, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11:50–51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Матф. 26:52).

**Тихон, Патриарх Московский
и всея Руси. 13/26 октября 1918 г.**

Молитва святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея Руси

О пастырь наш добрый, святой великий Патриарх Тихон, как посланник небес явился ты – добрые дела твои и донныне сияют перед людьми. Знаем, что ты, предстоя перед престолом Пресвятой Троицы, имеешь великое дерзновение в молитвах перед Господом.

Возри и ныне на нас, грешных и недостойных чад твоих, к тебе, как имеющему великое дерзновение перед Творцом, ныне припадаем и усердно молимся: умоли Господа, да подаст нам решимость стяжать благочестие отцов наших, которое ты стяжал с юности.

Ты в жизни своей был ревностным защитником и хранителем истинной веры, помоги и нам незыблемо соблюсти веру православную. Тихая душа твоя много преуспела в божественном смиренномудрии, научи и нас разум наш питать не суетной мудростью человеческой, но смиренным познанием воли Божией. Ты перед лицом лютых врагов Христовых дерзновенно исповедовавший Истинного Бога, укрепи нас, малодушных, своею молитвою, чтобы мы всегда и всюду противостояли духу безбожия и лести.

О, угодник Божий, не отвергни нас, молящихся тебе, ибо не только просим избавления от бед и скорбей, но силы и твёрдости, великодушия и любви, чтобы перенести любые беды, случающиеся с нами. Испроси нам неослабевающее терпение даже до конца жизни нашей, мир с Господом и отпущение грехов.

Отец святой! Укроти в стране нашей ветры неверия и смуты, да водворит Господь на земле Российской тишину, благочестие и любовь нелицемерную. Молитвами твоими да сохранит её от междоусобных раздоров и укрепит Святую Церковь нашу православную, да не оскудеет она истинными пастырями, добрыми делателями, право правящими слово Евангельской истины. Упаси и заблудившихся овец стада Христова.

Наипаче же моли Господа, да возродится Русская Земля святым покаянием и единым сердцем и едиными устами прославит Дивного во святых Своих Бога в Троице прославляемого, Отца и Сына и Святого Духа во веки веков. Аминь.

Рыжов Константин –
*известный российский историк,
писатель, энциклопедист*

Три стихии русской революции

(Александр Колчак – Нестор Махно – Михаил Тухачевский)

Адмирал Колчак, батька Махно и маршал Тухачевский стали воплощением трёх стихий русской революции и трёх дорог, между которыми в муках и горестях приходилось нащупывать свой дальнейший путь русскому народу. Выбор по большому счёту был небогат: между красной диктатурой большевиков, белой диктатурой царских генералов и анархической крестьянской вольницей. Трагическая судьба всех троих – и адмирала, и маршала, и атамана – красноречиво свидетельствует о том, что ни одна из этих дорог не сулила России счастья.

АЛЕКСАНДР КОЛЧАК

Александр Васильевич Колчак родился в ноябре 1874 г. в селе Александровском Петербургской губернии. Отец его, в то время штабс-капитан, а впоследствии генерал-майор, был потомственным военным. В детстве Колчак получил хорошее домашнее образование. Окончив затем три класса гимназии, он в 1888 г. поступил в Морской кадетский

корпус, из которого вышел в 1894 г. в звании мичмана. В следующем году Колчак был назначен помощником вахтенного начальника на броненосец «Рюрик» и совершил на нём плавание из Петербурга во Владивосток. В 1896 г. его перевели вахтенным начальником на клипер «Крейсер», на котором он возвратился в Петербург. Колчак вспоминал позже о своей службе на «Рюрике» и «Крейсере»: «Это было первое моё плавание...

Главная задача была чисто строевая на корабле, но, кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами... У меня была мечта найти Южный полюс; но я так и не попал в плавание на Южный океан». Адмирал Цывинский, командовавший «Крейсером», вспоминал позже о мичмане Колчаке: «Это был необычайно способный и талантливый офицер, он обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений».

В 1898 г. Колчак был произведён в лейтенанты. В 1899 г., прибыв в Петербург, он попытался поступить к адмиралу Макарову на ледокол «Ермак», который должен был уйти через несколько дней в Ледовитый океан, но не успел с переводом и попал во внутреннее плавание на «Князе Пожарском». Однако он не терял надежды принять в конце концов участие в полярных исследованиях. Узнав, что барон Толль готовит высокоширотную экспедицию на китобойной яхте «Заря» (главной целью его был поиск легендарной Земли Санникова), Колчак обратился к академику Шмидту с просьбой принять его в экипаж. Ему предложили должность второго магнитолога с занятиями гидрологией. Чтобы подготовиться к возложенным на него обязанностям, Колчак попросил назначить его на работу в Главную физическую обсерваторию в Петербурге и Павловскую магнитную обсерваторию. Потом он уехал в Норвегию к Нансену для изучения новых методов магнитных измерений и для занятий гидрологией.

Экспедиция началась летом 1900 г. и продолжалась три года. Она была очень тяжёлой. Первую зимовку Толль провёл у острова Таймыр. Здесь Колчак проводил наблюдения над температурами и удельными весами поверхностного слоя морской воды, исследовал форму, состояние и толщину льда, участвовал в сборе ископаемых остатков млекопитающих. Осенью 1901 г. «Заря» подошла к мысу Челюскина. Толль и Колчак совершили

экспедицию на полуостров. За 41 день они в сильную пургу прошли 500 вёрст, причём Колчак постоянно вёл съёмку маршрута и магнитное наблюдение. Затем яхта по чистой воде двинулась к острову Беннета и начала поиски Земли Санникова к востоку от Новосибирского архипелага. На вторую зимовку экспедиция встала у западного берега острова Котельного в проливе Заря. Летом 1902 г. Толль с тремя спутниками, с собачьими упряжками и байдарками отправился на исследование острова Беннета. Из этой экспедиции он предполагал вернуться самостоятельно. Тем временем «Заря», не сумев пробиться сквозь льды на север, добралась до устья Лены. Отсюда Колчак с частью экипажа через Якутск и Иркутск приехал в Петербург.

Поскольку в установленный срок барон Толль не вернулся, Академия наук стала снаряжать отряды для его поиска. Колчак возглавил один из них. Весной 1903 г. он по суше добрался до устья Лены, где стояла брошенная «Заря», и взял с неё один из хороших китобойных вельботов. Вместе с 16 спутниками, на собаках, тащивших на нартах вельбот, он перешёл из устья Яны к острову Котельному, а летом на вельботе отправился к острову Беннета. Здесь Колчак нашёл покинутое зимовье Толля и письмо, свидетельствующее о гибели всего отряда. Экспедиция эта проходила в чрезвычайно тяжёлых условиях. Сам Колчак много раз находился на волосок от гибели. Однажды он чуть не утонул, провалившись в полынью. Но всё же он сумел добраться до Большой земли и доставил в столицу документы и геологические коллекции Толля. За мужество, проявленное в этой экспедиции, Колчак в 1903 г. был награждён орденом

Св. Владимира. В 1905 г. Русское географическое общество наградило его большой Константиновской золотой медалью, а в феврале 1906 г. он был избран членом этого общества. Один из островов Карского моря был назван именем Колчака (в конце 30-х гг. его переименовали в остров Расторгуева; однако и поныне небольшой островок в архипелаге Литке носит имя невесты Колчака – Софьи).

Начало русско-японской войны застало Колчака в Якутске. В срочной телеграмме в Академию наук в январе 1904 г. он попросил разрешения выехать в Тихоокеанскую эскадру и получил согласие. В марте он женился на Софье Омировой, сдал дела своему помощнику Ленину и отправился в Порт-Артур. Вице-адмирал Макаров сначала назначил Колчака вахтенным начальником на крейсер «Аскольд», потом перевёл на минный транспорт «Амур» и, наконец, сделал капитаном эсминца «Сердитый». Во время осады Порт-Артура этот эсминец совершил несколько смелых атак на японскую эскадру. Колчак был награждён орденом Св. Анны с надписью «За храбрость», золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Станислава с мечами за отличие. В ноябре 1904 г. его назначили командиром двух батарей на северо-восточном крыле обороны Порт-Артура. После капитуляции крепости, раненый, с тяжёлой формой суставного ревматизма, Колчак оказался в плену у японцев, которые, впрочем, обошлись с ним очень мягко. Вместе с другими ранеными Колчаку было разрешено через США возвратиться в Россию. В апреле 1905 г. он уже был в Петербурге.

После долгого лечения и отдыха на водах Колчак вернулся в распоряжение Академии наук. До января 1906 г. он

обрабатывал материалы полярной экспедиции и составил краткое описание плавания яхты «Заря». Когда было образовано Управление Морского Генштаба, Колчак занял в нём должность начальника статистического отдела, а потом отдела по разработке стратегических идей защиты Балтики. Одновременно он читал лекции в Морской академии и занимался научной деятельностью. В 1909 г. увидела свет его самая важная работа «Лёд Карского и Сибирского морей», которая в дальнейшем на протяжении многих лет считалась важным пособием для любого полярника.

Колчак мечтал совершить ещё одну полярную экспедицию. В 1909 г. при его непосредственном участии строились ледокольные транспорты «Таймыр» и «Вайгач», перед которыми была поставлена задача пройти Северным морским путём из Владивостока до Мурманска. Колчак был назначен капитаном «Вайгача». Осенью корабли отправились в плавание из Петербурга вокруг Европы и Азии в Тихий океан. Однако принять участие в полярном плавании Колчаку на этот раз не довелось. Летом 1910 г., когда суда прибыли во Владивосток, его срочно отозвали в столицу для разработки судостроительной программы. Вплоть до весны 1912 г. он занимался в Генштабе её детализацией.

В 1912 г. Колчак вернулся в действующий флот. В апреле его назначили командиром эсминца «Уссуриец», а через год перевели на миноносец «Пограничник». В декабре 1913 г. Колчак был произведён в капитаны 1-го ранга.

После начала Первой мировой войны он вновь сумел отличиться. В феврале 1915 г. четыре подчинённых ему миноносца произвели минирование моря у Данцига. На этих минах подорва-

лись 23 германских корабля, в том числе 4 крейсера и 8 миноносцев. За эту и другие операции Колчак был награждён орденом Св. Георгия. Карьера его стремительно развивалась. В июне 1916 г. он был произведён в контр-адмиралы, а через несколько месяцев назначен командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы. Явившись в Севастополь, Колчак сразу проявил себя энергичным командующим.

Он немедленно вышел в море и напал на германский крейсер «Бреслау», который был принуждён спасаться бегством. После этого начались работы по минированию прибрежных вод. Через месяц Колчак докладывал о результатах своего пребывания в должности командующего: «С первых дней... я принялся за приведение в порядок дел по минам заграждения, имея в виду постановку заграждения у Босфора... Делу этому в Чёрном море, видимо, не придавали серьёзного значения... 10 дней тренировки и переборки мин наладили это дело, и новыми миноносцами была выполнена задача постановки заграждения в непосредственной близости Босфорских укреплений».

Известие о Февральской революции Колчак воспринял сдержанно. Некоторое время, несмотря на разлагающее влияние революционной пропаганды, ему удавалось сохранять дисциплину на флоте. Образованный вскоре ЦИК Совета депутатов флота стал подчиняться непосредственно Колчаку. Но такое положение не могло сохраняться долго. Первое серьёзное столкновение между адмиралом и Советом произошло в мае 1917 г., когда один из миноносцев отказался выйти в море для постановки мин. В июне матросы, не доверявшие офицерам, потребовали, чтобы те сдали ору-

жие. (Колчак вместе со всеми сдал свой кортик. Когда ему попытались вернуть его оружие, он выбросил его в море.) В это время в Севастополе находилась миссия американского сенатора Рута. Познакомившись с Колчаком, тот предложил ему принять участие в военных операциях американского флота у Дарданелл. Колчак согласился. Он видел, что русский флот быстро теряет боеспособность и уже не способен к серьёзным операциям. «Если мне нет места здесь во время великой войны, – писал он, – то я хочу служить Родине своей так, как я могу, то есть принимая участие в войне, а не в пошлой болтовне, которой все заняты». В июне он передал полномочия командующего флотом контр-адмиралу Лукину и уехал в Петроград, а в начале августа во главе миссии из шести офицеров через Норвегию и Англию отправился в США. В Вашингтоне он вскоре понял, что ни о каких военных операциях американского флота в Средиземном и Чёрном морях речи пока нет. В Сан-Франциско он узнал об Октябрьской революции и поспешил обратно на родину.

Когда в ноябре Колчак приплыл в Японию, до него дошли известия о намерении Советского правительства заключить сепаратный мир с Германией. Эта новость его потрясла, и он решил не возвращаться пока в охваченную революцией Россию. В автобиографии он позже писал: «Ни большевистского правительства, ни Брестского мира я признать не мог». Колчак обратился к английскому послу с просьбой принять его на английскую службу. В конце декабря из Лондона пришло согласие и приказ о назначении Колчака командующим на Месопотамский фронт. Однако он успел доехать только до Сингапура. Здесь ему вручили

новое назначение английского правительства, которое хотело использовать Колчака для работы в Маньчжурии и Сибири. Колчак приехал в Пекин и здесь был избран членом нового правления КВЖД. Но эта работа его не удовлетворяла. Летом он решил ехать во Владивосток, а затем через Сибирь пробираться на юг России, чтобы примкнуть там к разгромившемуся белому движению.

Ещё в мае 1918 г. вспыхнул чехословацкий мятеж, в результате которого советская власть была свергнута на всём протяжении Сибирской магистрали – от Владивостока до Поволжья. Здесь образовалось несколько местных правительств самого разного толка. В Самаре действовал Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). В Екатеринбурге возникло Уральское правительство. Однако наиболее влиятельным органом стало правительство в Омске, во главе которого стоял известный сибирский адвокат Пётр Вологодский.

Именно оно претендовало на то, чтобы стать руководящим органом в масштабах всей Сибири, Дальнего Востока, Урала и Поволжья. 23 сентября при активном участии омских политиков в Уфе было провозглашено Временное Всероссийское правительство – Уфимская директория (вскоре переехавшая в Омск). Во главе неё, кроме Вологодского, встали правый эсер Авксентьев, кадет Астров и генерал Болдырев. При этом Омское правительство было реорганизовано в Совет министров.

С созданием Директории белое движение на востоке России всё ещё оставалось разрозненным. Демократическая по форме Директория не имела опоры в армии. Среди офицеров и генералов было распространено убеждение, что только «твёрдая», единоличная власть

может спасти Россию. Однако подходящей кандидатуры на роль диктатора долго не находилось. Когда в октябре в Омске по дороге на юг остановился Колчак, все взоры сразу обратились на него. Он был крупной личностью общероссийского масштаба, и участие его в правительстве должно было сразу поднять престиж последнего. Генерал Болдырев предложил Колчаку занять пост военного и морского министра. После некоторого колебания тот согласился.

Омские директора надеялись обрести в лице Колчака надёжного генерала, который укрепил бы в войсках престиж гражданской власти. Однако, как и их парижские собратья за сто лет до этого, рассчитывавшие найти опору в генерале Бонапарте, они сильно просчитались. Фактически сразу после появления Колчака в Омске началась подготовка военного переворота в его пользу.

Колчак официально в нём не участвовал, хотя знал о заговоре. «Об этом перевороте, – говорил он позже, – слухи носились; частным образом мне морские офицеры говорили, но день и время никто фиксировать не мог». В ночь на 18 ноября заговорщики (в их число входил чуть ли не весь состав Ставки и штаб) при поддержке верных казачьих частей арестовали членов Директории и нескольких министров (большая часть министров также состояла в заговоре), а затем провозгласили вице-адмирала Колчака полным адмиралом и Верховным правителем с передачей ему всей полноты власти. Колчак принял диктаторские полномочия спокойно, сознавая огромный груз сопряжённой с ними ответственности. О своей политической программе он заявил следующее: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибель-

ному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашённые по всему миру». Генералитет, армия и уральское казачество сразу признали власть нового Верховного правителя. Напротив, правительства в Екатеринбург и Уфе протестовали против факта переворота и потому были разогнаны. Атаман Забайкальского казачьего войска Семёнов и атаман Уссурийского казачества Калмыков также долго отказывались признавать власть Колчака и подчинились ему лишь номинально. Их крупные воинские формирования так и не появились в Поволжье и на Урале.

История предоставила Колчаку редкую возможность повлиять на ход исторических событий в огромной стране. На короткий срок под его властью объединилась большая часть бывшей Российской империи. Вследствие этого, кроме военных, ему приходилось решать немало сложных политических и экономических вопросов. Однако, рассматривая с этой стороны деятельность Верховного правителя, нужно помнить, что она протекала в условиях ожесточённой Гражданской войны, которая не оставляла места для социальных манёвров. Все обещанные демократические преобразования были оставлены «до победы». «Только уничтожение большевизма может создать условия спокойной жизни, о чём так страдалась русская земля, – писал Колчак, – только после выполнения этой тяжёлой задачи мы все сможем снова подумать о правильном устройстве всей

нашей державной государственности». С первых дней своей власти и до самого конца Колчак правил как жёсткий диктатор.

Командующим военными округами было предоставлено право объявлять местности на осадном положении, закрывать оппозиционные газеты и выносить смертные приговоры. Национализированные при советской власти фабрики и заводы возвращались прежним владельцам. Точно так же подлежали возвращению земли, незаконно отобранные у хуторян и отрубников. Не вернулись обратно прежним хозяевам только помещичьи имения (таковых в Сибири было сравнительно немного). Они переходили в распоряжение государства и в дальнейшем подлежали продаже даже через земельный банк.

В распоряжении Колчака оказался и вывезенный во время войны на восток золотой запас России – более 65 миллионов золотых рублей. Примерно треть этой суммы ему пришлось потратить на вооружение и снаряжение своей армии. К лету 1919 г. он получил от западных союзников около 600 тысяч винтовок и миллионы патронов к ним, сотни орудий, тысячи пулемётов, большое количество боеприпасов, снаряжения и обмундирования. За всё это пришлось уплатить золотом. Помощь Англии, Франции и США Колчаку была далеко не безвозмездной. Но и обойтись без неё было невозможно. К началу 1919 г. численность подчинённых Колчаку войск доходила до 400 тысяч человек. Они были реорганизованы в четыре армии: Сибирскую генерала Гайды, Западную генерала Ханжина, Оренбургскую атамана Дутова и Уральскую генерала Толстова. Общая протяжённость колчаковского фронта составляла 1400 км.

Военные действия против советской власти Колчак начал сразу после переворота. Зимой его войска перешли в наступление на Пермь, Вятку и Вологду, имея своей целью установить связь с северным белогвардейским фронтом Миллера. В декабре под контроль колчаковцев перешла Пермь. Но успех на правом фланге не был подкреплён на других участках фронта. В январе 1919 г. красные перехватили инициативу, взяли Уфу, Уральск и Оренбург. После этого положение на фронте стабилизировалось.

В марте началось новое наступление. На этот раз Колчак нанёс главный удар на центральном направлении под Уфой – навстречу Деникину, который теснил красных с запада. Правый фланг колчаковской армии наступал на Котлас, а центр двигался к Волге, на соединение под Саратовом с правым крылом войск Деникина. В конце марта Колчак вернул себе Уфу. 6 апреля колчаковцы взяли Белебей, 15 апреля – Бугуруслан, а в мае подошли к Самаре и Казани. Победы Верховного правителя казались настолько ощутимыми, что в мае его главенство признали остальные белогвардейские генералы: Деникин, Юденич и Миллер.

Но успех колчаковцев оказался очень непродолжительным. 1 мая под влиянием большевиков только что прибывший Украинский полк поднял восстание южнее станции Сарай-Гир. К нему немедленно присоединились солдаты ещё четырёх полков и егерского батальона. Несколько тысяч солдат с оружием, артиллерией и обозами перешли на сторону красных и усилили их ударную группировку. Этот неожиданный мятеж деморализовал солдат соседних дивизий. Когда красные перешли в наступление, две дивизии Колчака, бросив пози-

ции, стали беспорядочно отступать. В боевом порядке белых возникла огромная брешь, в которую ринулась красная конница, а за ней и пехота. У Колчака, не ожидавшего такого поворота событий, не оказалось под рукой достаточно крупных резервов. Закрыть брешь не удалось. Пришлось срочно прекратить наступление и отводить всю Западную армию с тем, чтобы закрепиться на новом рубеже. Сибирская армия Гайды тоже вынуждена была начать отступление, чтобы не оказаться в изоляции от Западной. В начале июня белые оставили Уфу.

Таким образом, в мае-июне две самые сильные армии Колчака – Западная и Сибирская – были разбиты и отброшены от Камы на 300–400 км.

Начался быстрый распад вооружённых сил, возросло количество дезертиров и перебежчиков. В тылу развернулось мощное партизанское движение. В июле 1919 г. красные взяли Екатеринбург, в августе – Челябинск. В октябре колчаковцы проиграли большое сражение под Тобольском. Белому делу в Сибири был нанесён смертельный удар. С этого времени белогвардейцы отступали, не оказывая сопротивления. 15 ноября красные взяли Омск, откуда Колчак уехал за три дня до этого. 27 декабря он с трудом добрался до Нижне-Удинска. Вся Сибирская магистраль была забита отступающими составами. Армии к этому времени уже не существовало. Стояли лютые морозы. Солдаты и офицеры, обезумевшие от обморожений, тифа, голода и безысходности, превратились в неуправляемое стадо.

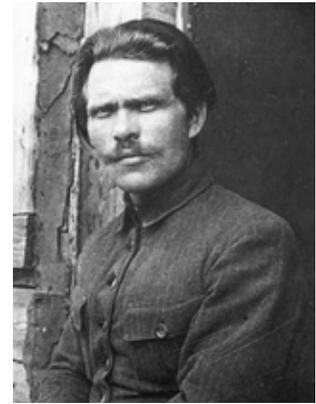
Сознавая это, Колчак 4 января 1920 г. подписал указ о назначении атамана Семёнова главнокомандующим войсками Дальнего Востока. Через два дня он сложил с себя звание Верховного пра-

вителя и передал его Деникину. После этого он фактически превратился в частное лицо, не имевшее никакого влияния. Охрану адмиральского поезда взяли на себя чехи, с самого начала замышлявшие измену. 15 января они передали Колчака эсеро-меньшевистскому Политическому центру, захватившему к этому времени власть в Иркутске. Колчак и последний глава его правительства Пепеляев были заключены в губернскую иркутскую тюрьму, которая и стала их последним пристанищем. Эсеры и меньшевики собирались устроить над Колчаком официальный судебный процесс и приступили к основательным допросам. Но 21 января обстановка изменилась – Политцентр должен был передать власть в городе большевистскому ВРК. С точки зрения большевиков, никакого судебного процесса для того, чтобы решить судьбу бывшего Верховного правителя, не требовалось, ведь ещё задолго до этого он был объявлен советской властью вне закона. 6 февраля ВРК постановил его расстрелять. На другой день на берегу реки Ушаковки при впадении её в Ангару приговор был приведён в исполнение. Труп Колчака и расстрелянного вместе с ним генерала Пепеляева сбросили в прорубь.

НЕСТОР МАХНО

Нестор Иванович Махно родился в октябре 1888 г. в селе Гуляйполе Екатеринославской губернии. Отец его, бывший крепостной крестьянин, служил кучером. Он умер, когда сыну не исполнилось ещё года. Детство Махно было омрачено сильнейшей нуждой. В двенадцать лет он закончил четвёртый класс 2-й гуляйпольской начальной школы, после чего началась его трудовая жизнь.

«Летом, – вспоминал Махно, – я нанимался к богатым хуторянам пасти овец или телят. Во время молотбы гонял у помещиков в арбах волов, получая по двадцать пять копеек в день». Из-за своего сумрачного неуживчивого характера ему то и дело приходилось менять место работы – он служил и в столярных мастерских, и на товарном дворе местной станции, и в ближайшем трактире, и наборщиком в типографии. В 1903 г. он поступил чернорабочим на местный чугунолитейный завод Кернера.

Переломным в судьбе Махно стал 1905 г. В Гуляйполе, которое было крупным промышленным селом, начались забастовки, появились листовки, начали агитацию подпольщики. Особенное влияние на умы местного населения и Махно в особенности оказала анархистская организация «Союз бедных хлеборобов». Проповедуемые ею идеи: полное безвластие, передача земли тем, кто её обрабатывает, ликвидация частной собственности, беспощадная борьба с эксплуататорами – нашли отклик в душе Махно и его односельчан. В октябре 1906 г. Махно вступил в «Союз» и вскоре сделался одним из активных его членов – принимал участие в ограблении местных торговцев и промышленников, а также в налётах на помещичьи усадьбы.

Летом 1907 г. Махно арестовали. Следствие по его делу продолжалось три года. В начале 1910 г. гуляйпольских анархистов (которые все к этому времени оказались за решёткой) перевели

в Екатеринославскую тюрьму. В марте военно-полевой суд приговорил Махно к смертной казни, заменённой через два месяца на бессрочную каторгу. В августе 1911 г. его перевезли в Москву, в Бутырскую тюрьму, где он провёл шесть следующих лет. В тюрьме Махно усиленно занимался самообразованием: изучал математику, литературу, историю, экономику. Волею судьбы его сокамерником стал известный русский анархист Пётр Аршинов, оказавший огромное влияние на формирование политических взглядов Махно. Впрочем, тюрьма была для него не только школой. Махно подхватил здесь туберкулёз. В тюремной больнице ему сделали сложнейшую операцию по удалению одного лёгкого. Врачи не надеялись, что больной выздоровеет, но молодость взяла своё – Махно поправился.

Свободу Махно принесла Февральская революция. В Гуляйполе, куда он вернулся в конце марта, к нему отнеслись с огромным вниманием. В глазах односельчан он имел несомненный авторитет как человек, пострадавший за мужицкие идеалы. Ему устроили поистине торжественную встречу с приветственными речами, с подношением памятных подарков и букетов цветов.

Каждый гуляйполец считал своим долгом лично засвидетельствовать почтение знаменитому земляку. Паломничество в его дом не прекращалось ни днём, ни ночью. 29 марта он был избран председателем Гуляйпольского крестьянского союза (в августе реорганизованного в местный Совет рабочих и крестьянских депутатов). В короткий срок Махно обзавёлся единомышленниками и вскоре имел в своём распоряжении отряд из полусотни вооружённых односельчан. С их помощью он устано-

вил в Гуляйполе, по сути дела, личную диктатуру и стал жестоко преследовать местных богатеев, в особенности помещиков. Вскоре слава о нём распространилась далеко за пределы родного села. Объединив своих людей с отрядом известной анархистки Маруси Никифоровой, Махно устраивал налёты на идущие с фронта поезда. Разоружив солдат, повстанцы отпускали их на все четыре стороны, а офицеров расстреливали. Гуляйпольский район превратился в настоящее карликовое государство, в котором Махно имел непререкаемый авторитет. Уже в августе 1917 г. он объявил о ликвидации здесь помещичьего землевладения. Вся земля была поделена между крестьянами. Рабочим была значительно поднята зарплата.

К Октябрьской революции Махно отнёсся положительно. Но вскоре вслед за ней последовало провозглашение Центральной Рады и отделение Украины от России. Рада опиралась на казачество, с которым у гуляйпольских крестьян были старые счёты ещё со времён 1905 г. Поэтому отношение к украинским националистам в ставке Махно оставалось настороженно-враждебным, особенно после того, как весной 1918 г. те пригласили на Украину германские войска. В конце апреля власть на Украине перешла к гетману Скоропадскому.

Тогда же немцы и гайдамаки заняли Гуляйполе. Нестору Ивановичу удалось скрыться, но гетманцы расстреляли его брата Емельяна и сожгли дом братьев Махно. Не имея пока сил для борьбы, Махно отправился устанавливать связи с анархистскими организациями: побывал в Ростове-на-Дону, Таганроге, Астрахани, Саратове, Царицыне, а в июне добрался до Москвы. Здесь он нашёл своего «бутырского наставника» Аршинова, который

свёл его с другими видными анархистами: Кропоткиным, Чёрным, Боровым и Гроссманом. Однако все эти встречи убедили Махно только в одном: вожди анархизма не спешат в крестьянские массы, а предпочитают отсиживаться в столице. «Фактически не было людей, – писал он позже, – которые взялись бы за дело нашего движения и понесли бы его тяжесть до конца». Были в это время и другие встречи.

Махно приняли председатель ВЦИК Свердлов и председатель Совнаркома Ленин. Большевистские лидеры отнеслись к нему очень благожелательно и обещали помочь в организации партизанской борьбы против немцев.

В июле Махно скрытно вернулся в Гуляйполе. К этому времени озлобление крестьян против Скоропадского и его германских союзников успело достичь необходимого градуса. Едва прошёл слух о возвращении Махно, как к нему со всех сторон стали собираться добровольцы. Началась партизанская война. В первых операциях Махно не было ничего героического, скорее они напоминали его прошлые бандитские налёты образца 1906 г.: повстанцы нападали на помещичьи имения, разоружали небольшие гарнизоны, ограбили банк в местечке Жеребец. Но постепенно предприятия их делались всё более дерзкими. В этой войне вырос и окреп талант Махно как военного руководителя. Он был смел, расчётлив, постоянно изобретал разные хитрости. Любовь и уважение к нему крестьянства росли с каждым днем, повстанцы стекались со всей округи, и силы Махно росли. В октябре он отбил у гетманцев Гуляйполе, которое стало с этих пор его ставкой. К этому времени под его началом было более 20 тысяч повстанцев.

После ноябрьской революции 1918 г. в Германии немцы стали быстро поки-

дать Украину. Вместе с ними уехал гетман Скоропадский. О своих претензиях на власть заявила Директория во главе с «головным атаманом» Симоном Петлюрой. Отношения с ним у Махно были не лучше, чем с прежней властью. Уже в декабре между махновцами, которые контролировали к этому времени весь Александровский уезд, и петлюровцами начались военные столкновения. Из ненависти к Директории Махно пошёл даже на союз с большевистским подпольем в Екатеринославе. 27 декабря в городе вспыхнуло восстание. Махновцы с ходу овладели вокзалом и железнодорожным мостом. Завязался ожесточённый уличный бой. Через два дня город был взят. Повстанцы бросились его грабить. Но 31 декабря, собравшись с силами, петлюровцы перешли в контрнаступление и выбили их из Екатеринослава. Понеся огромные потери, Махно вернулся в Гуляйполе.

В конце января 1919 г. к Екатеринославу подступили части Красной Армии во главе с Дыбенко. Махно заключил с ним союз и договорился о совместных действиях. (Это было необходимо, так как надвигался враг более грозный, чем петлюровцы, – Добровольческая армия Деникина.) Повстанческие отряды Махно вошли при этом в состав Красной армии, но сохранили полную внутреннюю автономию. (Позже они составили 3-ю бригаду в составе 1-й Заднепровской дивизии Дыбенко.) Уже через несколько дней махновцы вступили в затяжные бои с белогвардейцами. Гуляйполе несколько раз переходило из рук в руки. Получив от Дыбенко бронепоезд, Махно не только удержал родное село, но и выбил деникинцев из Александровска. В марте, развивая наступление, он после тяжёлого боя взял Мариуполь. За

эту операцию его наградили орденом Красного Знамени. В мае он участвовал в наступлении на Донбасс, взял станцию Кутейниково и вышел в тыл белым.

Впрочем, даже в период тесного сотрудничества с большевиками Махно ни в коей мере не разделял их идеи. Он призывал повстанцев бороться против монополизации Советов коммунистами и против «партийного ига большевиков над пострадавшим трудовым народом». В одном из своих выступлений он говорил: «Если товарищи большевики идут из Великодержавии на Украину помочь нам в тяжёлой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать: «Добро пожаловать, дорогие друзья!» Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину – мы им скажем: «Руки прочь!» Мы сами сможем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сумеем устроить себе новую жизнь, где не будет ни панов, ни рабов, ни угнетённых, ни угнетателей». 10 апреля, сразу после кровопролитных боёв за Мариуполь, в Гуляйполе состоялся крестьянский съезд, в котором участвовали делегаты четырёх уездов Екатеринославской губернии. Выступавшие резко критиковали аграрную и продовольственную политику большевиков, требовали свободной торговли, протестовали против системы назначения (сам Махно признавал только выборную систему, все командиры в его бригаде были выборными), настоятельно требовали свободы печати, слова, собраний для всех политических партий. Никакой продрозвёрстки на контролируемой им территории Махно не допускал. Этого вольнодумства ему не простили. Постепенно между органами ВЧК и Махно нарастало напряжение. Командарм

2-й Украинской армии Скачко писал в мае в Реввоенсовет Республики о ненормальном положении, которое складывается на фронте: «Мелкие чрезвычайки ведут усиленную кампанию против махновцев, и в то время, когда те проливают кровь, в тылу их ловят и преследуют за одну только принадлежность к махновским войскам. Так дальше продолжаться не может: работа местных чрезвычайок определённо проваливает фронт и сводит на нет все военно-оперативные успехи, создавая такую контрреволюцию, какой ни Деникин, ни Краснов создать не могут».

В середине мая Деникин перешёл в наступление и прорвал оборону красных. Несколько дней махновская бригада, неся огромные потери, отражала жестокие атаки белогвардейцев, но удержать фронт не смогла. Началось быстрое отступление. Вместо того, чтобы помочь Махно, советское правительство обвинило его в предательстве. На него была возложена вся ответственность за прорыв линии фронта Деникиным. В начале июня появилась статья Троцкого «Долой махновщину!», в которой он охарактеризовал армию Махно как худший вид партизанщины. Оскорблённый этими нападками и травлей, Махно 9 июня объявил, что перестает подчиняться приказам Реввоенсовета и выходит из Красной армии. В ответ ВЧК 14-й армии разоружила несколько махновских отрядов и расстреляла семерых его штабных работников. Сам Махно был объявлен вне закона. Многие армейские начальники (в том числе Дыбенко и командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко, лично знавшие Махно) откровенно писали позже, что с Махно поступили несправедливо. Его части прекрасно дрались против белогвардейцев и отступили толь-

ко потому, что им не оказали поддержки. Представитель Наркоминдела РСФСР на Украине Гопнер писал в докладной записке к наркому Чичерину: «Вспомним, какой громадный фронт держала армия Махно, вспомним многочисленные отзывы беспристрастных работников-коммунистов о том, с каким самоотвержением махновцы дрались по всему фронту, и в частности против казаков.

Мариуполь и Волноваха три или четыре раза брались ими. Лучшие махновские отряды с отчаянием отстаивали эту линию, выполняя все боевые приказы, отступая перед давлением противника лишь шаг за шагом, пока не были почти полностью истреблены. И это тогда, когда Деникин, не встречая сопротивления разбежавшихся частей Красной армии, продвигался к Харькову, когда нередко командный состав красных частей и подразделений и даже красные комиссары массами переходили на сторону белых. Махновская армия, специально лишаемая необходимых боеприпасов и подкрепления, оставалась единственной сражающейся единицей...»

Но как бы то ни было, разрыв произошёл. Махно объединился с поднявшим мятеж против красных атаманом Григорьевым и поначалу действовал вместе с ним. Но в конце июля, когда стало известно о тайной связи Григорьева с Деникиным, Махно велел его расстрелять. Отпав от красных, он не собирался мириться с белыми. В одном из своих приказов он писал: «Задачей нашей революционной армии и каждого повстанца, в неё вступившего, является честная борьба за полное освобождение трудящихся Украины от всякого порабощения... Каждый революционер-повстанец должен помнить, что как его личные, так и всенародные враги являются лицами богатого буржуазного класса...

Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет буржуазную несправедливость порабощения, то есть советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайные комиссары, разъезжающие по городам и сёлам и истязующие трудовой народ, не желающий подчиняться их продовольственной диктатуре...».

Деникинская армия наступала, преследуя разбитые части Красной армии.

В тылу у неё остались разрозненные отряды Махновской армии. В конце лета начался приток в них крестьян, для которых порядки, устанавливаемые белыми, оказались несколько не лучше тех, что были при красных. Численность махновской армии вскоре возросла до 40 тысяч человек (в том числе 10 тысяч всадников). Она делилась на четыре корпуса и имела на вооружении более тысячи пулемётов и двадцать орудий. Штаб армии состоял из двух отделов – оперативного и административного. Первый отвечал за разработку планов и проведение военных операций, второй – за организацию и жизнеобеспечение частей и подразделений. Махно нанёс белогвардейцам несколько чувствительных поражений. В сентябре он разбил деникинцев у села Крутенького и местечка Перегоновка. (Тут были уничтожены четыре белогвардейских полка, более пяти тысяч солдат сдалось в плен). Затем повстанцы предприняли рейд по деникинским тылам от Умани до Александровска (сам город был взят 5 октября). Потом были освобождены Гуляйполе, Бердянск, Мариуполь и Никополь, а также станции Синельниково и Лозовая. Для борьбы с повстанцами Деникин был вынужден перебросить с фронта свои отборные части – корпус генерала Слащёва и часть конницы Шкуро.

Весь октябрь шли ожесточённые бои, однако выбить махновцев из захваченных ими городов белогвардейцы так и не смогли. Слащёв писал: «Операции против Махно были чрезвычайно трудными. Особенно хорошо действовала конница Махно... Вообще же Махновские войска отличались от большевиков своей исключительной боеспособностью и стойкостью». 26 октября Махно предпринял дерзкий налёт на Екатеринослав. Бои продолжались почти две недели, и к 9 ноября губернский центр полностью перешёл под его власть.

Махно объявил его «вольным безвластным городом», одновременно наложив на его жителей 50-миллионную контрибуцию. Из банков изъяли всю наличность. (Часть этих денег потратили на раздачу неимущим.) Все органы власти были распущены, объявлена полная свобода слова. Наряду с анархистскими выходили газеты левых и правых эсеров, меньшевиков и большевиков. Однако на фоне этих демократических свобод и анархистской вольницы ежедневно проходили расстрелы. Репрессиям подвергались не только бывшие денкикинские офицеры, их близкие родственники и заподозренные в сношениях с белыми, но и простые обыватели, часто по пустячному доносу. Немало арестованных Махно расстрелял собственноручно.

В начале декабря белые стянули к Екатеринославу значительные силы и 8 декабря отбили его обратно. Но к этому времени дни Деникина уже были сочтены. Его армия, разбитая под Орлом, быстро откатывалась назад в Украину. В начале января 1920 г. в занятый махновцами Александровск вошли передовые части красноармейцев. Несколько дней шли переговоры с их руководством.

Махно был не прочь вновь влиться в состав Красной армии при условии, что он сохранит свою автономию и контроль над Екатеринославской и Таврической губерниями. Понятно, что принять такие требования красные не могли. 9 января Всеукраинский революционный комитет объявил Махно и его ближайшее окружение вне закона. В тот же день 41-я дивизия красных внезапно напала на махновцев в Александровске и с большими потерями выбила их из города (в бою попал в плен и был расстрелян брат Махно Григорий). 19 января Махно заболел тифом. Пронёсся слух о его смерти. Изрядно потрёпанная Повстанческая армия распалась.

Больного Махно доставили на хутор Белый, неподалёку от Гуляйполя. В течение месяца жизнь его висела на волоске. Наконец болезнь отступила.

Едва оправившись, Махно разослал во все стороны гонцов. Узнав, что «батяка» жив, к нему вновь стали стекаться повстанцы. Опять начались стычки с небольшими отрядами красноармейцев, продотрядниками, чекистами и местной милицией. Несколько раз Махно захватывал Гуляйполе. Уклоняясь от серьёзных сражений (сил было пока мало), он гонялся за карательными отрядами красных и безжалостно казнил всех пленных. В конце апреля в Гуляйпольский район прибыла 14-я кавалерийская дивизия Пархоменко, которая нанесла повстанцам несколько тяжёлых поражений. Газеты поспешили объявить, что с «махновщиной» покончено. Но они поторопились – Махно продолжал борьбу. Жестокий террор, продрозвёрстка и грабежи красных в немалой степени способствовали его усилению. 12 мая Махно отбил у Пархоменко Гуляйполе,

причём на его сторону перешло восемьсот красноармейцев. На другой день красные взяли реванш у Новоуспеновки, перебив в большом сражении около двух тысяч махновцев. Впрочем, это поражение несколько не обескуражило «батьку» – уже через неделю потери были восполнены за счёт новых добровольцев. В начале июня в армии насчитывалось до пяти тысяч человек.

В это время красным было уже не до Махно – они терпели поражение за поражением от наступавшей армии Врангеля. В конце июня белые, заняв Бердянск, Мелитополь и Фёдоровку, подошли вплотную к контролируемой Махно территории. Часть повстанцев перешла на их сторону, но сам Махно ни на какие переговоры с Врангелем не пошёл. В конце сентября он обратился к большевистским властям с заявлением, что прекращает боевые действия против красных и предлагает им объединить силы для борьбы с Врангелем.

Политбюро ЦК КП(б) Украины ввиду тяжести положения согласилось на союз с Махно. Далеко не все повстанцы приветствовали такой поворот событий. В октябре из армии Махно ушло около 12 тысяч солдат, не желавших ни при каких обстоятельствах мира с большевиками. 18 октября белые после жестокого боя взяли Гуляйполе, но на другой день отступили. Через пять дней Махно при поддержке 23-й красной дивизии взял Александровск. 30 октября у врангелевцев был отбит Мелитополь. 6 ноября Махно было поручено ударить в тыл сильно укреплённых позиций врангелевцев на Перекопском перешейке и затем развивать наступление в направлении Симферополя. В ночь на 8 ноября махновцы в составе ударной группы 6-й армии при одиннадцатигра-

дусном морозе вошли в Сиваш, кипящий от разрывов неприятельских снарядов, и форсировали семикилометровую водную преграду. Более полутора тысяч повстанцев приняли участие в захвате Литовского полуострова. На другой день сопротивление врангелевцев было окончательно сломлено, а через неделю весь Крым был уже в руках красных.

Однако союз Махно с красными не мог продолжаться долго. 23 ноября ему было предложено реформировать свои повстанческие отряды в регулярные части Красной армии и выступить в поход на Кавказ. Махно отказался выполнить этот приказ и 26 ноября был объявлен вместе со всеми своими повстанцами врагом Советской республики. Против махновцев двинули 60-тысячную армию. Она окружила Гуляйполе, но основным силам махновцев удалось прорваться через позиции красноармейцев. Вновь началась тяжёлая партизанская борьба. Махно бился дерзко и отчаянно, появляясь то здесь, то там. Через несколько дней после отступления из родного села он наголову разгромил в селе Комарь отдельную Киргизскую кавбригаду. В начале декабря он напал на два полка, расквартированные в Гуляйполе, и после упорного боя заставил их отступить. 11 декабря махновцы взяли Бердянск. Потом последовал ещё ряд смелых нападений на гарнизоны красных.

Но вести войну с каждым днём становилось всё труднее. Перевес сил у противника был очень велик (у Махно в это время насчитывалось всего около трёх с половиной тысяч человек). В 20-х числах декабря Махно оставил Екатеринославскую губернию, переправился через Днепр и прорвался в окрестности Киева. Первые дни января 1921 г. прошли в

беспрерывных боях с дивизией Пархоменко. Старый враг Махно сам погиб в одном из боёв. «Батька» вновь перешёл Днепр, миновал Полтаву и дошёл до Курской губернии, а потом повернул назад на Украину. В середине февраля он был уже в Северной Таврии. Местное население в большинстве своём сочувствовало махновцам и поддерживало их. В марте Махно вернулся на родную Екатеринославщину и здесь отдал приказ о роспуске армии (в ней к этому времени осталось всего несколько сотен повстанцев). Сам он с несколькими верными сторонниками в течение месяца отсиживался в селе Заливное. В апреле война возобновилась. Вновь начались налёты на мелкие советские гарнизоны, жестокие расправы над чекистами и комиссарами. В мае под знаменами «батьки» было уже около двух тысяч повстанцев. Операцию по ликвидации Махно возглавили лично Фрунзе и Эйдеман. Наблюдая за маршрутами перемещения повстанцев, они определили те сёла, где махновцы пользовались постоянной поддержкой местных жителей. Здесь были расположены сильные гарнизоны красных. Лишившись своих баз, Махно не мог уже восполнять людские потери, получать свежих лошадей и провиант. Против него было двинуто несколько бронепоездов, которые курсировали по всем дорогам, и бронепоезда. Сверху махновцев бомбили аэропланы. В июле Махно понял, что дальнейшее пребывание на Украине бессмысленно. Он совершил рейд в Поволжье. Потом двинулся на Дон, пытаясь поднять казаков. Но Гражданская война уже всюду затухала, поддержки нигде не было. Махно решил уйти за границу и в августе с несколькими десятками сторонников прорвался в Румынию.

Румынские власти разрешили Махно и его жене (в 1918 г. Махно женился на учительнице Галине Кузьменко) поселиться в Бухаресте. В 1922 г. они переехали в Польшу. Здесь Махно арестовали и около года продержали в тюрьме – решался вопрос о его выдаче России. В декабре 1923 г. Варшавский суд вынес вердикт о его невиновности. В 1924 г. Махно поселился в Париже, где провёл последние десять лет. Жил он очень скромно, на грани бедности: жена работала прачкой, а сам Махно перебивался случайными заработками. В свободное время он писал воспоминания (первый том вышел в 1927 г., остальные два – уже после его смерти). В начале 30-х гг. обострился подхваченный им в молодости туберкулёз. Вновь пришлось делать сложную операцию, но на этот раз чуда не произошло – из больницы Махно так и не вышел.

Умер он в июле 1934 г.

МИХАИЛ ТУХАЧЕВСКИЙ

Михаил Николаевич Тухачевский происходил из старинного, но сильно обедневшего дворянского рода. Он родился в феврале 1893 г. в имении Тухачевских Александровском Смоленской губернии. Отец его был мелким помещиком, обладателем 200 десятин заложенной и перезаложенной земли. С детства у Тухачевского появилась тяга к военному делу. Однако отец был против военной карьеры сына и отдал его в 1904 г. в 1-ю Пензенскую гимназию.

Только в 1909 г. после многочисленных просьб мальчика перевели в Московский кадетский корпус, который Тухачевский окончил с отличием в 1912 г.

Продолжая своё образование, он поступил в Московское Александровское

военное училище. Отличаясь большими способностями, призванием к военному делу, рвением к несению службы, он очень скоро выделился из среды прочих юнкеров. В 1913 г., на старшем курсе, Тухачевский был назначен фельдфебелем своей 2-й роты. Уже тогда проявилась его чрезвычайная жёсткость и требовательность. К своим подчинённым он, по воспоминаниям учившихся с ним, не имел ни малейшего снисхождения и всегда в полной мере использовал свои права по наложению дисциплинарных взысканий.

Рассказывают, что трое юнкеров в его роте покончили с собой, не выдержав безжалостного обращения.

В июне 1914 г. Тухачевский вышел из училища в звании подпоручика. Как первый по успеваемости и дисциплине он имел право сам выбрать место будущей службы. Тухачевский избрал лейб-гвардии Семёновский полк. Он мечтал в скором времени поступить в Академию Генерального штаба, но начавшаяся мировая война круто изменила его планы. Уже в августе семёновцы были переброшены в район Ивангорода – Люблина и вступили в сражение с австрийцами. Тухачевский в это время занимал должность зам. командира роты. Воевал он храбро и умело: за первые шесть месяцев боевых действий его наградили всеми боевыми орденами от Анны IV степени до Владимира IV степени включительно. В феврале 1915 г. ему пришлось участвовать в тяжёлых боях под Ломжей, в которых гвардейская пехота понесла огромные потери. Рота Тухачевского была окружена немцами и почти полностью истреблена. Сам он попал в плен и провёл два года в немецких концлагерях. Несколько раз Тухачевский

пытался бежать, но безуспешно. В конце концов его заключили в баварскую крепость Ингольштадт, куда свозили со всей Германии самых неисправимых беглецов. Здесь

Тухачевский узнал о Февральской революции и последовавшим за ней быстрым разложением русской армии. В сентябре 1917 г., воспользовавшись ослаблением режима, он бежал из крепости и сумел перейти швейцарскую границу. Из Швейцарии, получив деньги от русского консула, он пробрался в Париж, оттуда в Лондон, а далее – морем до Скандинавии и поездом – до Петрограда. В столицу Тухачевский вернулся через две недели после октябрьского переворота и падения Временного правительства. Для продолжения службы Тухачевского зачислили в запасной батальон Семёновского полка. Солдаты избрали молодого и решительного подпоручика командиром роты. В полку было тогда очень сильно влияние эсеров, и большинство офицеров сочувствовало этой партии. Тухачевский, по воспоминаниям сослуживцев, в политических спорах участия не принимал, всё больше отмалчивался, но было видно, что в душе его идёт напряжённая работа.

Наверно, он уже тогда решил связать свою судьбу с большевиками. В марте 1918 г. Тухачевский переехал в Москву. Здесь он некоторое время работал в Военном отделе ВЦИК (по некоторым сведениям, его рекомендовал сюда Валериан Куйбышев). В апреле его приняли в

ряды РКП(б). Это был очень важный для его дальнейшей карьеры шаг. В то время кадровых офицеров в большевистской партии насчитывалось немного, и потому перед Тухачевским сразу открылись большие перспективы. Вскоре он был назначен военкомом Московского района. Исполняя эту должность, он в апреле встретился с Лениным и имел с ним очень важный разговор. По свидетельству члена ВЦИК Кулябко, Ленин задал Тухачевскому два вопроса: при каких обстоятельствах он бежал из немецкого плена и как смотрит на строительство новой социалистической армии? Тухачевский отвечал, что не мог оставаться в плену, когда в России развернулись революционные события, и затем стал подробно излагать свои мысли о том, как соединить разрозненные красногвардейские отряды в настоящую регулярную армию. Видимо, Тухачевский произвёл очень выгодное впечатление на руководителя Советского государства. В июне его направили на самый опасный в тот момент для советской власти Восточный фронт со следующим мандатом: «Предъявитель сего военный комиссар Московского района Михаил Николаевич Тухачевский командирован в распоряжение главкома Восточного фронта Муравьёва для исполнения работ исключительной важности по организации и формированию Красной армии в высшие войсковые соединения и командования ими».

Вскоре перед вчерашним подпоручиком была поставлена первая сложная задача: сформировать из разрозненных отрядов красногвардейцев 1-ю Революционную армию и возглавить её. (По дороге на фронт Тухачевский заехал в Пензу и женился на Марии Игнатьевой,

дочери машиниста пензенского депо. В дальнейшем она сопровождала мужа по фронтам Гражданской войны и покончила с собой при невыясненных обстоятельствах в конце 1920 г.) Уже в начале июля Тухачевский создал первые регулярные дивизии – Пензенскую, Инзенскую и Симбирскую. Для укомплектования войск командным составом он издал указ о мобилизации офицеров. Не явившимся на призывные пункты грозили военно-полевым судом как дезертирам. В том же месяце Тухачевский остановил продвижение наступавших чехословаков и освободил Сызрань. Таким образом, ему удалось блестящим образом продемонстрировать свои таланты организатора и командарма. Однако его великолепно начавшаяся карьера едва не оборвалась на первых шагах. 11 июля поднял мятеж командующий Восточным фронтом Муравьёв. Тухачевский, отказавшийся его поддержать, был немедленно арестован. Его хотели тотчас расстрелять, но ему удалось убедить красноармейцев не впутываться в авантюру их командующего. Тухачевского освободили, а через некоторое время был убит сам Муравьёв.

Мятеж сильно деморализовал красные части. Отступая перед чехами, они оставили Бугульму и Симбирск, а в начале августа пала Казань. Тухачевскому с немалым трудом удалось восстановить в своей армии дисциплину. Одним из первых он учредил у себя революционные трибуналы, которые сурово карали дезертиров и паникёров. В начале сентября он перешёл в наступление, отбил у белых Симбирск и переправился на левый берег Волги. 8 октября 1-я армия взяла Самару.

В начале января 1919 г. Тухачевского перевели на Южный фронт, где он

возглавил 8-ю армию, действовавшую против Донской армии Краснова. Последняя к этому времени была фактически разбита и не оказывала сопротивления. Казаки тысячами сдавались в плен. Но в конце января в Донецкий бассейн вступили войска Добровольческой армии Деникина. Наступление красных сразу замедлилось. Правда, самых критических дней – триумфального наступления белогвардейцев весной-летом 1919 г. – Тухачевский уже не застал.

В марте его перевели обратно на Восточный фронт, где вновь резко обострилась обстановка. Тухачевский прибыл на Урал, когда в самом разгаре было наступление колчаковских войск. Белые взяли Уфу, Бугульму, Бугуруслан, Белебей. До Волги оставалось от 80 до 100 км. 5-я армия, которую должен был возглавить Тухачевский, была разбита и отступала в полном беспорядке. Восстановив дисциплину, Тухачевский в конце апреля перешёл в контрнаступление и взял Бугульму. В июне он разработал и провёл Златоустовскую операцию, открывшую Красной армии путь через Уральский хребет. 5-й армии пришлось тогда действовать в труднодоступной местности – среди лесистых кряжей, перерезаемых глубокими долинами рек. Противостоявшая ему Западная армия Ханжина, хотя и была уже сильно потрепана, представляла ещё грозную силу. 13 июля Златоуст был взят. Развивая успех, Тухачевский подошёл к Челябинску. В это время колчаковский штаб разработал сложный план: предполагалось заманить 5-ю армию в Челябинск, а потом окружить и уничтожить её. Однако эта операция требовала сложных манёвров, к которым белогвардейцы в то время уже не были способны. 24 июля

Тухачевский вошёл в сданный ему без боя город. Когда же белые попытались окружить его, он легко отразил все атаки, перешёл в наступление и отбросил колчаковцев дальше на восток. За эту и предшествующую операции он был награждён орденом Красного Знамени. В августе 5-я армия форсировала реку Тобол и начала наступать на Петропавловск. Но на подступах к городу она потерпела поражение – белые нанесли удар во фланг и тыл Тухачевскому и отбросили его обратно за реку. (Военные историки возлагают вину за эту неудачу лично на командарма, который вопреки приказу командующего фронтом Ольдерроге предпринял наступление через казачьи районы, население которых в большинстве своём было враждебно советской власти.) 14 октября, пополнив свои части резервами, Тухачевский вновь перешёл в наступление и через две недели взял Петропавловск. 14 ноября он совместно с частями 3-й армии вошёл в столицу Колчака Омск. За эту победу он был награждён Почётным Революционным оружием – позолочённой шашкой с вмонтированным в ножны орденом Красного Знамени (в ту пору это была высшая награда в Красной армии). В эти дни имя Тухачевского, за которым закрепилась слава победителя Колчака, стало широко известно. Очень солидный авторитет он завоевал и у руководителей государства. Троцкий считал Тухачевского «одним из лучших красных командармов» и особо отмечал его стратегический талант.

В конце декабря Тухачевский получил новое назначение – его направили на Южный фронт, а в конце января 1920 г. назначили командующим Кавказским фронтом, действовавшим против глав-

ных сил Деникина на рубежах рек Дон и Маныч. В подчинение Тухачевского перешла тогда 1-я Конная армия. В конце февраля он бросил её в район станции Среднегорлыкская, где находился последний резерв Деникина – кавалерийская группа генерала Павлова. В ходе недельных боёв будёновцы нанесли белым тяжёлое поражение, после чего отступление Деникина стало безостановочным. Энергично преследуя белогвардейцев, Тухачевский не позволил Деникину спокойно провести эвакуацию из Новороссийска. 17 марта был взят Екатеринодар, через два дня форсирована Кубань, а 27 марта пал Новороссийск. Основная часть деникинцев не успела погрузиться на корабли и должна была сдаться в плен (в руки красных попало свыше 12 тысяч офицеров и до 100 тысяч солдат, сотни стволов орудий, множество пулемётов и большие запасы боеприпасов). В Крым успел уйти лишь сильно потрепанный Добровольческий корпус и часть Донской армии. К громкой славе победителя Колчака Тухачевский добавил не менее громкую – победителя Деникина.

Между тем возобновилась война на Западном фронте. В апреле перешли в наступление и стали быстро продвигаться в глубь Украины польские войска.

Тухачевского в срочном порядке отправили в Смоленск, где он 29 апреля вступил в командование войсками Западного фронта, расположенного в Белоруссии. Ситуация была тревожной. Находившиеся южнее войска Юго-Западного фронта отступали. 7 мая поляки и поддержавшие их петлюровцы захватили Киев, в нескольких местах форсировали Днепр и закрепились на восточном берегу. Чтобы помочь соседям, Тухачевский, не дожидаясь сосредоточения всех

сил, начал 14 мая наступление на Свенцяны, Молодечно и Борисов. Поначалу наступление было успешным, но вскоре поляки, бросив в бой свежие силы, перешли в контр наступление. Резервов у Тухачевского не оказалось, так как он вложил все свои силы в первый удар, рассчитывая создать резервы позднее, из новых дивизий, перебрасываемых из глубины России. Западный фронт начал отступать. Но в это время под Киевом перешла в наступление и прорвала фронт 1-я Конная армия Будённого. Польское командование начало поспешно отводить свои войска от Днепра и перебрасывать подкрепление из Белоруссии. Нажим на Тухачевского ослаб, и он немедленно воспользовался этим. 4 июля он, в свою очередь, перешёл в наступление. При этом две трети своих сил он сосредоточил на направлении главного удара – узком участке фронта протяжённостью 90 км. Прорвав оборону противника, советские войска стали быстро охватывать правый фланг польской армии. Тухачевский планировал окружить в районе Германовичей часть польских дивизий, а остальные загнать в болотистое Полесье. Хотя замысел этот не был осуществлён (большая часть поляков избежала окружения), поражение противника было налицо – он стал быстро отступать на запад. 11 июля Тухачевский занял Минск, 14 июля – Вильно, 19-го – Барановичи и Гродно, 23-го – Пинск, 1 августа – Брест-Литовский. На повестку дня выдвигался штурм Варшавы.

Успех вскружил красным голову. Вместо того чтобы собирать силы на одном направлении, Тухачевский предложил Реввоенсовету осуществить войсками Юго-Западного фронта захват Львова. Советские армии стали расходиться в

разных направлениях, линия фронта растягивалась с каждым днём. В середине августа Западный фронт форсировал Вислу и начал глубокий охват польской столицы с севера. Сюда Тухачевский бросил лучшие армии, сильно ослабив свой левый фланг (он рассчитывал укрепить его 1-й Конной армией, но та задержалась под Львовом и не успела вовремя на Западный фронт). Поляки поспешили воспользоваться ошибками советского командования. 16 августа они нанесли неожиданный удар из района реки Вепш в образовавшийся разрыв между Юго-Западным и Западным фронтами. Парировать его Тухачевскому было нечем. Левый фланг его фронта был разгромлен в течение суток, а правый отсечён и окружён севернее Варшавы.

Польские дивизии стремительно двинулись на восток. Разбитые части Красной армии почти не оказывали им сопротивления. В октябре советское правительство было вынуждено заключить с Польшей очень невыгодный мир. К этому времени поляки овладели Западной Украиной и Западной Белоруссией.

Эти земли оставались за ними вплоть до 1939 г.

Провал польской кампании сильно подмочил репутацию Тухачевского как непобедимого стратега. В следующем году он смог лишь отчасти восстановить её, подавив Кронштадтский и Антоновский мятежи. Как известно, восстание матросов Кронштадта в марте 1921 г. было вызвано политикой военного коммунизма, продолжавшейся и после окончания Гражданской войны. Выступление матросов началось 27 февраля, когда экипажи линкоров «Севастополь» и «Петропавловск» приняли резолюцию с требованием «свободы слова и печат-

ти для рабочих и крестьян, анархистов и социалистических партий, свободы собраний и профессиональных союзов», освобождения политзаключенных, переизборов Советов тайным голосованием, ликвидации политотделов, упразднения заградотрядов, права свободной торговли для крестьян, уравнивания пайков для всех трудящихся. Эта резолюция была поддержана всеми моряками и красноармейцами. Большевицское руководство Петрограда не разглядело вовремя серьёзности ситуации и не пошло на уступки. В результате 1 марта началось восстание, в котором участвовало около 27 тысяч человек. Арестовав комиссара Кузьмина, матросы образовали ревком.

Когда стало ясно, что выступление придётся подавлять силой, в Петроград был немедленно отправлен Тухачевский. Он возглавил 7-ю армию, численностью 45 тысяч человек. Несмотря на превосходство в силах, захват Кронштадта представлялся непростым делом. Крепость располагалась на острове Котлин.

Её защищали мощные железобетонные форты, снабжённые большим количеством противотанковой артиллерии и пулемётами. Кроме этого, мятежников поддерживала мощная корабельная артиллерия. Замёрзшее море перед Кронштадтом хорошо простреливалось. Вечером 7 марта Тухачевский начал артиллерийский обстрел крепости (всего было выпущено 5 тысяч снарядов). На рассвете следующего дня на штурм по льду Финского залива пошли 3 тысячи красных курсантов. Расчёт делался на внезапность, но восставшие артиллерийским огнём с линкоров и фортов отразили атаку. Почти все участники первого штурма погибли или были ранены. Такое неудачное начало подорвало дух

во многих частях. Некоторые полки заявили, что не будут «воевать со своими». Мятеж мог распространиться на Петроградский гарнизон. Тухачевскому пришлось жёсткими мерами наводить порядок. (Всего в эти дни было расстреляно около ста человек, в основном красноармейцы из неблагонадёжных частей.) 15 марта начался второй штурм крепости. Он был подготовлен более тщательно. Атакующие делились на две группы – Северную и Южную. Перед каждой колонной была поставлена своя оперативная задача. Выдвижение началось ещё ночью, чтобы свести потери к минимуму. Наступление поддерживалось ураганным артиллерийским огнём с материка. Но всё равно – орудия фортов и линкоров, расстреливая наступавших по льду красноармейцев и красных курсантов, нанесли им значительный урон. В десять часов вечера атакующие ворвались в город. Завязались уличные бои. Тухачевский отдал приказ:

«Жестоко расправиться с мятежниками, расстреливая без всякого сожаления... пленными не увлекаться». В бою погибло более тысячи кронштадтцев, ещё около двух тысяч были расстреляны в следующие дни по приговору военнореволюционных судов. Около трети восставших (8 тысяч) сумели пробиться в Финляндию.

Едва покончив с кронштадтскими мятежниками, Тухачевский в апреле 1921 г. получил новое назначение – подавить мощное крестьянское восстание в Тамбовской губернии, во главе которого стоял эсер Антонов. Как и в предыдущем случае, он имел над повстанцами большой перевес в силах: против 18 тысяч антоновцев, весьма плохо вооружённых и недостаточно обеспеченных боеприпасами, он мог двинуть более 50 тысяч

солдат, много артиллерии, четыре бронепоезда, бронепоезда и аэропланы. Однако задача от этого не становилась легче – восставшие скрывались в труднодоступных лесах и болотах, откуда совершали свои дерзкие налёты, местное население в большинстве своём их безоговорочно поддерживало и помогало чем могло. Тухачевский понимал, что имеет дело с хорошо организованным партизанским движением, подавить которое можно лишь беспощадной жестокостью. Прежде всего требовалось лишить повстанцев их «тыла», то есть отсечь от них местное население. С этой целью Тухачевский приказал брать заложников в каждой подозрительной семье и расстреливать их при малейшем проявлении нелояльности в данной деревне. Все дома подлежали обыску, за хранение оружия был назначен расстрел на месте. Семьи повстанцев заключали в концлагеря. За любую помощь антоновцам был назначен расстрел. Во всех деревнях размещались гарнизоны. Благодаря всем этим мерам местное население оказалось настолько запуганным, что поддержка повстанцев сразу ослабла. В конце мая войска перешли в наступление и начали тотальное прочёсывание местности. Антоновцы упорно сопротивлялись. Чтобы окончательно сломить их, Тухачевский с середины июля стал широко применять отравляющие газы.

Те из повстанцев, кто не сложил оружие, не был расстрелян или не пал в бою, нашёл свою смерть в ядовитых облаках хлора. На сороковой день восстание было ликвидировано.

Жестокость Тухачевского очень импонировала большевистскому руководству. Летом 1921 г. он был назначен командующим Западным военным

округом и находился в этой должности до весны 1924 г. (Здесь, в Смоленске, Тухачевский вступил в свой второй и третий браки. О второй его жене почти ничего неизвестно. Третья жена – Нина Гриневич – родила ему дочь Светлану.) В апреле 1924 г. Тухачевского назначили помощником начальника Штаба РККА, а в ноябре 1925-го он уже стал начальником Штаба. На этом посту Тухачевский постоянно конфликтовал с наркомом обороны Ворошиловым.

Последний блокировал все его инициативы по перевооружению войск и реорганизации органов военного управления. В 1928 г. Тухачевский подал рапорт об освобождении и был назначен командующим Ленинградским военным округом. Но и здесь он продолжал строить планы преобразований, посылал Ворошилову и Сталину свои соображения по реорганизации Красной армии.

По-видимому, Сталин понимал, что Тухачевский как военный теоретик и организатор намного талантливее Ворошилова. По крайней мере, в их противостоянии он решил временно поддержать Тухачевского. В 1931 г. генсек назначил Тухачевского начальником вооружений Красной армии, а вскоре сделал его заместителем председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам. После этого Тухачевский получил возможность провести некоторые из задуманных им преобразований.

Основные положения программы реформ были изложены им в рукописи «Новые вопросы войны», начатой ещё в Ленинграде весной 1931 г. Наряду с некоторыми очевидными ошибками в этой работе можно найти множество удивительно точных прозрений. Тухачевский был горячим сторонником наступатель-

ной стратегии. Красная армия, по его мнению, должна была стараться упредить вероятного противника и нанести опережающий удар. То есть Тухачевский был за войну на чужой территории и с наименьшими потерями, а для этого предполагал как следует обучить бойцов и командиров и насытить армию вооружением и техникой. Он не только был абсолютно точно уверен, что в будущей войне танки и авиация сыграют решающую роль (это понимали в начале 30-х гг. уже многие военачальники), но и предсказал многие конкретные особенности применения этих новых грозных видов вооружений. Будущая война, писал уже в начале 20-х гг. Тухачевский, не будет войной позиционной. Это будет война маневренная. Стремление к решительным столкновениям потребует смелых, плотных группировок на решающих направлениях.

Прорвав оборону врага, они должны будут стремиться к поражению боевых порядков противника на всей их глубине. Роль ударных таранов при этом отводилась мощным танковым соединениям, обеспечивающим при поддержке авиации быстрое продвижение пехоты. Тухачевский предвидел, что управление таким «глубоким сражением» таит в себе огромные трудности, и потому постоянно ставил вопрос о развитии самых разнообразных средств связи, в том числе радио. Но чисто количественное наращивание танков, самолётов и других видов вооружений – только половина задачи. Тухачевский подчёркивал, что «глубокий бой» требует очень сложного взаимодействия между различными родами войск ~ авиацией, танками, пехотой, артиллерией, которое может быть достигнуто только постоянными широ-

комасштабными учениями в условиях, максимально приближенных к боевым. (Это было забыто после смерти Тухачевского, в результате чего Советский Союз перед началом Великой Отечественной войны имел огромное количество танков и самолётов, но очень мало действительно хороших военных специалистов, способных ориентироваться в сложных условиях современного боя.) Тухачевский возражал против громадных затрат на развитие морского флота, справедливо указывая, что для СССР флот в будущей войне будет иметь лишь вспомогательное значение. Он предлагал основное внимание уделить не строительству дорогостоящих линейных кораблей, а развитию более дешёвой морской авиации и береговой артиллерии. Тухачевский проявил большой интерес к ракетной технике и добился создания Ракетного научно-исследовательского института. Он сразу оценил значение радаров. Вместе с тем Тухачевский явно преувеличивал значение в будущей войне авиадесантных войск, которые, по его мнению, должны были решать оперативные и даже стратегические задачи.

Вследствие этого в Красной армии создавались перед войной целые десантные корпуса, которые, однако, использовались впоследствии как обычная пехота.

В середине 30-х гг. военная карьера Тухачевского продолжала успешно развиваться. В 1935 г. он вместе с Ворошиловым, Будённым, Егоровым и Блюхером был удостоен высшего воинского звания – Маршал Советского Союза, а через год стал первым заместителем наркома обороны. Однако этого ему было мало – Тухачевский не скрывал своего критического отношения к Ворошилову и считал себя наиболее подходящим человеком

на пост наркома обороны. Он не сомневался, что в ближайшее время сможет занять его. Однако в действительности события приняли иной ход, и своими амбициями Тухачевский только ускорила свой конец. В его нападках на Ворошилова Сталин увидел угрозу для себя лично. Судьба Тухачевского была решена. Летом 1936 г. начал раскручиваться политический процесс против высшего командования Красной армии. Были арестованы комкоры Примаков, Путна и некоторые другие. В мае 1937 г. гроза разразилась над самим Тухачевским – его неожиданно сняли с занимаемого поста и назначили командовать второстепенным Приволжским военным округом. (Поводом послужил арест его любовницы Юлии Кузьминой, которую обвинили в шпионаже в пользу Германии.) Через несколько дней после переезда в Куйбышев Тухачевского арестовали. (В то же время в тюрьме оказались такие видные военачальники как Фельдман, Якир, Уборевич, Эйдеман). Его обвинили в связи с германской разведкой и в подготовке военного переворота. Сначала Тухачевский пытался отрицать свою вину, но уже через несколько дней под давлением следователей сломался и признал все возводимые против него обвинения. 11 июня его дело на закрытом заседании (без участия обвинения, защиты и свидетелей) рассматривало Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР. Тухачевский (как и другие военачальники, проходившие по этому делу) был приговорён к расстрелу. На другой день приговор привели в исполнение.

Из книги «100 великих россиян»

Святитель Василий Кинешемский (1876-1945)
(В 2000 году причислен Русской Православной Церковью к лику святых)

Толкование на Евангелие от Марка (Притча о сеятеле)

Вдумаемся внимательнее в притчу, чтобы в её дивных образах и символах открыть важные для нас законы душевной агрономии, на которые указывает Господь Иисус Христос.

Для того чтобы с успехом возделывать ниву и применять к ней рациональные способы обработки, необходимо прежде всего изучить почву и знать её состав. Песчаная почва требует одного удобрения, суглинок – другого, чернозём – иного; да и сами приёмы обработки на разной почве бывают неодинаковы. Точно так же и в духовной жизни. Чтобы понять причины, обуславливающие для человека бесплодность слова Божия, и в то же время найти правильные способы обработки и воспитания души, которые могли бы повысить урожай святого семени, усилить влияние и действие на человека евангельского слова, – для этого надо изучить почву нашего сердца и выяснить, что именно в этом сердце препятствует успешному произрастанию семени. Соответственно с этим мы и можем принять те или другие меры.

Говоря о судьбе семени, Господь в Своей притче изображает четыре рода условий, в которые оно попадает при посеве и которые различно влияют на его произрастание. Это – четыре различных вида психики человека, четыре вида устройства души.

Когда сеятель сеял, случилось, что иное (семя) упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то (ст. 4).

Это первый тип. Сердце похоже на проезжую дорогу, а семя, падая на неё, даже не проникает в почву, но остается на поверхности и делается лёгкой добычей птиц.

Что это за люди?

Во-первых, сюда относятся натуры грубые, чисто животного склада. Это самый дурной тип среди людей, и, к сожалению, их в настоящее время особенно много. Они живут чисто утробной жизнью: вкусно есть, сладко пить, много спать, хорошо одеваться – выше этого они ничего не знают. Корыто, корм и поило – этим исчерпывается всё их содержание. Их мировоззрение исключительно

материалистическое. Вопросы духа для них не существуют. К идеалам правды, добра и красоты, ко всему, чему поклонялось человечество как величайшей святыне, что манило и увлекало героев, подвижников и лучших деятелей истории, чему те отдавали беззаветно свои силы и свою жизнь, – ко всему этому люди типа проезжей дороги относятся с циничной насмешкой и откровенным презрением. «Выгода» – вот слово, которое определяет их деятельность. Для них бог – чрево, и Евангелие, слово Божие встречает в них глухую стену тупого безразличия. Оно отскакивает от них, как горох от стены, не пробивая даже внешней коры эгоизма и не проникая внутрь, в сердце. Если иногда и остаётся оно на поверхности памяти, то лишь до того момента, когда первый порыв распутства, сластолюбия или любостяжания налетит, как птица, и поглотит всё без остатка, а грубое сердце остаётся по-прежнему твёрдым и непроницаемым.

Во-вторых, к этой же категории относятся люди очень легкомысленные, живущие только поверхностными впечатлениями. Сущность их психики – праздное любопытство, которое легко возбуждается, но вовсе не стремится к тому, чтобы полученные впечатления связать с глубокими основами душевной жизни. Такое любопытство не приносит никакой пользы: оно бесцельно и беспредметно. Впечатления оцениваются здесь исключительно по их действию на нервы. Всё, что щекочет нервы, одинаково привлекает людей этого типа. Поэтому для них совершенно безразлично: слушать хорошего проповедника или модного тенора, смотреть религиозную процессию или английский бокс, присутствовать при торжествен-

ном, вдохновляющем богослужении или покатываться со смеху, смотря смешной водевиль. Весь мир они рассматривают так, как будто он создан исключительно для их развлечения, и к каждому явлению жизни они подходят с этой же меркой. Если они слушают вдохновенного проповедника, говорящего о евангельской правде, о лучезарном мире чистоты и святости, о Великом Любящем Боге, они скажут в похвалу лишь одно: «О, он хорошо, красиво говорит!» или: «У него выработанная, изящная речь!» Это самая унижительная похвала для проповедника, сводящая его на роль школьника, демонстрирующего перед экзаменаторами свои литературные и декламаторские таланты. Пусть в проповеди слышатся рыдания и неподдельные слезы страдающей любви, стон измученного сердца, горечь и негодование при виде попранной правды, они не найдут других слов для оценки, кроме пошлой фразы: «О, у него драматический талант!» Как будто перед ними артист сцены, выступающий исключительно для того, чтобы их развлекать и щекотать их истрёпанные нервы.

Это люди мелкой души, и жизнь для них – не серьёзная задача, полная глубокого смысла, а просто фарс. Люди этого сорта евангельское слово слушают так, как будто оно к ним не относится: они его не воспринимают.

Третья разновидность людей этого сорта – это натуры рассеянные, с разбросанными мыслями. В них нет ничего основного, постоянного, что служило бы центром их жизни. Это люди, как их называют, без стержня, то есть в них нет преобладающей склонности или привязанности к одному какому-либо делу или

занятию, определяющему направление их жизни. Чем живут эти люди? Вы сразу этого не скажете: здесь всё так текуче, так изменчиво, так непостоянно. Сегодня одно, завтра другое, послезавтра третье. Одна мысль сменяет другую, как в калейдоскопе, без всякого порядка и системы. Одно увлечение вытесняется другим, план следует за планом, совсем как на проезжей дороге, где катятся экипажи, идут прохожие, сменяя один другого, топчется бродячий скот. Они всё начинают, всё пробуют и ничего не кончают. Цели жизни у них нет. Это – рабы минутного каприза, трость, ветром колеблемая. Их увлечения непрочны, ненадёжны, мимолётны. С легкостью мотылька порхают они с предмета на предмет. Всякая новинка их привлекает и захватывает, но лишь на короткое время. «Что книга последняя скажет, то на сердце сверху и ляжет». Учить их чему-нибудь серьёзному, проповедовать слово Божие – почти бесполезно. Это значит писать на воде, сеять при дороге: затопчут прохожие, поклюют птицы, то есть мир с его вечной сменой новинок, диавол с его искушениями и соблазнами. Так как впечатления и мысли здесь постоянно сменяются, то ни одно из них не проникает глубоко в сердце, и само сердце от этого мало-помалу теряет отзывчивость, способность воспринимать их хоть сколько-нибудь серьёзно, становится сухим, равнодушным, жёстким, как дорога, утоптанная ногами прохожих и укатанная колёсами бесчисленных экипажей.

Таковы три разряда людей, принадлежащих к типу проезжей дороги. У всех у них общее то, что семя слова Божия в их душу совершенно не проникает, их не волнует, не радует, не возбуждает, но

остаётся на поверхности, то есть только в памяти, в головном сознании, и, не принося никакого плода, скоро погибает.

Немного лучше следующие два рода почвы, указанные Господом Иисусом Христом в Его притче.

Иное семя упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло (ст. 5-6).

Поясняя эти слова, Господь прибавляет: посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (ст. 16-17).

Тип, широко распространённый и достаточно нам знакомый. В этих людях есть несомненное стремление и любовь к добру, и слово Божие находит в них живой и быстрый отклик, но оно не захватывает их настолько сильно, чтобы ради осуществления его в жизни они нашли в себе достаточно силы и решимости трудиться над собою, бороться с препятствиями и побеждать враждебные течения. Услышав евангельскую проповедь о правде, любви, самоотвержении, они загораются сразу, как шведская спичка, но так же скоро гаснут. Эти вспышки мимолётных увлечений бывают очень сильны, как вспышки магния, и в этот миг эти люди способны даже на подвиг, но пройдёт момент – и всё кончилось, и, как после магния, остаётся лишь дым и копоть – досада на свою трусость и дряблость или же, наоборот, сожаление о своём увлечении. К суровой, упорной, длительной работе эти люди не способны, и непреодолимую

преграду представляет для них закон вступления в Царство Божие, данный Господом: от дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его (Мф. XI, 12).

На каменистой почве может расти только мелкая травка, так и эти люди при обычных условиях спокойной жизни способны лишь на очень маленькие дела, не требующие усилий. Им нельзя отказать в чувствительности: вы увидите их иногда в церкви молящимися со слезами умиления на глазах, их воодушевляет хорошее пение, трогают изречения и возгласы Божественной службы, полные возвышенного смысла; с чувством повторяют они вместе с другими: «Возлюбим друг друга...», «Друг друга обымем, рцем: братие!» Но когда наступает минута, когда от хороших слов надо перейти к делу, вы сразу увидите, что слёзное умиление и религиозный подъём не смягчили их холодной души, что то был лишь фосфорический блеск, не дающий тепла, простая сентиментальность или ложная чувствительность, а не настоящее чувство. Они любят иногда читать жития святых, как любят дети читать страшные сказки и трогательные истории, но и здесь дальше вздохов и словесных восторгов дело не идёт. Они не прочь помечтать об этой подвижнической жизни и представить себя в роли подвижников и мучеников за правду, но те усилия воли, которые требуются для этого, их пугают. Они ничего не имеют против добродетели, нравственности, аскетизма, даже хотели бы попасть в Царство Небесное, но при условии, что для этого от них не потребуются никаких лишений и чтобы это возможно было сделать с

полным комфортом и со всеми удобствами. В Царство Небесное они хотят въехать в вагоне первого класса.

Что мешает этим людям безраздельно отдаться Христу и приносить полный плод? Каменистый пласт, который лежит под наружным слоем хорошей почвы и не позволяет корням растения проникнуть глубже.

В душе человека таким каменистым пластом является себялюбие. Обычно оно лишь слегка закрыто сверху тонким налётом чувствительности и добрых порывов. Но когда необходимо эти добрые порывы углубить и осуществить в жизни, то есть сделать доброе дело, которое, собственно, и составляет плод доброго порыва, против этого неизменно восстает себялюбие и рождённое им саможаление. Допустим, вас просят оказать помощь. Вы готовы это сделать и пожертвовать что-нибудь нуждающемуся, но сейчас же вы слышите голос себялюбия: «А сам-то я с чем останусь? Мне самому нужны деньги: у меня их так мало!» Ваш добрый порыв наталкивается на холодную каменистую стену эгоизма и блекнет, как нераспустившийся бутон.

Себялюбие с лишениями, даже воображаемыми, не мирится.

Так бывает и в духовной, идейной борьбе. Люди часто носят христианские убеждения, как приличный костюм, дающий им вид порядочности и джентльменства, пока это их не стесняет и ни к чему не обязывает. Но когда за эти убеждения приходится платить страданиями и лишениями, сейчас же саможаление шепчет коварно: «Да стоит ли так мучиться? Не слишком ли дорога плата? Ведь можно и без убеждений обойтись!»

В результате – измена и отступничество.

Последний тип людей, в душе которых слово Божие остается бесплодным, характеризуется Господом в следующих словах:

Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода.

Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода (ст. 7, 18-19).

Это люди, которые желают одновременно работать Богу и маммоне. Желая жить по законам Божиим, они в то же время не хотят отказаться и от мирской суеты и кончают обыкновенно тем, что этот водоворот мирских забот, увлечений, пристрастий поглощает их без остатка, вытесняя из души всё светлое, идейное, возвышенное. Если человек не борется с земными пристрастиями во имя евангельской правды, он неизбежно становится их пленником, и одно слышание слова Божия его не спасёт. Попытки установить в жизни равновесие между данью Богу и данью маммоне и миру сему никогда не удавались, ибо душа – существо простое и двоиться не может. Никто не может служить двум господам, говорит Господь, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть (Мф. VI, 24).

Эти люди также непригодны для Царства Божия. Так много пропадает семени слова Божия безрезультатно!

Из четырёх категорий только одна приносит плод: иное семя упало на добрую землю и дало плод, который взошёл и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто.

А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и при-

нимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат (ст. 8, 20).

Это натуры цельные, у которых слово не расходится с делом и которые, слушая и воспринимая слово Божие, пытаются его исполнить и жить по его указаниям. Но и у этих людей, отзывчивое и искреннее сердце которых представляет добрую почву, повиновение евангельскому слову не бывает у всех одинаково полным и совершенным, ибо иной приносит тридцать, иной шестьдесят, иной сто. Это значит, что один в силах выполнить третью часть того, что от него требует высший идеал христианского совершенства, другой – почти две трети, и лишь немногим удаётся исполнить всё полностью и в совершенстве. Это натуры избранные. Это те, о которых Господь говорит: нашел Я мужа по сердцу Моему... который исполнит все хотения Мои (Деян. XIII, 22).

Таких людей немного. Но как ярко сияют они на тусклом фоне тепло-холодного отношения к Евангелию большинства современников, вялых, дряблых, слабых в добре, и как возвысило и просветило их душу слово Божие, которому они отдались беззаветно и которое исполнили до конца!

Вот преподобный Антоний Великий. Два евангельских изречения произвели решительный перелом в его душе и направили его на путь, приведший к высшим степеням святости. Однажды вскоре после кончины своих родителей, будучи еще юношей 18-20 лет, он услышал в церкви слова Господа: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим... и следуй за Мною. Он принял эти слова за совет, обращённый непосредственно к нему, и

исполнил его буквально, раздав имение бедным. В другой раз, услышав слова Спасителя: не заботьтесь о завтрашнем дне, он почувствовал в них властный призыв, которому беспрекословно подчинился: покинул дом и ушёл в пустыню, чтобы, освободившись от всяких забот, в подвигах аскетической жизни отдаться Тому, Чья воля стала для него высшим законом. Слово принесло в нем стократный плод.

Вот преподобномученица Евдокия, первоначально великая грешница, очищенная и преображённая словом Божиим, подобно тому горящему углю, который взял клещами с жертвенника Господня шестокрылатый Серафим, чтобы коснуться уст пророка (Исх. VI, 6-7).

В миру её звали Марией. Она была дивно хороша собой, и в этом было её несчастье. Успех, лесть, всеобщее поклонение вскружили ей голову, Мария вела суетную, легкомысленную светскую жизнь, снаружи нарядную и блестящую, но по содержанию пустую и пошлую. Пирь, развлечения всякого рода заполняли всё её время, не давая ей опомниться, прийти в себя. Но под внешностью светской львицы таилось доброе сердце и отзывчивая душа. Это её спасло.

Однажды около той гостиницы, где пиновала Мария, окружённая толпой поклонников, остановились в нерешительности два старца-инока. Видно было, что они пришли издалека. Их ноги и одежда были покрыты пылью, избитая, потрёпанная обувь говорила о дальней дороге. Они были утомлены, и им хотелось отдохнуть в гостинице, но звуки музыки и весёлое общество их пугали. Наконец они решились войти. Их поместили рядом с пиршественным залом в комнате, отделявшейся лишь тонкой перегородкой.

Шумная оргия продолжалась. Слышались бесстыдные речи. Опьянённая Мария танцевала соблазнительный, сладострастный танец.

Кто-то вспомнил о старцах.

Посмотрим, что они делают? То-то, должно быть, намолятся!

– Оставьте их в покое, – сказала Мария с улыбкой.

Но уже несколько беспутных гуляк скучились у перегородки, прислушиваясь к тому, что делалось за ней.

– Тсс... Тише! Что-то читают! Послушаем!

Шум умолк. В наступившей тишине слышался слегка заглушённый стеной голос читавшего старца.

Он читал: И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром (Лк. VII, 37-38).

– Вот нашли место для подобных чтений! – воскликнул один из молодых гуляк. – Эй, вы там!..

– Оставь! – вскричала Мария. Лицо её становилось всё серьёзнее по мере того, как развёртывалась чудная евангельская история о прощённой грешнице. Она сама не понимала, что с ней делалось.

Старческий голос продолжал:

А потому сказываю тебе: прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много (Лк. VII, 47).

– Ну ты-то уж не станешь заботиться об этом! – шепнул Марии самый юный из гостей.

Громкий вопль был ему ответом. Все вздрогнули. Мария стояла вся трепещу-

щая. Смертельная бледность покрывала её лицо. Тёмные очи горели пламенем.

– Прочь от меня все! Оставьте меня!..

В её сердце горели эти дивные слова о прощении, о спасении, о милосердии Божиим. Так засохшая земля жадно глотает влагу весеннего дождя.

Смущённые гости расходились. Мария бросилась за перегородку к старцам. Мгновенное изумление последних сменилось негодованием.

– Уйди от нас! – сказал один из них сурово. – Или нет в тебе стыда?!

– Отцы, не отвергайте меня! Я – грешница, но Господь не отверг блудницы!..

Она прильнула устами к запылённым ногам старцев: грешница Мария стала святой Евдокией. Слово Божие принесло стократный плод.

Какие уроки извлечём мы из всего сказанного? Если мы действительно хотим, чтобы евангельское семя давало в нас обильный плод и намерены серьёзно трудиться над этим, то должны изучить почву своего сердца и выяснить, что именно мешает произрастанию слова Божия. Подумайте, к какому типу вы принадлежите? Представляет ли ваше сердце проезжую дорогу или каменистую почву или семена слова Божия гибнут в нём, заглушённые терниями мирской суеты?

Надо при этом иметь в виду, что указанные типы в чистом виде редко встречаются. Обыкновенно в человеческом сердце есть всего понемногу, и тип можно определить лишь преобладанием той или другой черты.

Определив особенности почвы, можно указать и применить особые приёмы обработки сообразно с каждым родом почвы. Конечно, здесь всё время необходимо помнить, что насаждающий и

поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий (1 Кор. III, 7), Который единственно Своей силой может самую бесплодную почву сделать плодоносной и, наоборот, плодородную ниву обратить в пустыню, и что к Нему, следовательно, прежде всего должны быть обращены наши молитвы и прошения об успехе работы. Но при этом уповании на Бога как главном условии успеха мы всё-таки не освобождаемся от обязанности работать над собой, ибо кто разумеет делать добро и не делает, тому грех (Иак. IV, 17).

Итак, что можем мы сделать?

О первой разновидности первого типа говорить почти не приходится, ибо психика людей этого сорта не заключает в себе даже желания стать нравственно лучше и чище. Из тупого животного самодовольства их может вывести разве какая-либо катастрофа, посланная благодетельным промыслом Божиим. О них можно только молиться, но советовать им что-либо бесполезно, так как при обычных условиях они никакого совета исполнить не захотят. Две другие разновидности, как мы видели, обращены на проезжую дорогу массой разнообразных пёстрых впечатлений, которые, проносясь через сознание, подобно бесконечной веренице экипажей и прохожих, утрамбовывают почву, то есть делают душу жёсткой, чёрствой и невосприимчивой к слову Божию. Ясно, что первая наша забота здесь – поставить загородки, чтобы по дороге не ездили и не ходили. Говоря простым языком, это значит задерживать или совсем остановить тот поток несвязных восприятий ежедневной жизни, который назойливо теснится в мозг, загромождая его всяким хламом.

Подумайте, в самом деле, сколько всякой дряни проходит каждодневно через голову среднего так называемого культурного человека! Одна утренняя газета чего стоит! Тут и лживая передовица, освещающая события так, как это нужно редакции; тут и фельетон, полный скабрёзного зубоскальства; тут и хроника, передающая все базарные новости; тут и объявления о пропавшей моське и о враче, радикально излечивающем половое бессилие. Прочитав все эти «полезные» сведения, вы почувствуете потребность, по крайней мере, два часа гулять на свежем воздухе, чтобы проветриться. Далее, приходите вы на службу и сразу узнаете ряд других новостей: у кого сбегала жена, кто из коллег проворовался, кто получил повышение и награду и т. д. Возвращаетесь домой – у вашей жены уже сидит приятельница, патентованная сплетница, которая вываливает на вас целый короб самых свежих, только что испечённых известий. Вечером вы идёте в театр, и снова перед вами проходит новая вереница происшествий, речей, монологов, различных лиц, зрителей, актёров, знакомых и незнакомых, старых и молодых, нарядных и плохо одетых, вся эта волнующаяся, шумливая, вечно изменчивая толпа, наполняющая места зрелищ. Прибавьте к этому заключительный аккорд ресторанного ужина с впечатлениями электрического света, разряженных женщин, дешёвого оркестра и т. д. – и вы поймёте, что, пожив месяц в этом кипящем котле внешнего разнообразия, мимолётных эффектов и внутренней пустоты, можно и очерстветь, и одуреть. Об успехе и влиянии на душу слова Божия при такой обстановке и речи быть не может. Но поставьте рогатки, откажитесь от этого шума

и суеты, ограничьте всеми зависящими от вас мерами этот наплыв впечатлений, живите более уединённой жизнью, обязательно обеспечьте себе часы углублённой вдумчивости и тишины – и вы увидите, что почва вашего сердца станет постоянно меняться и глубже воспринимать ростки Божьего слова.

У людей второй категории препятствием к произрастанию евангельского семени служит каменный пласт себялюбия. Сюда и должны быть обращены усилия. Этот пласт надо взломать и удалить. Так обрабатывают поле в Финляндии. Чтобы приготовить почву для посева, там необходимо сначала удалить массу громадных валунов и каменных обломков, загромаждающих поле. Эти камни или взрывают, или выкорчёвывают из грунта, подводя под них длинные толстые брёвна. И надо видеть эту работу! Подводя под громадный камень бревно, целая семья крестьян – владельцев или арендаторов поля – садится на свободный его конец и начинает качаться. Они качаются настойчиво, методически, качаются утром и вечером, качаются день, другой... И наконец массивный валун начинает слегка вздрагивать и тихо-тихо выворачиваться из земли. Это трудная, скучная работа, но другого исхода нет: надо очистить поле. Нелегкая работа предстоит и с себялюбием. Вырвать его и удалить сразу нет никакой возможности, но можно отламывать его кусками. Не следует только жалеть себя.

Допустим, вас просят оказать услугу. Вам не хочется, ибо это связано для вас с потерей времени и другими неудобствами. Ваше себялюбие протестует и ворчит. Не слушайте этого голоса, преодолите себя и, победив на этот раз своё

нежелание и саможаление, вы уже отломали кусок себялюбия. Продолжайте эту работу настойчиво, упорно, непрерывно, как работают финские крестьяне, и мало-помалу ваше себялюбие станет смягчаться, слабеть и исчезать, уступая место лучшим чувствам самопожертвования и заботы о других. Тогда корни слова Божия будут глубже проникать в сердце и не погибнут от первой невзгоды.

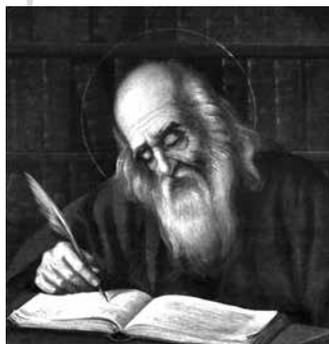
Наконец, людям третьей категории, у которых терния заглушают всходы евангельского посева, нужно помнить, что маммоне и Богу одновременно служить нельзя, что надо выбирать что-нибудь одно, и раз избрано служение Богу, то терния и сорную траву суетных желаний и мирских пристрастий надо тщательно выпалывать, иначе они разрастутся и заглушат слово Божие. При этом полез-

но помнить, что чем раньше производить эту работу, тем лучше. Пока терния только в зародыше, их легко выполоть.

Пока греховные желания существуют только в мыслях и не перешли ещё в дело, их легче побороть. Но они укореняются, когда осуществляются в действии, и тогда борьба с ними становится труднее.

Когда почва таким образом сколько-нибудь подготовлена, то сама обработка души, содействующая успешному произрастанию слова Божия, производится по старому правилу аскетов: паши плугом покаяния, удобряй молитвой, орошай слезами сокрушения и постоянно выпалывай дурную траву страстей.

***Святитель Василий Кинешемский
(В 2000 году причислен Русской Православной Церковью к лику святых).***

**Никодим Святогорец
(1749-1809)**

О молитве Иисусовой

Молитва эта названа Иисусовой потому, что обращается к Господу Иисусу и есть по составу словесная, как и всякая другая краткая молитовка. Умною же она бывает и называться должна, когда возносится не одним словом, но и умом и сердцем, с осознанием её содержания и чувствованием, и особенно когда чрез долгое внимательное употребление так сливается с движениями духа, что они одни и присущими видятся внутри, а слов как бы нет. Всякая короткая молитовка может взойти на эту степень. Иисусовой же молитве принадлежит преимущество потому, что она с Господом Иисусом сочетавает душу, а Господь Иисус есть единственная дверь к богообщению, к которому стремится молитва.

Навык к молитве Иисусовой внешне состоит в достижении того, чтоб она сама собой непрестанно вращалась на языке, внутренне же – в сосредоточении внимания ума в сердце и непрестанном в нём предстоянии пред Господом с сердечною теплотой в разных степенях, и отрешением от всяких других помышлений, и особенно с сокрушённым и смиренным припаданием ко Господу Спасителю. Начинается этот навык с частого, насколько возможно повторения этой молитвы со вниманием в сердце. Частое

повторение, установляясь, собирает ум воедино в предстоянии Господу. Установление такого внутреннего строя способствует согреванию сердца и отгнанию помыслов – даже простых, а не только страстных. Когда в сердце начнёт непрестанно теплиться огонь прилепления к Господу, тогда вместе с этим водворится внутри мирное устройство сердца с сокрушённым и смиренным мысленным припаданием к Господу. До этого доходит собственный наш труд с помощью благодати Божией. То, что ещё выше этого в деле молитвы, будет даром единой благодати. У святых отцов поминается об этом только потому, чтобы кто-нибудь, достигнув указанного предела, не подумал, что ему нечего уже больше желать, и чтобы не возмечтал, что стоит на самом вершине молитвенного или духовного совершенства.

Итак, тебе предстоит первое дело: частое, насколько можно частое, повторение молитвы Иисусовой, пока привыкнешь её творить. Делай так. Определи в молитвенном твоём правиле часть и молитве Иисусовой. Твори несколько раз эту молитву в начале твоего молитвословия и несколько раз после него. Если есть усердие, и после каждой молитвы, входящей в такое молитвословие, делай то же,

подражая св. Иоанникию Великому, который после каждого стиха читаемых им на правиле псалмов повторял свою краткую молитовку: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой».

Сколько раз повторять Иисусову молитву, определи по совету духовного отца твоего. Только с большого числа не начинай, а потом, по мере услаждения этой молитвой, прибавляй понемногу. Если придёт желание повторить положенное число, не отказывай себе в этом, но и не ставь себе это в постоянное правило, а только на этот случай, и сколько бы ни потребовало сердце таких повторений – не отказывай.

Не спеши гнать одну молитву за другой, а размеренно произноси их, как обычно говорят перед большим лицом, когда просят его о чём-нибудь. Однако не об одних словах заботься, а более о том, чтобы ум был в сердце и предстоял Господу, как присущему, с полным сознанием Его величия, благодати и правды.

Если имеешь свободу, то во время между одним и другим молитвословием положи себе становиться, как обычно становишься на молитву, и возносить ко Господу несколько раз эту молитву. А если нет такой свободы, то внутренне вставляй молитву всюду между твоими делами и даже речами.

Творя эту молитву на правиле или кроме него, становись в молитвенное положение, при каждом её повторении делай поклон – десять раз поясной, а потом земной – и так, пока кончишь... Святые Отцы в своих правилах о молитве

полагают множество поклонов. Один из них сказал: недостаточна молитва, если кто не утрудил на ней своего тела поклонами. Если ты положишь, по силе твоей, подражать этому, то скорее увидишь плод от своего труда по приобретению навыка в молитве Иисусовой.

Затем в уроках отцов ты найдёшь указания: как сидеть, как держать голову и действовать дыханием. Эти приёмы не существенно необходимы, а есть только внешние приспособления, пригодные не для всех. Для тебя довольно быть вниманием в сердце пред лицом Господа и возносить к Нему эту краткую молитовку благоговейно и смиренно, с поклонами, когда стоишь на правиле, и с одним мысленным припаданием, когда делаешь это между делами.

Заметь ещё, что вниманием надо быть в сердце или внутри груди... и там повторять молитву Иисусову. Когда от напряжения сердце начнёт щемить, тогда поступи, как советует монах Никифор: подымись с того места и стань со вниманием молитвенным словом там, где мы обыкновенно ведём беседу с самими собой, – наверху груди. После опять сойдёшь к сердцу. Не побрезгуй этим замечанием, каким бы оно ни показалось тебе простым и мало духовным.

У Святых Отцов встретишь много предостережений. Поводами к ним послужили опыты неправильных действий. Чтобы избежать этих неправильностей, имей советника – духовного отца или собеседника – единомысленного брата и

поверяй им всё, случающееся при таком твоём труде. Сам же всегда действуй в наибольшей простоте, в великом смирении и неприсвоении себе успеха. Помни, что настоящий успех происходит внутри незаметно, не выдаваясь, как совершается рост тела. Потому, когда возгласится у тебя внутри: «А, вот оно!» – знай, что это возглас вражий, представляющий тебе нечто кажущееся вместо действительного. Тут начало самопрельщения. Заглушай этот голос сразу, иначе он как труба будет гудеть у тебя, питая сомнение.

Не определяй времени, потребного для успеха в этой молитве, только трудись. Пройдут месяцы и годы, пока покажутся слабые начатки успеха. Один из афонских отцов говорил о себе, что прошло два года труда, пока согрелось сердце; у некоего же другого это пришло через восемь месяцев. У всякого это происходит по мере сил его и усердия к этому делу.

Из книги «Невидимая брань»

Предисловие к книге старца Иосифа «Выражение монашеского опыта» проигумена святой общежительной обители преподобного Филофея на Святой горе архимандрита Ефрема

Помню, мне было девятнадцать лет, когда я отправился в Сад нашей Пресвятой, на Святую гору. Путь этот, ведущий к монашескому житию, указала мне моя добродетельная и монахолюбивая мать, ныне монахиня Феофания.

В первые годы бедствий оккупации, когда я ради работы бросил школу, в одну из двух старостильных церквей Волоса¹ пришёл приходским священником иеромонах-святогорец. Он принадлежал к братии старца Иосифа Исихаста, как сам его называл. Этот иеромонах стал для меня в то время драгоценным советчиком и помощником в моей духовной жизни. Я избрал его своим духовным отцом и, благодаря его беседам и советам, вскоре начал чувствовать, как сердце моё удаляется от мира и устремляется к Святой горе. Особенно когда он мне рассказывал о жизни старца Иосифа, что-то загоралось во мне, и пламенными становились моя молитва и желание поскорее узнать его.

Когда наконец подошло время, в одно прекрасное утро 26 сентября 1947 года, кораблик потихоньку перенёс нас из мира к святоимённой горе, так сказать, от берега времени к противоположному берегу вечности.

У причала скита Святой Анны нас ожидал почтенный старец отец Арсений.

– Ты не Яннакис из Волоса? – спросил он меня.

– Да, старче, – говорю ему я. – А откуда вы меня знаете?

– А старец Иосиф узнал это от Честного Предтечи, – говорит он. – Он явился ему вчера вечером и сказал: «Посылаю тебе овечку. Возьми её к себе в ограду».

Тогда моя мысль обратилась к Честному Предтече, моему покровителю, в день рождества которого я родился. Я почувствовал большую признательность ему за эту заботу обо мне.

– Ну, Яннакис, пойдём, – говорит мне отец Арсений. – Пойдём, потому что старец ждёт нас.

Мы поднялись. Какие чувства охватили меня! Ни у кого не хватило бы сил их описать.

В тот вечер в церковке Честного Предтечи, высеченной внутри пещеры, я положил поклон послушника. Там, в полутьме, душа моя узнала только ей ведомым образом светлый облик моего святого старца.

Я был самым младшим из братии по телесному и духовному возрасту. А старец Иосиф был одной из крупнейших святогорских духовных величин нашего времени. Я пробыл рядом с ним двенадцать лет, обучаясь у его ног. Столько он прожил после моей встречи с ним. Бог удостоил меня служить ему до его последнего святого вздоха. И он был поистине достоин всяческого служения в благодарность за его великие духовные труды, за его святые молитвы, которые он оставил нам как драгоценное

¹ Город в Фессалии (область Греции)

духовное наследство. Я убедился в том, что он был подлинным богоносцем, превосходным духовным полководцем, опытейшим в брани против страстей и бесов. Невозможно было человеку, каким бы страстным он ни был, находиться рядом с ним и не исцелиться. Только бы он был ему послушен.

Для монахов старец Иосиф выше всего ставил христоподражательное послушание. Для мирян отдавал предпочтение умной молитве, но всегда по указанию опытных наставников, ибо посмотрелся на прельщённых людей. «Ты видел человека, который не советуется или не исполняет советы? погоди, вскоре увидишь его прельщённым», – так часто говорил он нам.

В соблюдении нашего подвижнического устава старец был предельно строг. Всею своею душою он возлюбил пост, бдение, молитву. Хлебушек и трапеза – всегда в меру. И если знал, что есть остатки со вчерашнего или позавчерашнего дня, то не ел свежеприготовленную пищу. Однако к нам, молодым, его строгость относительно питания была умеренной, потому что, видя столько телесных немощей, он считал, что должен оказывать нам снисхождение. Но его терпимость, казалось, как бы вся исчерпывалась этим снисхождением. Во всём остальном он был очень требователен. Не потому, что не умел прощать ошибки или терпеть слабости, но желая, чтобы мы мобилизовывали все душевные и телесные силы на подвиг. Ибо, как говорил он, «тем, что мы не отдаём Богу, чтобы этим воспользовался Он, воспользуется другой. Поэтому и Господь даёт нам заповедь возлюбить Его от всей души и от всего сердца, дабы лукавый не нашёл в нас места и пристанища, где мог бы поселиться».

Каждую ночь мы совершали бдение. Это был наш устав. Старец требовал, чтобы мы до крови подвизались против сна и нечистых помыслов. Сам он совершал бдение в темноте в своей келлийке, с неразлучным спутником – непрестанной умной молитвой. И хотя он уединялся там, внутри, мы видели, что он знает о том, что происходит снаружи – каждое наше движение и каждый шаг. Ему было достаточно просто взглянуть на нас, чтобы прочесть наши помыслы. И когда он видел, что мы нуждаемся в духовном ободрении, рассказывал о разных удивительных подвигах афонских отцов. Он был очень искусным рассказчиком. Когда он говорил, хотелось слушать его бесконечно. Однако, несмотря на его природный дар повествователя, когда речь заходила о божественном просвещении, о благодатных состояниях, он часто, казалось, испытывал огорчение из-за того, что бедный человеческий язык не мог помочь ему выразить глубину его опыта. Он оставался как бы безгласным, как будто находился далеко от нас, будучи не в силах говорить о том, что обретается на неведомой, пресветлой, высочайшей вершине тайных словес, там, где пребывают простые и непреложные, неизменные и неизреченные тайны богословия.

Мой старец не изучал богословия, однако богословствовал с большою глубиной. Он пишет в одном из писем: «Истинный монах, когда в послушании и безмолвии он очистит чувства и когда успокоится его ум и очистится сердце, принимает благодать и просвещение ведения и становится весь светом, весь умом, весь сиянием и источает богословие, записывая которое и трое не будут успевать за потоком благодати,

изливающейся, подобно волнам, и распространяющей мир и крайнюю неподвижность страстей во всём теле. Сердце пламенеет божественной любовью и взывает: «Задержи, Иисусе мой, волны благодати Твоей, ибо я таю, как воск». И оно действительно тает, не выдерживая. И ум восхищает созерцание, и происходит срастворение, и пресуществляется человек, и делается единым с Богом, так что не знает или не может отделить себя самого, подобно железу в огне, когда оно накалится и уподобится огню».

Из этих слов видно, что божественный мрак, озаряемый нетварным светом, не был для него неведомой и неприступной областью, но был известен ему как место и образ присутствия Бога, как тайна неизреченная, как свет пресветлый и яснейший. И это потому, что мой старец умел молиться. Часто, когда он выходил из многочасовой сердечной молитвы, мы видели его лицо изменившимся и светлым. Совсем не удивительно, что тот свет, которым постоянно освещалась его душа, временами явственно освещал и его тело. Впрочем, нимб святых – это не что иное, как отблеск нетварного света благодати, который светит и сияет в них, подобно золоту.

Чистота старца была чем-то удивительным. Помню, когда я входил вечером в его келлийку, она вся благоухала. Я ощущал, как благоухание его молитвы наполняло всё, что его окружало, воздействуя не только на наши внутренние, но и на внешние чувства. Когда он беседовал с нами о чистоте души и тела, всегда приводил в пример нашу Пресвятую.

– Не могу вам описать, – говорил он, – как любит наша Пресвятая целомудрие и чистоту. Поскольку Она – Единая Чистая Дева, то и всех таковых нас любит и желает.

И ещё он говорил:

– Нет другой жертвы, более благоуханной перед Богом, чем чистота тела, которая приобретается кровью и страшным подвигом.

И заканчивал словами:

– Поэтому понуждайте себя, очищая душу и тело; совершенно не принимайте нечистых помыслов.

Если говорить о молчании, скажу, что он не произносил ни слова без нужды. Особенно во время Великого поста, когда они были вдвоём с отцом Арсением и хранили молчание целую неделю. Говорили только после субботней вечерни до воскресного повечерия и затем молчали целую неделю. Объяснялись жестами. И поскольку старец узнал, как велика польза от подвига молчания, то и нам запрещал разговаривать между собой; только ради крайней необходимости он позволял нам нарушать молчание. Когда он посылал кого-то из нас для выполнения некоторого «служения» за пределы нашего исихастирия², то не разрешал нам говорить ни с кем. Помню, когда я возвращался, он всегда устраивал мне строгий допрос, сохранил ли я совершенное послушание и молчание. За нарушение в виде двух-трёх слов моя первая епитимья была двести поклонов.

Однако этот небесный человек умел с таким мастерством исцелять страсти своих послушников, что, просто находясь рядом с ним, они становились другими людьми. Но оставались немногие, хотя многие приходили. Остаться с ним было нелегко. В частности, меня его отеческая любовь воспитывала так, что, наверное, некоторым, если бы они услышали, это показалось бы невероятным. Например,

² Так в Греции называют небольшие монастыри или кельи

за двенадцать лет, которые мы прожили вместе, всего лишь несколько раз я услышал своё имя из его уст. Чтобы обратиться ко мне или меня позвать, он использовал всевозможные бранные слова и все соответствующие им эпитеты. Но сколько любви было в этих искусных колкостях, какое чистое сочувствие стояло за этой бранью! И как благодарна сейчас моя душа за эти хирургические вмешательства его чистейшего языка!

Мы пробыли в пустыне довольно долго. Но из-за различных напастей почти все болели. Старец получил в молитве извещение, что нам нужно спуститься пониже, что и было сделано. Там климат был помягче, труды поумеренней, и мы все поправились, за исключением старца: он болел всю свою жизнь. Может быть, от поста, может быть, от трудов бдения, от молитвы до пота или под действием искушений. Во всяком случае, от всего этого он весь превратился в одну сплошную рану.

Однажды я спросил его:

– Старче, почему и сейчас, после такого изнурения, вы так строго поститесь?

И он мне ответил:

– Сейчас, дитя мое, я пощусь, чтобы наш Благий Бог дал вам Свою благодать.

Но, несмотря на его телесные болезни и страдания, он ощущал в себе такую душевную благодать и блаженство, что, затрудняясь их описать, говорил, что чувствует, будто у него в душе рай.

Наконец пришло время его отшествия. Смерти он ожидал всю свою жизнь, ибо пребывание его здесь было подвигом, трудом и болезнью. Его душа жаждала упокоения, и тело тоже. И, несмотря на то, что с самого начала он привил нам твёрдую память смерти, на нас произвело очень сильное впечатление то, как он свыкся

со «страшнейшим таинством смерти». Казалось, что он готовится к празднику. Так совесть извещала его о божественной милости. Однако в последние дни он снова стал плакать больше обычного. Отец Арсений говорит, чтобы его утешить:

– Старче, вы столько трудились, столько молились всю свою жизнь, столько плакали, и опять плачете?

Старец посмотрел на него и вздохнул:

– Ах, отец Арсений, правда то, что ты сказал, но ведь я – человек. Разве я знаю, было ли угодно то, что я сделал, моему Богу? Он Бог. Он судит не так, как мы, люди. И разве мы вернёмся ещё сюда, чтобы поплакать? Только то, что успеет сейчас каждый из нас... Чем больше будет рыдать и плакать, тем большее получит утешение.

Любовь его к нашей Пресвятой была выше всякого описания. Стоило ему упомянуть Её имя, как глаза его наполнялись слезами. Он давно просил Её забрать его, чтобы он получил отдохновение. И Всевластица услышала его. Она известила его за месяц до его отшествия. Тогда старец позвал меня и указал, что нам нужно приготовить. Мы стали ждать.

Накануне его преставления, 14 августа 1959 года, старца посетил господин Схинас из Волоса. Они были очень близко знакомы.

– Как поживаете, старче? – спросил его Схинас. – Как ваше здоровье?

– Завтра, Сотирис, отправляюсь на вечную родину. Когда услышишь колокола, вспомни моё слово.

Вечером на всеобщем бдении в честь Успения нашей Пресвятой старец пел, сколько мог, вместе с отцами. На Божественной литургии во время причащения Пречистых Тайн он сказал: «Напутие живота вечного».

Наступил рассвет 15 августа. Старец сидит в своём мученическом креслице во дворе нашего исихастирия, ожидает часа и мгновения. Он не сомневается в извещении, которое ему дала наша Пресвятая, но, видя, что время идёт и солнце восходит, начинает чувствовать что-то вроде огорчения, беспокойства от задержки. Это – последнее посещение лукавого. Старец позвал меня и сказал:

– Дитя моё, почему Бог медлит и не забирает меня? Солнце восходит, а я ещё здесь!

Видя, как старец печалится и почти уже не может терпеть, я осмеливаюсь сказать ему:

– Старче, не огорчайтесь, сейчас мы начнём читать молитву, и вы отойдёте.

Его слёзы прекратились. Отцы взяли каждый за свои чётки и начали усиленно молиться. Не прошло и четверти часа, как он мне говорит:

– Позови отцов, чтобы положили поклон, потому что я отхожу.

Мы поклонились ему в последний раз. Вскоре после этого он поднял свои глаза и неотрывно смотрел вверх около двух минут. Затем повернулся и, исполненный трезвения и невыразимого душевного изумления, сказал нам:

– Всё кончилось, отхожу, отправляюсь, благословите!

И с последними словами приподнял голову вправо, два-три раза тихо открыл и закрыл уста и глаза, и всё. Он предал свою душу в руки Того, Которого желал и Которому работал от юности.

Воистину преподобническая смерть. У нас она вызвала ощущение воскресения. Перед нами был покойник, и уместна была скорбь, но в душе мы переживали воскресение. И это чувство не исчезло. С тех пор оно сопровождает наши воспоминания о приснопамятном святом старце.

Старец Иосиф (1897-1959)
*причислен к лику святых Греческой
Православной Церкви*

Письма к монашествующим и мирянам. «Напишу для моего сына маленькое сочинение...»

Чадо мое возлюбленное!.. Божественная моя утроба и священная, мир тебе!

То, что я хочу тебе написать, сохрани. Пусть это будет для тебя напоминанием. Читай это. И я надеюсь, что получишь пользу.

Бог, дитя моё, создал человека из земли. То есть – после того, как создал всё творение, как сад, сотворил светильники и украсил твердь. Луну, чтобы она начальствовала над всеми звёздами ночи, как некое паникадило со многими огнями, малыми и великими, украшая небо. И землю со множеством деревьев, малых и великих. Зверей и гадов. Птичек разной величины, летающих под небом. Домашних животных и птиц для пользы человека. Море со всеми видами рыб. Всё для того, чтобы ел и удивлялся человек. И над всем этим сотворил великое светило, чтобы оно начальствовало над днём, всё согревало своим теплом и обо всём заботилось и всё украшало своим светом.

А человек создан в конце, как царь над всем, как зритель, приглашённый в театр. О величие! О честь для человека! Всё песнословит Бога – всё одушевлённое и неодушевлённое. Одно – своим голосом, другое – движением своих листьев. Всё имеет свой голос, и маленькая травинка, если сожмёшь её в руке, кричит: благоухание, которое она испускает, – это её голос.

Итак, всё, о чём говорит Святое Писание, – всё появилось ради человека. Поэтому Он создал человека последним из всех, чтобы человек увидел всё это зело доброе и, веселясь, наслаждался созерцанием этого.

А как совершилось создание человека? Взял Он землю – самое смиренное вещество, чтобы человек был всегда смиренным: нет ничего смиренней земли. Устроил глиняный домик и, дунув в него, создал человеческую душу... Итак, как в четыре стены из брения, вложил Бог божественное дуновение, вложил Свое дыхание.

О величие небесное! О слава и честь человека! Он смиренное брение, но и божественное дыхание! Наступит мгновение, когда он изменится. «Земля еси и в землю отыдеши»[137]. Исполнится слово нашего Создателя. А божественное дуновение, божественное дыхание – что станет с ним? Как земля возвратится в землю, так и душа, будучи Божиим дуновением, возвратится к Богу. Да, но как? Когда душа произошла от Бога, она была благоуханным божественным дыханием, но такова ли она теперь? Нет, не такова. Итак, что с ней будет? Необходимо очищение. Слёзы, плач, боль, ибо ты опечалил столь доброго и благодетельного Отца, Бога, Который тебя, брение, так прославил, даровал тебе Своё божественное дыхание, – эти дела покаяния очистят тебя по Его благодати. Итак, плачь и рыдай, чтобы Он снова возвратил тебя в прежнее состояние.

И когда ты плачешь со жгучей болью в душе из-за того, что согрешил, из-за того, что опечалил Бога, после плача тебя осеняют утешение и отрада. И тогда открывается дверь молитвы.

Видел я плачущего человека, который хотел удержать слёзы, потому что кому-то случилось войти, и не смог их удержать. Ибо они текут с такой силой, как будто человека кто-то смертельно ранил.

Молитва с болью рождает плач. Плач приносит слёзы. Слёзы, в свою очередь, рождают более чистую молитву. Ибо слёзы, как благоуханное миро, отмывают грязь, и очищается дыхание Божие, которое, как некий голубь, затворено в четырёх стенах, как в четырёх стихиях... И тогда, лишь только разрушатся и упадут стены, голубь сразу летит к Отцу, от Которого произошёл.

Из книги «Выражение монашеского опыта»

«Московский Златоуст»

Акафист «Слава Богу за всё» написал в после-революционные годы митрополит Трифон (в миру Борис Петрович Туркестанов). Именно о нём, ещё младенце, старец

Амвросий Оптинский сказал стоящему перед ним народу: «Дайте дорогу, архиерей идёт». В 1887 году Борис поступил послушником в Оптину пустынь к старцу Амвросию, который и благословил его на монашество. В 1891 году Борис принял монашеский постриг с именем Трифон. В 1895 году окончил Академию со степенью кандидата богословия. С 1895 по 1901 год о. Трифон был смотрителем Московского Духовного училища, ректором Вифанской, а затем Московской Духовных семинарий. В 1901 году стал епископом Дмитровским, викарием Московской епархии, и был на этом посту почти 15 лет. За удивительный дар слова верующий народ прозвал епископа Трифона «Московским Златоустом». Владыка был духовно близок со многими подвижниками Русской Церкви – Оптинскими старцами Анатолием и Варсонофием, старцем Гефсиманского скита Варнавой, старцем Захарией. В 1931 году... в годовщину 30-летия своего епископского служения архиепископ Трифон был возведён в сан митрополита.

В 20-30-е годы слово владыки Трифона было законом для тех, кто сохранил

истинную веру и духовный разум в ужасах российской жизни; народ верил, что его устами говорил сам Господь.

Незадолго до своей кончины митрополит Трифон написал этот удивительный акафист, который стал его духовным завещанием. «Слава Богу за всё» – в этих словах главный духовный опыт Русской Православной Церкви во время самых жестоких гонений, когда-либо в истории переносимых Церковью Христовой.

Сам Христос сказал: «Мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33), и потому, какими бы трудными и печальными ни были события земной истории, сила Божия всегда побеждает. Идёт смертельный бой, и мы знаем, что Христос уже победил врага рода человеческого, но должен победить и каждый человек. Воскресение стало возможным только после Голгофы, и кажущееся поражение миллионов умирающих за веру и правду становится победой – путём к жизни вечной, нескончаемой, радостной. Об этом и поёт вдохновенно великий сын России, благодаря Бога за «все ведомые и сокровенные благодеяния Твоя, за земную жизнь и за небесные радости Царствия Твоего будущего», чтобы, «умножив вверенные нам таланты, мы вошли в вечную радость Господа своего с победной хвалой: Аллилуия!»

Скончался митрополит Трифон 14 июня 1934 года и был погребён на Введенском кладбище в Москве. Могила его и донныне является предметом почитания миллионов православных россиян.

Акафист «Слава Богу за всё»

Кондак 1

Нетленный Царю веков, содержащий в деснице Своей все пути жизни человеческой силою спасительного промысла Твоего, благодарим Тя за все ведомые и сокровенные благодеяния Твоя, за земную жизнь и за небесные радости Царства Твоего будущего. Простирай нам и впредь Твои милости, поющим: Слава Тебе, Боже, вовеки.

Икос 1

Слабым беспомощным ребёнком родился я в мир, но Твой Ангел простёр светлые крылья, охраняя мою колыбель. С тех пор любовь Твоя сияет на всех путях моих, чудно руководя меня к свету вечности. Славно щедрые дары Твоего Промысла явлены с первого дня и донныне. Благодарю и взываю со всеми, познавшими Тя:

Слава Тебе, призвавшему меня к жизни;

Слава Тебе, явившему мне красоту вселенной.

Слава Тебе, раскрывшему предо мною небо и землю как вечную книгу мудрости;

Слава Твоей вечности среди мира временного.

Слава Тебе за тайные и явные милости Твои;

Слава Тебе за каждый вздох грусти моей.

Слава Тебе за каждый шаг жизни, за каждое мгновение радости;

Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 2

Господи, как хорошо гостить у Тебя: благоухающий ветер, горы, простёртые в небо, воды, как беспредельные зеркала, отражающие золото лучей и лёгкость облаков. Вся природа таинственно

шепчется, вся полна ласки, и птицы и звери носят печать Твоей любви. Благословенна мать-земля с её скоротекущей красотой, пробуждающей тоску по вечной отчизне, где в нетленной красоте звучит: Аллилуия!

Икос 2

Ты ввёл меня в эту жизнь, как в чарующий рай. Мы увидели небо, как глубокую синюю чашу, в лазури которой звенят птицы, мы услышали умиротворяющий шум леса и сладкозвучную музыку вод, мы ели благоуханные и сладкие плоды и душистый мёд. Хорошо у Тебя на земле, радостно у Тебя в гостях.

Слава Тебе за праздник жизни;

Слава Тебе за благоухание ландышей и роз.

Слава Тебе за сладостное разнообразие ягод и плодов;

Слава Тебе за алмазное сияние утренней росы.

Слава Тебе за улыбку светлого пробуждения;

Слава Тебе за земную жизнь, предвестницу небесной.

Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 3

Силою Духа Святого обоняет каждый цветок, тихое веяние аромата, нежность окраски, красота Великого в малом. Хвала и честь животворящему Богу, простирающему луга, как цветущий ковёр, венчающему поля золотом колосьев и лазурью васильков, а души – радостью созерцания. Веселитесь и пойте Ему: Аллилуия!

Икос 3

Как Ты прекрасен в торжестве весны, когда воскресает вся тварь и на тысячи ладов радостно взывает к Тебе: Ты

источник жизни, Ты победитель смерти. При свете месяца и песне соловья стоят долины и леса в своих белоснежных подвенечных уборах. Вся земля – невеста Твоя, она ждёт Нетленного Жениха. Если Ты траву так одеваешь, то как же нас преобразишь в будущий век воскресения, как просветятся наши тела, как засияют наши души!

Слава Тебе, изведшему из темноты земли разнообразные краски, вкус и аромат;

Слава Тебе за радушие и ласку всей природы.

Слава Тебе за то, что Ты окружил нас тысячами Твоих созданий;

Слава Тебе за глубину Твоего разума, отпечатлённого во всём мире.

Слава Тебе, благоговейно целую следы Твоей незримой стопы;

Слава Тебе, зажегшему впереди яркий свет вечной жизни.

Слава Тебе за надежду бессмертной идеальной нетленной красоты;

Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 4

Как Ты услаждаешь думающих о Тебе, как животворно святое Слово Твоё, мягче елея и слаще сот беседа с Тобой. Окрыляет и живит молитва к Тебе; каким трепетом наполняется сердце и как величава и разумна становится тогда природа и вся жизнь! Где нет Тебя – там пустота. Где Ты – там богатство души, там живым потоком изливается песнь: Аллилуия!

Икос 4

Когда на землю сходит закат, когда воцаряется покой ночного сна и тишина угасающего дня, я вижу Твой чертог под образом сияющих палат и облачных сеней зари. Огонь и пурпур, золото и лазурь пророчески говорят о неизречённой красоте Твоих селений, торжественно зовут: пойдём к Отцу!

Слава Тебе в тихий час вечера;
Слава Тебе, излившему миру великий покой.

Слава Тебе за прощальный луч заходящего солнца;

Слава Тебе за отдых благодатного сна.

Слава Тебе за Твою благодать во мраке, когда далёк весь мир;

Слава Тебе за умилённые молитвы растроганной души.

Слава Тебе за обещанное пробуждение к радости вечного неувечерного дня; Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 5

Не страшны бури житейские тому, у кого в сердце сияет светильник Твоего огня. Кругом непогода и тьма, ужас и завывание ветра. А в душе у него тишина и свет: там Христос! И сердце поёт: Аллилуия!

Икос 5

Я вижу небо Твоё, сияющее звёздами. О, как Ты богат, сколько у Тебя света! Лучами далёких светил смотрит на меня вечность, я так мал и ничтожен, но со мною Господь, Его любящая десница всюду хранит меня.

Слава Тебе за непрестанные заботы обо мне;

Слава Тебе за промыслительные встречи с людьми.

Слава Тебе за любовь родных, за преданность друзей;

Слава Тебе за кротость животных, служащих мне.

Слава Тебе за светлые минуты моей жизни;

Слава Тебе за ясные радости сердца.

Слава Тебе за счастье жить, двигаться и созерцать;

Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 6

Как Ты велик и близок в мощном движении грозы, как видна Твоя могучая рука в изгибах ослепительных молний,

дивно величие Твоё. Глас Господень над полями и в шуме лесов, глас Господень в рождестве громов и дождей, глас Господень над водами многими. Хвала Тебе в грохоте огнедышащих гор. Ты сотрясаешь землю, как одежду. Ты вздымаешь до неба волны морские. Хвала смиряющему человеческую гордыню, исторгающему покаянный вопль: Аллилуия!

Икос 6

Как молния, когда осветит чертоги пира, то после неё жалкими кажутся огни светильников – так Ты внезапно блистал в душе моей во время самых сильных радостей жизни. И после молниеносного света Твоего какими бесцветными, тёмными, призрачными казались они. Душа гналась за Тобою.

Слава Тебе, край и предел высочайшей человеческой мечты!

Слава Тебе за нашу неутолимую жажду Богообщения.

Слава Тебе, вдохнувшему в нас неудовлетворённость земным;

Слава Тебе, облекшему нас тончайшими лучами Твоими.

Слава Тебе, сокрушившему власть духов тьмы, обрекшему на уничтожение всякое зло;

Слава Тебе за откровения Твои, за счастье чувствовать Тебя и жить с Тобою.

Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 7

В дивном сочетании звуков слышится зов Твой. Ты открываешь нам преддверия грядущего рая и мелодичность пения в гармоничных тонах, в высоте музыкальных красок, в блеске художественного творчества. Всё истинно прекрасное могучим призывом уносит душу к Тебе, заставляет восторженно петь: Аллилуия!

Икос 7

Найтием Святого Духа Ты озаряешь мысль художников, поэтов, гениев науки. Силой Сверхсознания они пророчески постигают законы Твои, раскрывая нам бездну творческой премудрости Твоей. Их дела неволью говорят о Тебе: о, как Ты велик в Своих созданиях, о, как Ты велик в человеке.

Слава Тебе, явившему непостижимую силу в законах вселенной;

Слава Тебе, вся природа полна законов Твоего бытия.

Слава Тебе за всё открытое нам по благодати Твоей;

Слава Тебе за то, что Ты сокрыл по мудрости Твоей.

Слава Тебе за гениальность человеческого ума;

Слава Тебе за животворящую силу труда.

Слава Тебе за огненные языки вдохновения;

Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 8

Как близок Ты во дни болезни, Ты Сам посещаешь больных, Ты Сам склоняешься у страдальческого ложа, и сердце беседует с Тобой. Ты миром озаряешь душу во время тяжких скорбей и страданий, Ты посылаешь нежданную помощь. Ты утешаешь, Ты любовь испытующая и спасающая, Тебе поём песнь: Аллилуия!

Икос 8

Когда я в детстве первый раз сознательно призвал Тебя, Ты исполнил мою молитву, и душу осенил благоговейный покой. Тогда я понял, что Ты – благ и блаженны прибегающие к Тебе. Я стал призывать Тебя снова и снова, и ныне зову:

Слава Тебе, исполняющему во благих желания мои;

Слава Тебе, бодрствующему надо мной день и ночь.

Слава Тебе, врачующему скорби и утраты целительным течением времени;

Слава Тебе, с Тобою нет безнадежных потерь. Ты даруешь всем вечную жизнь.

Слава Тебе, Ты одарил бессмертием всё доброе и высокое, Ты обещал желаемую встречу с умершими;

Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 9

Отчего вся природа улыбается во дни праздников? Отчего тогда в сердце разливается дивная лёгкость, ни с чем земным не сравнимая, и самый воздух алтаря и храма становится светоносным? Это веяние благодати Твоей, это отблеск Фаворского света; тогда и небо и земля хвалебно поют: Аллилуия!

Икос 9

Когда Ты вдохновлял меня служить ближним, а душу озарял смирением, то один из бесчисленных лучей Твоих падал на моё сердце, и оно становилось светоносным, как железо в огне. Я видел Твой таинственный, неуловимый Лик.

Слава Тебе, преобразившему нашу жизнь делами добра;

Слава Тебе, запечатлевшему несказанную сладость в каждой заповеди Твоей.

Слава Тебе, явно пребывающему там, где благоухает милосердие;

Слава Тебе, посылающему нам неудачи и скорби, дабы мы были чуткими к страданиям других.

Слава Тебе, положившему великую награду в самоценности добра;

Слава Тебе, приемлющему высокий порыв.

Слава Тебе, возвысившему любовь превыше всего земного и небесного;

Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 10

Разбитое в прах нельзя восстановить, но Ты восстанавливаешь тех, у кого истлела совесть, Ты возвращаешь прежнюю красоту душам, безнадежно потерявшим её. С Тобой нет непоправимого. Ты весь любовь. Ты – Творец и Восстановитель. Тебя хвалим песнью: Аллилуия!

Икос 10

Боже мой, ведый отпадение гордого ангела Денницы, спаси меня силою благодати, не дай мне отпасть от Тебя, не дай усомниться в Тебе. Обостри слух мой, дабы во все минуты жизни я слышал Твой таинственный голос и взывал к Тебе, вездесущему:

Слава Тебе за промыслительное стечение обстоятельств;

Слава Тебе за благодатные предчувствия.

Слава Тебе за указание тайного голоса;

Слава Тебе за откровения во сне и наяву.

Слава Тебе, разрушающему наши бесполезные замыслы;

Слава Тебе, страданиями отрезвляющему нас от угара страстей.

Слава Тебе, спасительно смиряющему гордыню сердца;

Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 11

Через ледяную цепь веков я чувствую тепло Твоего Божественного дыхания, слышу струящуюся кровь. Ты уже близок, часть времени рассеялась. Я вижу Твой Крест – он ради меня. Мой дух в прахе пред Крестом: здесь торжество любви и Спасения, здесь не умолкает вовеки хвала: Аллилуия!

Икос 11

Блажен, кто вкусит вечерю во Царствии Твоём, но Ты уже на земле приобщил меня этого блаженства. Сколько раз Ты простирал мне Божественной десницей Тело и

Кровь Твоя, и я, многогрешный, принимал эту святыню и чувствовал Твою любовь, несказанную, сверхъестественную.

Слава Тебе за непостижимую живительную силу благодати;

Слава Тебе, воздвигшему Церковь Твою как тихое пристанище измученному миру.

Слава Тебе, возрождающему нас животворящими водами крещения;

Слава Тебе, Ты возвращаешь кающимся чистоту непорочных лилий.

Слава Тебе, неиссякаемая бездна прощения;

Слава Тебе за чашу жизни, за хлеб вечной радости.

Слава Тебе, возведшему нас на небо;

Слава Тебе, Боже, вовеки.

Кондак 12

Я видел много раз отражение славы Твоей на лицах умерших. Какой неземной красотой и радостью светились они, как воздушны, нематериальны были их черты, это было торжество достигнутого счастья, покоя; молчанием они звали к Тебе. В час кончины моей просвети и мою душу, зовущую: Аллилуия!

Икос 12

Что моя хвала пред Тобой! Я не слышал пения Херувимов, это удел высоких душ, но я знаю, как хвалит Тебя природа. Я созерцал зимой, как в лунном безмолвье вся земля тихо молилась Тебе, облечённая в белую ризу, сияя алмазами снега. Я видел, как радовалось о Тебе восходящее солнце и хоры птиц гремели славу. Я слышал, как таинственно о Тебе шумит лес, поют ветры, журчат воды, как проповедуют о Тебе хоры светил своим стройным движением в бесконечном пространстве. Что моя хвала! Природа послушна, а я – нет, пока живу, я вижу любовь Твою, хочу благодарить, молиться и взывать.

Слава Тебе, показавшему нам свет;
Слава Тебе, возлюбившему нас любовью глубокой, неизмеримой, божественной.

Слава Тебе, осеняющему нас светом, сонмами Ангелов и святых;

Слава Тебе, Всесвятый Отче, заповедавший нам Твоё Царство.

Слава Тебе, Искупителю Сыне, открывший нам путь к спасению;

Слава тебе, Душе Святой, Животворящее Солнце будущего века.

Слава Тебе за всё, о Троице Божественная, Всеблагая;

Слава Тебе, Боже, во веки.

Кондак 13

О Всеблагая и Животворящая Троице, прими благодарение за вся милости Твоя и яви нас достойными Твоих благодеяний, дабы, умножив вверенные нам таланты, мы вошли в вечную радость Господа своего с победной хвалой: Аллилуия!

Этот кондак читается трижды, затем 1-й икос: «Слабым беспомощным ребёнком...»

и 1-й кондак: «Нетленный Царю...».

Молитва Господня

Отче наш, Иже еси на небесех!

Да святится имя Твое,
да придет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь;
и остави нам долги наша,
якоже и мы оставляем должником нашим;

и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукаваго.

Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки.

Аминь.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Об отрицании Церкви

Одним из важных разделов православной догматики и богословия является учение о Церкви. Если времена двух первых Вселенских Соборов были эпохой тринитарных споров, когда в постановлениях Никейского и Константинопольского Соборов выкристаллизовалось из Священного Писания и Предания православное учение о Святой Троице, а время последующих Соборов, включая последний, VII Никейский Собор, – эпохой христологии, когда учение о Христе, органически содержащееся в Евангелии, приняло форму догмата, то последние века выдвинули на первый план богословских изысканий экклезиологические проблемы. Учение о Церкви – это основная граница, разделяющая православный и неправославный мир. Учение Церкви о Церкви остаётся невыясненным для многих христиан и поэтому вызывает частые сомнения и недоумения. Одни отождествляют Церковь с церковнослужителями и священнослу-

жителями и на основании их этического и интеллектуального уровня делают свои выводы о самой Церкви (это примитивное конкретное мышление); другие, напротив, смотрят на идею Церкви как на абстракцию, и поэтому произвольно манипулируют тезисами и текстами, не считаясь с Церковью как с исторической реалией. (Для таких взглядов характерен адогматизм, а в последнее время экзистенциализм.) Понятие о Церкви то расширяется до пределов космоса (оригенизм и софиология: «Церковь – это литургисающий космос», С. Булгаков), то сужается до пределов общины: секты и группы верующих во Христа (протестантизм), то прилагается к любой религии независимо от её содержания вплоть до сатанических религий (суперэкуменизм и теософия), то признаётся одна будущая небесная Церковь, членами которой могут стать люди различных конфессий и даже неверующие, в зависимости от их нравственного уровня (либеральное

христианство). Здесь религия сводится к понятию нравственности, этики и, теряя догматическое содержание и мистическую глубину, низводится до утилитарных норм поведения. Центром такой религии становится не Бог, а человеческое общество; целью – не богообщение, а польза, которую личность может принести коллективу.

Такая безрелигиозная религия может действовать под маской нетрадиционного христианства. Современная интеллигенция, будучи преимущественно интеллигенцией технократической, лишённая традиций и аристократизма прежних поколений, склонна в своей значительной части игнорировать или отвергать Церковь. Для неё Церковь представляется антиподом свободы, системой запретов, в рамках которой не может проявляться индивидуальное творчество тех, кто желает экспериментировать с религией, как физики в своих лабораториях. Принцип иерархии, подчинённости, необходимый для борьбы с эгоизмом и своими страстями, им чужд. Напротив, они привыкли смотреть на человеческий рассудок как на универсальный инструмент, который может своими силами вскрыть все тайны бытия физического и духовного миров, поэтому они склонны, едва соприкоснувшись с религией, повторить слова Уитмена: «Скажи мне, кто прошёл дальше всех, чтобы мне пройти ещё дальше». Если им не удастся превратить Церковь в полигон для испытания своих изобретений и идей, то такие попутчики вскоре порывают с ней и называют себя «свободомыслящими христианами» или «христианами для себя». Затем у них начинается полосу богостроительства, а если находятся сообщники, то церковного строительства.

Близко к ним стоят модернисты, которые не отрицают Церковь, но считают её эволюционирующим организмом и поэтому стараются приспособить к вкусам и понятиям современного им общества. В этом случае не мир идёт за Церковью, а Церковь идёт за миром. У экспериментаторов и модернистов не хватает религиозной интуиции, чтобы отличить вечное от временного, духовное от материального, не хватает культуры мысли, чтобы увидеть предел и границы возможностям человеческого разума, за которыми простирается область тайны и веры, не хватает нравственного чувства, чтобы ощутить и понять свою греховность, необходимость изменить себя по идеалу Церкви, а не Церковь изменить по своему подобию. У них не хватает аристократизма духа, чтобы оценить значение преемственности и традиции. В настоящее время нередко можно услышать вопрос: «Я верю в Бога и принимаю Евангелие. Зачем нужна Церковь?»

Всякий организм может существовать только в своей жизненной среде, вне её он погибает. Церковь – это жизненная среда христианина, это духовная атмосфера, которой он дышит. Церковь – это мистическое тело Христа Спасителя. Церковь земная и Небесная неразрывно соединены друг с другом в Духе Святом. В земной Церкви открывается Небесная Церковь; она реально присутствует в каждом богослужении. Церковь – это царство Божие, начинающееся на земле и продолжающееся в вечности. Церковь всегда обращена к вечности, она готовится человека для вечности. Церковь в апокалиптических пророчествах представлена в образе Матери, рождающей в муках ребёнка. Церковь в муках и

боли рождает каждого христианина для вечной жизни. Онтологический аспект Церкви – это Церковь как реализация Божественных обетований, как динамика духовной жизни, как поле Божественных сил и энергий, в которое включается человеческая душа.

Церковь – это единство любви человека к Богу и людей друг к другу. Здесь психологический аспект Церкви. У человека есть потребность к общению: собираются вместе родные, сходятся друзья; первые – в знак солидарности, вторые – в силу общности взглядов и интересов. Человек ощущает в этом общении душевную помощь и поддержку. С друзьями горе становится более лёгким, а радость увеличивается. Если человек делится с друзьями тем, что имеет, то становится как бы богаче, если прячет это от других для себя, то становится беднее. С друзьями его жизнь как бы расширяется, становится более полной и ёмкой. А Церковь – это воплощение высшей духовной любви в главных её проявлениях: в молитве и таинствах.

В искреннем общении с друзьями образуется некое поле единства, которое продолжает связывать их даже на расстоянии. В Церкви это – поле благодати Божией и единство веры, высшая форма реализации любви в общей молитве и в мистическом соучастии в таинствах. Церковь – это световой круг, за пределами которого лежит мир с его нераскаянными грехами и страстями, с его эгоизмом, бегущим от Бога в область хаоса, в никуда.

Многие недоумевают: «Зачем нужна совместная молитва? Дома наедине с самим собой молиться спокойнее, легче и лучше». Церковь – это единство в молитве. Малые капли дождя собира-

ются в один поток, под мощным напором которого не могут устоять даже каменные глыбы. Свет множества свечей сливается в одно сияние, озаряющее огромное пространство храма. Молитва Церкви – это световой столб, устремлённый к небу, молитва одного человека – это только вспыхнувшая искра. Но церковная молитва больше, чем молитва всех людей, находящихся в храме, которая вменяется каждому как его собственная молитва. В храме вместе с людьми молятся святые и Ангелы, поэтому в богослужении участвует вся полнота Небесной и земной Церкви. В этом тайна Церкви.

Духовная жизнь – это непрестанная битва с силами ада, с духом мира и со своими страстями. В Церкви христианин чувствует себя как в непобедимой войске, вне Церкви он один выходит на сражение с демоническими силами греха и зла. Храм – это духовная скала, вершина которой касается неба. В храме, не сливаясь, а взаимно проникая друг в друга, соединяются три сферы духовного мира, именуемые небом, космосом и преисподней. В храме пространство трёх миров как бы предельно сжато до плотности большей, чем плотность алмаза. В качестве примера возьмём популярную в наше время космогоническую гипотезу о первичном сверхплотном веществе, из которого, по этой теории, образовался космос; объём его был таков, что вся метагалактика могла бы уместиться на ладони. Для нас это, конечно, только образ той концентрации пространства и времени, когда вся священная история и вся вселенная (видимый и невидимый миры) пребывает в храме не как в своей модели, а реально. В храме время в циклах и ритмах богослужения

принимает свойство вечности, а вечность открывается в человеческом сердце через соприкосновение с благодатью. Встреча души со Христом в молитве и таинствах Церкви – этот поразительный опыт вечности – открывается человеку как новая жизнь, где всё иное, неведомое и неповторимое.

Многие не понимают смысла церковных обрядов. Это знаковая система, особый символический язык, в котором заключено и зашифровано Божественное откровение, это – мистическое видение христианами подвижниками духовного мира и путь к этому видению; то, что в Библии написано словами, в храме воплощается в символах и обрядах.

Не только с мистической, но даже с утилитарно-психологической точки зрения храм выделяется как место, специально посвящённое молитве и богослужению, отличающееся от мирских жилищ с их земным бытом, где на самих вещах лежит печать тревог и забот их хозяев, где обычная обстановка, по закону ассоциативных связей, погружает мысль в круговорот земных дел и забот.

Храм – это место, где каждый предмет является священным символом, напоминает о вечности. Церковь – духовное училище. Те, кто сомневается в необходимости Церкви, забывают, что свое образование или профессию они получили не в своей комнате, а в школах и училищах, получили знания от своих учителей. Основа всякого учения – это преемственность. Необходимо не только знание, но и наличие методов и традиций, согласно которым эти знания передавались бы ученикам. С гностической стороны Церковь – это непрерывный световой поток духовных знаний, идущий

от Христа через апостолов и их преемников. Вне Церкви этот свет, проходя через призмы человеческого восприятия, раздробился бы и затем погас. Кто из людей полностью мог усвоить Божественное откровение и передать потомкам во всей чистоте духовный свет?

Нам могут возразить, что имеется Библия как Слово Божие. Но сама Библия понимается неадекватно. Церковь хранит толкование Библии, восходящее к апостольскому преданию, и богослужение как аналог Библии. Вне Церкви не только затемняется и теряется смысл Священного Писания, но вне Церкви ветхозаветной и новозаветной не существовало самого свода библейских книг; вне Церкви не могло бы произойти разделения книг на канонические, неканонические, апокрифические. Вне Церкви не был бы составлен святоотеческий комментарий этих книг, так как не существовало бы экзегетических и герменевтических традиций. Каждому предоставлялось бы понимать Библию по мере сил и знаний, которые всегда недостаточны, а также под воздействием своих страстей и гордыни, которые часто властвуют над рассудком. Такой человек оставался бы в кругу своих собственных представлений без объективных ориентиров. Вне Церкви христианство превратилось бы в аморфное, расплывчатое учение, не существовало бы догматики как различия метафизической истины от метафизической лжи. Тот, кто не придает значения догматам, забывает, что каждый догмат – это истина, напоённая вечным светом, которая вносит в душу и сознание человека жизнь и свет, делает её способной к богообщению. Ложные догматы – это искажённое представление о Божестве, ложь против Бога, которая

вводит в душу и ум смерть и распад, а ересь – это инъекция яда, впрыснутая в главный нерв человеческого сознания. Вне Церкви не было бы различия между мировоззренческой истиной и ложью, православием и ересью. Вне Церкви не существовало бы знакового языка икон, обрядов, священных предметов храма, самого богослужения, объединяющего людей в её едином сердце. Вне Церкви люди с духовными и мистическими потребностями принуждены были бы создавать свои собственные знаковые индивидуальные системы, которые, возможно, фиксировали бы образы их подсознания, придавая этим образам сакральное значение. Религиозное искусство вне Церкви выродилось бы в абстракцию или в поэтические иллюстрации – аллегории индивидуальных состояний; при этом демонические образы, всплывающие из недр подсознания, из глубин души, могли бы восприниматься как видения духовного мира. Вне традиций священные символы, оторванные от корня, искажались бы и заменялись новыми, а так как человек по своей греховности и страстности ближе к демоническому миру, чем к небу, то эти знаки и образы стали бы проявлением демонофилии, как в современном авангардном искусстве.

Народ в световом поле Логоса превращается в Церковь, в духовное тело, объединённое любовью и верой, единой целью и общностью средств (священной символикой). Народ вне Логоса превращается в толпу, живущую концентрированными страстями и импульсами своего тёмного подсознания. В Церкви человек создается как личность (духовно-нравственная монада), вне Церкви высшей ценностью объявляется или безличностный коллектив, или индивидуальность. Личность – это выявление и реализация целевой идеи человека, то, что сближает людей между собой. Индивидуальность – это те свойства человека, которыми он отличается от другого; характерно, что у современных светских философов понятие личности слилось с гиперболизированной индивидуальностью и внецерковное религиозное искусство занято поисками возможностей выявления и отражения индивидуальности или замещения её абстракциями. Одним из средств этого служит гиперболизированный смех и гиперболизированный ужас – атрибуты демона.

*Из книги «Церковь и мир на пороге
Апокалипсиса»*

Жизнь, изменённая иконой

Мой собеседник Клиффорд (в крещении Исаак) Гарднер – сотрудник главного госпиталя Массачусетса (США). Он вырос в протестантской семье, его жена тоже из

семьи баптистов. В прошлом году они крестились и венчались в православной церкви. Как произошла с ними такая удивительная перемена?

Дева Мария для протестантов загадка

– Однажды я заинтересовался иконами и даже начал учиться их писать. Первой моей работой стала икона Божией Матери «Ярославская». Я человек общительный, люблю поговорить, а иконы надо писать в безмолвии. Преподавательница давала мне указания, и потом мы работали молча. Так что первый написанный мною образ – это 50 часов молчания.

– Как протестанты относятся к Богородице?

– Для них Дева Мария во многом загадка. Они считают Её просто очень хорошим человеком и не понимают всей глубины православного учения о Ней. Я стал читать, что говорится о Божией Матери в Новом Завете и у Святых Отцов. Было ощущение, что я всё лучше узнаю Её лично. Богородица открыла для меня окно в иной мир.

«Хорошо, но мне это неинтересно»

– А как реагировала ваша жена?

– Мэрилин видела, как я изменился, но не понимала меня. В феврале 2006 года я побывал в Чикаго и жил там по соседству с православной церковью Христа Спасителя. Однажды встретил настоятеля, священника Джона Бейкера. Он пригласил на Божественную литургию. И когда началось пение, как будто пелена спала с моих глаз. Это было небесное видение Исайи! Алтарь, фимиам, ангелы и хор: «Свят, Свят, Свят!» Я, наконец, нашёл то, к чему стремилась душа. Рассказал об этом жене. Она ответила: «Хорошо, но мне это неинтересно», а позже заключила: «Мы не можем идти по двум разным дорогам». Тогда я решил не ходить в православный храм, поскольку это могло привести к развалу нашей семьи. Два года не посещал церковь.

Мое последнее желание

– И вдруг всё изменилось. Наш средний сын женился, мы очень радовались. Но вскоре отец моей невестки узнал, что болен раком и ему осталось жить несколько месяцев. Тогда мы с женой задали друг другу вопрос: что бы мы сделали незадолго до смерти? Она сказала, что поехала бы на Ближний Восток, а я сказал, что хотел бы стать православным. Её это очень удивило. И Мэрилин предложила мне сходить вместе в храм. Стоит ли говорить, как я обрадовался! А потом она стала посещать катехизические занятия, узнавать православную веру.

– А ваши дети?

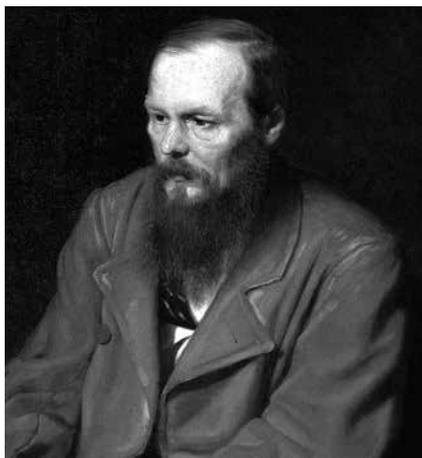
– Когда младший сын вернулся из Кембриджа, мы пригласили его в нашу Воскресенскую церковь, и ему очень понравилось пение, он был просто очарован как музыкант. Примерно через месяц в его жизни произошли радикальные изменения: он пришёл в нашу комнату, встал перед иконами и покаялся перед Богом. Так мы трое стали оглашенными перед Пасхой в 2013 году. Мы пережили замечательный год воцерковления, один из лучших в нашей жизни.

Мэрилин теперь Мария – София

В Великую субботу 2014 года мы были крещены. Я выбрал имя моего любимого Исаака Сирина. Жена спросила, можно ли взять двойное имя: в честь

преподобной Марии Египетской и мученицы Софии. Ей разрешили. А сын стал Игнатием в честь Игнатия Антиохийского. После крещения и миропомазания мы с женой обвенчались. Когда брат моей жены услышал об этом, он удивился: «Ведь я уже венчал вас в протестантской церкви, зачем же вы венчались ещё раз? Наш отец крестил Мэрилин, зачем она снова крестилась? Её мать нарекла ей имя, почему у неё новое имя?» Что мы могли ему ответить? Мы обратились к отцу Патрику, нашему духовнику, за советом. Он дал такой ответ: всё это было приготовлением к тому, что происходит с нами сейчас.

***Василий Томачинский
(«Крестовский мост» №10
ноябрь 2015)***

Достоевский Ф.М.

О любви к народу. Необходимый контракт с народом

Я вот, например, написал в январском номере «Дневника», что народ наш груб и невежествен, предан мраку и разврату, «варвар, ждущий света». А между тем я только что прочёл в «Братской помочи» (сборник, изданный Славянским комитетом [99] в пользу дерущихся за свою свободу славян), в статье незабвенного и дорогого всем русским покойного Константина Аксакова, что русский народ давно уже просвещён и «образован». [100] Что же? Смутился ли я от такого, по-видимому, разногласия моего с мнением Константина Аксакова? Нисколько, я вполне разделяю это же самое мнение, горячо и давно ему сочувствую. Как же я соглашаю такое противоречие? Но в том и дело, что, по-моему, это очень легко согласить, а по другим, к удивлению моему, до сих пор эти обе темы несогласимы. В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и

постоянно мучим, что ещё удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймёт и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружён народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не все же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да ещё какие: сами светят и всем нам путь освещают! Я как-то слепо убеждён, что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да ещё сам себя за неё похваливает, в принцип свою мерзость возводит, утверждает, что в ней-то и заключается l'Ordre и свет цивилизации, и несчастный кончает тем, что

верит тому искренно, слепо и даже честно. Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили её навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если притом и так много грязи, то русский человек и тоскует от неё всего более сам, и верит, что всё это – лишь наносное и временное, наваждение диавольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет. Я не буду вспоминать про его исторические идеалы, про его Сергиев [101], Феодосиев Печерских [102] и даже про Тихона Задонского. [103] А кстати: многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи. Но обращусь лучше к нашей литературе: всё, что есть в ней истинно прекрасного, то всё взято из народа, начиная с смиренного, простодушного типа Белкина, созданного Пушкиным. У нас всё ведь от Пушкина. [104] Поворот его к народу в столь раннюю пору его деятельности до того был беспримечен и удивителен, представлял для того времени до того неожиданное новое слово, что объяснить его можно лишь если не чудом, то необычайною величиною гения, которого мы, прибавлю к слову, до сих пор ещё оценить не в силах. Не буду упоминать о чисто народных типах, появившихся в наше время, но вспомните Обломова, вспомните «Дворянское гнездо» Тургенева. Тут, конечно, не народ, но всё,

что в этих типах Гончарова и Тургенева вековечного и прекрасного, – всё это от того, что они в них соприкоснулись с народом: это соприкосновение с народом придало им необычайные силы. Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному. Не дивитесь, что я заговорил вдруг об русской литературе. Но за литературой нашей именно та заслуга, что она, почти вся целиком, в лучших представителях своих и прежде всей нашей интеллигенции, заметьте себе это, преклонилась перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные. Впрочем, она принуждена была взять их себе в образец отчасти даже невольно. Право, тут, кажется, действовало скорее художественное чутьё, чем добрая воля. Но об литературе пока довольно, да и заговорил я об ней по поводу лишь народа.

Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается всё наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь. И однако же народ для нас всех – всё ещё теория и продолжает стоять загадкой. Все мы, любители народа, смотрим на него как на теорию, и, кажется, ровно никто из нас не любит его таким, каким он есть в самом деле, а лишь таким, каким мы его каждый себе представили. И даже так, что если б народ русский оказался впоследствии не таким, каким мы каждый его представили, то, кажется, все мы, несмотря на всю любовь нашу к нему, тотчас бы отступились от него без всякого сожаления. Я говорю про всех, не исключая и славянофилов;

те-то даже, может быть, пуще всех. Что до меня, то я не потаю моих убеждений, именно чтобы определить яснее дальнейшее направление, в котором пойдёт мой «Дневник», во избежание недоумений, так что всякий уже будет знать заранее, стоит ли мне протягивать литературную руку или нет. Я думаю так: вряд ли мы столь хороши и прекрасны, чтоб могли поставить самих себя в идеал народу и потребовать от него, чтоб он стал непременно таким же, как мы. Не дивитесь вопросу, поставленному таким нелепым углом. Но вопрос этот у нас никогда иначе и не ставился: «Что лучше – мы или народ? Народу ли за нами или нам за народом?» – вот что теперь все говорят, из тех, кто хоть капельку не лишён мысли в голове и заботы по общему делу в сердце. А потому и я отвечу искренно: напротив, это мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться пред правдой народной и признать её за правду, даже и в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четьи-Минеи. [105] Одним словом, мы должны склониться, как блудные дети, двести лет не бывшие дома, но воротившиеся, однако же, всё-таки русскими, в чём, впрочем, великая наша заслуга. Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua non*: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой. Не можем же мы совсем перед ним уничтожиться, и даже перед какой бы то ни было его правдой; наше пусть остаётся при нас, и мы не отдадим его ни за что на свете, даже, в крайнем случае, и за счастье соединения с народом. В противном случае пусть уж мы оба погибаем врозь. Да противного случая и не будет вовсе; я

же совершенно убеждён, что это нечто, что мы принесли с собой, существует действительно, – не мираж, а имеет и образ, и форму, и вес. Тем не менее, опять повторяю, многое впереди загадка и до того, что даже страшно и ждать. Предсказывают, например, что цивилизация испортит народ: это будто бы такой ход дела, при котором, рядом с спасением и светом, вторгается столько ложного и фальшивого, столько тревоги и сквернейших привычек, что разве лишь в поколениях впереди, опять-таки, пожалуй, через двести лет, взрастут добрые семена, а детей наших и нас, может быть, ожидает что-нибудь ужасное. Так ли это по-вашему, господа? Назначено ли нашему народу непременно пройти ещё новый фазис разврата и лжи, как прошли и мы его с прививкой цивилизации? (Я думаю, никто ведь не заспорит, что мы начали нашу цивилизацию прямо с разврата?) [106] Я бы желал услышать на этот счёт что-нибудь утешительное. Я очень склонен уверовать, что наш народ такая огромность, что в ней уничтожатся, сами собой, все новые мутные потоки, если только они откуда-нибудь выскочат и потекут. Вот на это давайте руку; давайте способствовать вместе, каждый «микроскопическим» своим действием, чтоб дело обошлось прямее и безошибочнее. Правда, мы сами-то не умеем тут ничего, а только «любим отечество», в средствах не согласимся и ещё много раз поссоримся; но ведь если уж решено, что мы люди хорошие, то что бы там ни вышло, а ведь дело-то, под конец, наладится. Вот моя вера. Повторяю: тут двухсотлетняя отвычка от всякого дела и более ничего. Вот через эту-то отвычку мы и покончили наш «культурный период» тем, что повсеместно перестали

понимать друг друга. Конечно, я говорю лишь о серьёзных и искренних людях, – это они только не понимают друг друга; а спекулянты дело другое: те друг друга всегда понимали...

Комментарии

[99] Славянский комитет – Московский славянский благотворительный комитет был основан в 1858 г. для оказания помощи школам, библиотекам, церквям в славянских землях и славянам, учившимся в России. Позднее были организованы отделения комитета в других городах (Петербургское – в 1868 г.).

[100] ...я только что прочёл в «Братской Помочи» – давно уже просвещён и «образован». – Статья славянофила К.С. Аксакова (1817–1860) «О современном человеке», посмертно опубликованная в сборнике: «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». Издание Петербургского отдела Славянского комитета. СПб., 1876. С. 241–288. (Достоевский был членом комиссии по изданию этого сборника). Идеальной формой объединения людей К.С. Аксаков считал «общество», имея в виду «такой акт, в котором каждая личность отказывается от своего эгоистического обособления не из взаимной своей выгоды, <...> а из того общего начала, которое лежит в душе человека, из той любви, из того братского чувства, которое одно может созидать истинное общество» (с. 255). Развивая это положение, он писал: «Так как общество, в своём высоком, настоящем смысле, не есть натуральное, прирождённое явление человека, то для понимания и признания общества как начала нужен уже подвиг духовный. По отношению человека

к великому вопросу общества можно судить о степени образования человека, принимая слово образование в смысле духовной высоты. Русский народ понял общество важно и строго; оно явилось у него с незапамятных времён, во всей истине своего значения и получило своё русское многозначительное наименование: мир. Вот почему так высоко стоит по образованию своему русский крестьянин, весь проникнутый доселе своим древним началом общества, мира» (с. 256–257).

[101] Сергей – Сергей Радонежский (в миру: Варфоломей Кириллович, ок. 1315 или 1319–1392) – основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря вблизи села Радонежа (около современного г. Сергиев Посад Московской области), святой русской православной церкви. Сергей Радонежский был видным церковным и политическим деятелем, сторонником укрепления великокняжеской власти. Он активно содействовал объединению русских князей перед Куликовской битвой.

[102] Феодосий Печерский (ум. 1074) – основатель и игумен Киево-Печерского монастыря, святой русской православной церкви.

[103] Тихон Задонский (в миру: Тимофей Савельевич Соколов, 1724–1783) – епископ Воронежский и Елецкий, святой русской православной церкви, которого Достоевский, как он писал А.Н. Майкову 25 марта (6 апреля) 1870 г., «принял в своё сердце давно с восторгом».

[104] ...обращусь лучше к нашей литературе: всё, что есть в ней истинно прекрасного, то всё взято из народа, начиная с смиренного, простодушного типа Белкина, созданного Пушкиным. У нас всё ведь от Пушкина. – Точка зрения,

согласно которой образ Белкина воплощал типические черты русского народного характера и знаменовал поворот к народу Пушкина, сложилась у Достоевского в начале 60-х гг. на основе почвеннических взглядов, в частности, под влиянием А.А. Григорьева, развивавшего сходную концепцию («Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», 1859; «И.С. Тургенев и его деятельность. (По поводу романа «Дворянское гнездо»)», 1859; и др.). Тогда же сформировалось и представление Достоевского о Пушкине как предтече всех последующих исканий и всего дальнейшего развития русской литературы и общественной мысли. Ср. эту же мысль в июльско-августовском «Дневнике писателя» за 1877 г., гл. II, § 3 «Анна Каренина» как факт особого значения». Обобщающую оценку Пушкина Достоевский дал в речи, произнесённой 8 июня 1880 г. на торжественном заседании Общества любителей российской словесности по случаю открытия в Москве памятника поэту.

[105] ...преклониться пред правдой народной и признать её за правду, даже и в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четьи-Минеи. – Четьи-Минеи – сборники духовно-учительной литературы, в которых материал для чтения распределён по месяцам и числам. В XIX в. преимущественное распространение имели «Четьи-Минеи» Димитрия Ростовского (Даниил Саввич Туптало, 1651–1709), составленные в конце XVII в. из житий святых. В июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. III, 3) Достоев-

ский отмечал, что «по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четьи-Минеи <...> распространён дух её по крайней мере...».

[106] Предсказывают, например, что цивилизация испортит народ (Я думаю, никто ведь не заспорит, что мы начали нашу цивилизацию прямо с разврата?). – Очевидно, эти мысли Достоевского связаны с впечатлением от статьи К.С. Аксакова «О современном человеке», в которой неоднократно говорилось о развращающем влиянии на русское общество со времени петровских реформ западной цивилизации. Её растлевающее воздействие, указывал К.С. Аксаков, проникает и в народную среду, хотя в массе народ сохраняет ещё «свои древние основы быта и жизни», «свои начала» (Братская помочь... С. 252–253, 273–274). Несколько страниц в статье посвящено «губительной силе» «света», и, в частности, говорится: «Уже полтора года лет русское общество приняло (мы говорим об отделившихся от народа верхних классах) образ света со всеми принадлежностями и последствиями и со всем его гибельным вредом для каждого человека как лица, и даже для всего народа (...). Вместе с появлением света в России началась приятная безнравственность» (там же. С. 273–274).

Кроме статьи К.С. Аксакова подобную мысль Достоевский встречал в рецензии Н.К. Михайловского на роман «Бесы» (Отеч. зап. 1873. № 2): «Как и всякая другая, наша цивилизация зачата в грехе».

Из книги «Дневники писателя»

Иван Ильин

Почему мы верим в Россию?

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей Родине, о России. Это естественно и неизбежно: эта скорбь не может и не должна нас покидать. Она есть проявление нашей живой любви к Родине и нашей веры в неё.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что не иссякли благие силы русского народа, что не оскудели в нём Божии дары, что по-прежнему лишь на поверхности омрачённое живёт в нём его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдёт и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы и отпадут, как засохшие листья. Они перестанут видеть Россию в Боге и любить её духом; а это значит, что они её потеряют, выйдут из её духовно-го лона и перестанут быть русскими.

Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит – восприни-

мать Россию сердцем, видеть любовью её драгоценную самобытность и её во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время – указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов и требовать для этого дара – свободы и самостоятельности на земле. Быть русским значит созерцать Россию в Божьем луче, в её вечной ткани, её непреходящей субстанции и любовью принимать её как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским значит верить в Россию так, как верили в неё все русские великие люди, все её гении и её строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за неё и нашу победу. Может быть, и не прав Тютчев, что «в Россию можно только верить», ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть её земное величие и её духовную красоту, и воле надлежит совершить

и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и её не возродить.

Пусть не говорят нам, что Россия не есть предмет для веры, что верить подобает в Бога, а не в земные обстоятельства. Россия перед лицом Божиим, в Божьих дарах утверждённая и в Божьем луче узренная, – есть именно предмет веры, но не веры слепой и противоразумной, а веры любящей, видящей и разумом обоснованной. Россия как цепь исторических явлений и образов есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик.

Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести, в его подвигах; не только в его войнах, но и в сокровенном смысле этих войн. И особенно – в том скрытом от постороннего глаза направлении его сердца и воли, которым проникнута вся его история, весь его омытый быт. Мы должны научиться видеть Россию в Боге – её сердце, её государственность, её историю. Мы должны по-новому – духовно и религиозно осмыслить всю историю русской культуры.

И когда мы осмыслим её так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь предстоял Богу, искал, домо-

гался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божьими мерилками; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, душа его всегда молилась и молитва всегда составляла живое естество его духа.

Верить в Россию значит видеть и признавать, что душа её укоренена в Боге и что её история есть возрастание её от этих корней. Если мы в это верим, то никакие «провалы» на её пути, никакие испытания её сил не могут нас страшить. Естественна наша неутрачиваемая скорбь о её временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но неестественно уныние или отчаяние.

Итак, душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в Его земных явлениях: в правде, праведности и красоте. Когда-то давно, может быть, ещё в доисторические времена, был решён на Руси вопрос о правде и кривде, решён и запечатлён приговором в сказке.

«Надо жить по-Божьи... Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу»... И на этом решении Россия строилась и держалась в течение всей своей истории – от Киево-Печерской лавры до описанных у Лескова «Праведников» и «Инженеров-бессеребрянников»; от Сергия преподобного до унтер-офицера Фомы Данилова, замученного в 1875 году кипчаками за верность вере и родине; от князя Якова Долгорукова, прямившего стойкой правдой Петру Великому, до умученного большевиками исповедника – митрополита Петербургского Венямина.

Россия есть прежде всего – живой сонм русских правдолюбцев, «прямых стоятелей», верных Божьей правде. Какою-то таинственной, могучей уверенностью они знали-ведали, что видимость земной

неудачи не должна смущать прямую и верную душу; что делающий по-Божьи побеждает одним своим деланием, строит Россию одним своим (хотя бы и одиноким, и мученическим) стоянием. И тот из нас, кто хоть раз попытался объять взором сонм этих русских стоятелей, тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему, когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: «Побойся Бога!» – а укоряя, произносит слова: «Бога в тебе нет!» Ибо имеющий Бога в себе носит в своей душе живую любовь и живую совесть: две благороднейшие основы всякого жизненного служения, – священнического, гражданского и военного, судейского и царского. Это воззрение исконное, древнерусское; оно-то и нашло своё выражение в указе Петра Великого, начертанном на Зерцале: «Надлежит пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всяк, творяй дело Божье с небрежением». Это воззрение выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божье. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей – и тех, что сражались за Россию, и тех, что освобождали крестьян от крепостного права (на основах, не осуществлённых нигде в мире, кроме России), и тех, что создавали русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода.

Здоровая государственность и здоровая армия невозможны без чувства собственного духовного достоинства, а русский человек утверждал его на вере

в свою бессмертную, Богу предстоящую и Богом ведомую душу: вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти – и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева.

Но здоровая государственность и здоровая армия невозможны и без верного чувства ранга. И прав был тот капитан у Достоевского, который ответил безбожнику: «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?» Творческая государственность требует ещё мудрости сердечной и вдохновенного созерцания, или, по слову митрополита Филарета, сказанному во время коронавания императора Александра II, – она требует «наипаче таинственного осенения от Господня Духа владычного, Духа премудрости и ведения, Духа совести и крепости».

Этим духом и держалась Россия на протяжении всей своей истории, и отпадения её от этого духа всегда вели её к неисчислимым бедам. Поэтому верить в Россию – значит принимать эти глубокие и великие традиции – её воли к качеству, её своеобразия и служения, укореняться в них и уверенно строить на них её возрождение. И вот когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому что мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живем её духом, который вам чужд и недоступен. Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из коих каждое имеет свой особый вес и кои все вместе ведут нас в глубину нашей веры и нашей верности.

Мы верим в русский народ не только потому, что он доказал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и экономически объединив одну шестую часть земной поверхности; и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племён – разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов («Герой нашего времени», глава I, «Бэла»);

и не только потому, что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар; и не только потому, что он, не защищённый естественными границами, пройдя через века вооружённой борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все свои исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения;

и не только потому, что он создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлечённому парению, – язык, о котором Гоголь сказал: «Что ни звук, то и подарок, и право, иное название ещё драгоценнее самой вещи»... («Выбранные места из переписки с друзьями»);

и не только потому, что он, создавая свою особую национальную культуру, доказал – и свою силу творить новое, и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (Ломоносов);

и не только потому, что он выработал на протяжении веков своё особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утончённым чувством справедливости и неформальным созерцанием права);

и не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе ещё не оценены другими народами по достоинству – ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце;

и ещё не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемые богатства, надземные и подземные, которые обеспечивают ему возможность – в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы – отойти в глубь своей страны, найти там всё необходимое для обороны и для возвращения отнятого расчленителями и отстоять своё место под Божьим солнцем, своё национальное единство и независимость...

Мы верим в Россию не только по всем этим основаниям, но, конечно, мы находим опору и в них. За ними и через них сияет нам нечто большее: народ с такими дарами и с такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории. Он в действительности и не покинут Богом, уже в силу одного того, что душа его искони укоренялась и укоренилась в молитвенном созерцании, в искании горнего, в служении высшему смыслу жизни. И если временно омрачилось око его, и

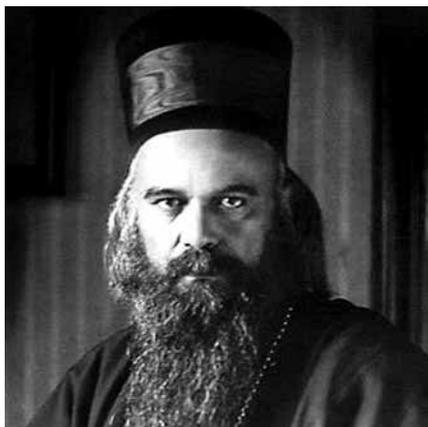
если единожды поколебалась его сила, отличающая верное от соблазна, то страдания очистят его взор и укрепят в нём его духовную мощь...

Мы верим в Россию потому, что созерцаем её в Боге и видим её такую, какой она была на самом деле. Не имея этой опоры, она не подняла бы своей суровой судьбы. Не имея этого живого источника, она не создала бы своей культуры. Не имея этого дара, она не получила бы и этого призвания. Знаем и разумеем, что для личной жизни человека 25 лет есть срок долгий и тягостный. Но в жизни целого народа с тысячелетним прошлым этот срок «выпадения» или «провала» не имеет решающего значения: история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы

отвечают возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил. Так будет и с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и его религиозность. Изжившиеся запасы зависти, злобы и раздорливости отойдут в прошлое. И восстанет новая Россия.

Мы верим в это не потому, что желаем этого, но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся к Божьему замыслу, положенному в основание русской истории, русского национального бытия.

Журнал «Наши задачи», 1949 год

Святитель Николай Сербский

Не обкрадывай Родину

Не обкрадывай Родину, ибо за неё плачено дорогой ценой. Обороняя Родину, погибли братья твои. Они отдали жизни свои за Отечество наше – так как же ты смеешь красть, разворовывать это бесценное завоевание?! Наша держава принадлежит не только тебе, но и им, даже больше им, ибо они жертвовали ради неё больше, чем ты, они платили за неё больше, чем ты, вложили в неё больше, чем ты. Я утверждаю: Отечество наше принадлежит не только тем, кто танцует в парадных залах, но и тем, кто лежит в могилах. Следовательно, те, кто разворовывает Отчизну, – такие же мародёры, как и те, кто грабит и обирает убитых и раненых на поле сражений, ибо точно так же посягают на собственность умерших.

Твои деды, прадеды и прапрадеды сражались за нашу страну, терпели лишения и мучения ради неё, воздыхали и горевали, проливали кровь и слёзы, страдали и умирали. Безумец! Кого обкрадываешь?! Обкрадываешь самых близких тебе людей, которые проклинают тебя из могил. Ты отрекаешься от родни, но и она отречётся от тебя. Твои

предки не признают твоего права на гражданство в их державе, они отрекутся от тебя пред Богом и занесут в списки воров. Обкрадывая свою державу, ты обкрадываешь Отечество свое, землю отцов своих, ты обкрадываешь братьев своих, их сынов и дочерей. Представь, что все начнут воровать у Родины, – что же тогда будет? Земля витязей и мучеников превратится в воровское гнездо. И тогда Всевидящий Бог, ищущий на земле людей, подобие Божие, отнимет эту землю у воров и отдаст в другие руки в ближнем и дальнем зарубежье.

Слышишь, ещё плачут солдатские вдовы. Видишь, ещё страдают дети-сироты, вопрошающие матерей, где их отцы. А тысячи тысяч матерей отвечают: «Погиб за Родину!»

Так разве не пробирает тебя дрожь от таких слов, насквозь пропитавших со времён мировой войны воздух, которым ты дышишь! Как ты осмеливаешься запустить руку в государственную казну, чтобы украсть, ограбить Родину?! В той казне – кровь погибших солдат и налоги их вдов и сирот. Грабя Родину, ты крадёшь кровь и слёзы. И своих детей

станешь вскармливать на той крови и тех слезах. Ты дашь им отраву и превратишь достоинство родителя в подлость убийцы.

Ты не думаешь об этом, не веришь в это, потому что не веруешь в живого всевидящего Бога, страшного ревнителя истины.

Но придёт час, когда ты осознаешь всё и поверишь, однако может быть поздно.

Будь полезен Родине. Не просто не кради у Родины, но приноси ей пользу. Подай, добавь, помоги ей. Если случилось, что воровал у державы своей, так возврати вдвое больше; если не можешь вернуть вчетверо, как поступил Закхей, когда ощутил страшное присутствие Бога, верни хотя бы двукратно, верни немедленно, верни, пока никто не узнал. Будет знать лишь Он, Всевидящий, Который всё знает, а народ сразу почувствует, и все граждане перестанут неприязненно относиться к тебе. И дети твои будут здоровы и успешны.

Если принимаешь какую-то плату от государства своего, смотри, не бери больше того, что заслуживаешь, и будь благодарен стране своей.

Если продаёшь что-либо державе своей или покупаешь у неё, не завышай цены и не проси скидки, но удовольствуйся меньшей прибылью, чем та, которую получаешь, имея дело с гражданами.

Если поставляешь что-то Родине, поставляй, как договорено, точно и честно; старайся дать самое лучшее и побольше, а не то, что похуже и поменьше.

Если покупаешь товары для страны за границей, не бери личный процент,

предлагаемый заграничными фабрикантами и торговцами, ибо то, что тебе дают якобы задаром, под каким-то видом идёт за счёт державы. Так ты невольно станешь вором, обокравшим своё государство. Будь рад, что держава оплачивает твои дневные и дорожные расходы, а если сможешь и здесь сэкономить, то верни государству.

Делай для страны своей всегда более того, за что тебе страна платит. Только этим лишком измеряется любовь к Родине. Только за счёт этих добровольных излишков Родина держится, крепнет и развивается.

Не вывози свой капитал за границу. Этим ты оказываешь честь чужой стране, но унижаешь и разоряешь свою Родину. И это – воровство, навлекающее проклятие. Та страна (неважно, велика она или мала) надёжна, где царит уважение к власти. Своим неуважением ты делаешь свою страну ненадёжной. Знай, если погибнет твоя держава, то и ты погибнешь, прежде чем перескочишь границу и прижмёшь к груди свой капитал на чужой земле. Твоя жизнь пропадёт в твоей державе, а твои деньги – в чужой. Это – кара Вечной Истины, Которая всё видит и знает. Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? (Лк. 12, 20) – предостерегает непогрешимая Книга.

Не повышай цену на то, что даёшь стране своей, и не снижай цену, когда получаешь от неё. Не требуй от Родины двух оплат за одну услугу – и это проклятое воровство.

Не руби тайком дерево в лесах Родины – и это проклятое воровство.

Не захватывай и не паши государственную землю – и это кража.

Не бери себе ни единой вещи с государственного склада и ни гроша из государственной казны – и это кража.

Даже если государство не схватит тебя за руку, тебя уличит в краже Тот, Который Владыка на народами великий Царь над всею землею (Пс.46, 3). Господь даёт землю народу, в котором много почтенных граждан, и отнимает её у народа, когда в нём появляется множество не почитающих заповеди Божии. Если ты обкрадываешь свою державу, а держава пропадёт, то никто в этом не виноват, кроме тебя.

Укрavший один динар у одного человека, понесёт наказание за одну мелкую кражу и будет отвечать перед одним

человеком. Но укравший один динар у государства, например у Югославии, обокрал пятнадцать миллионов душ и будет отвечать за пятнадцать миллионов краж. Если человеческий суд не в состоянии вынести приговор за обкрадывание миллионов, то покарает Тот, Который всё видит, всё знает, Который даёт и отнимает державы, Который судит по вечной правде и Который, если уж присудит к вечной каторге, то каторга поистине будет вечной.

Так пусть услышат и запомнят эти слова те, кто лаком до государственного добра: обворовавший государство ответственен за свершение миллионов краж.

Александр Куприн

Христоворцы

По-видимому, каждая революция сопровождалась взрывом безбожия: французский конвент «голосовал» против Бога и всё-таки допустил бытие «Верховного Существа». Отчасти из рабского подражания великому образцу, отчасти памятуя слова Достоевского о том, что русский атеист – самое нелепое и готовое на всякое преступление существо, нынешние демагоги усердно вырывают Бога из народного русского сердца.

Товарищ Шпицберг публично обозвал Бога буржум. Какой-то матрос выскочил на эстраду и, стуча себя кулаком в декольтированную волосатую грудь, вызвал Бога на единоборство. «Вот я стою здесь и кричу Тебе! Если Ты существуешь, ударь в меня своей молнией!» Какие-то учёные комиссары пригласили почтенного протоиерея Казанского собора о. Орнатского на публичный диспут о религии, гарантировав ему свободу дискуссии и личную неприкосновенность. Через день после этого свободного состязания о. Орнат-

ский был расстрелян на дому, а вместе с ним убили и его сына, студента, пытавшегося защищать отца.

Что русский человек в эпоху кровопролития отворачивается от лица Бога, мне это ещё понятно. Так каторжник, прежде чем вырезать спящую семью, завешивает полотенцем икону. Но я не в силах представить себе, что чувствует и думает русский костромской мужичонка, когда перед ним попирают и валяют в грязи кроткий образ Иисуса Христа, того самого Христа, близкого и родного, которого он носит «за пазушкой», у сердца.

Ужас и отвращение возбуждают во мне пролетарские народные поэты. Василий Князев печатает кощунственное «Красное Евангелие». Маяковский – единственный талантливый из красных поэтов – бешено хулит Христа. Другие виршеплёты в хромых, дёргающихся эпилептических стихах издеваются над телом Христовым, над фигурой Распятого, над Его муками и над невинной Его кровью.

*И кровь, кровь твою
Выплёскиваем из рукомойника.*

Пилат умыл руки, предавая Иисуса суду синедриона. Эти палачи умывают в тазу руки, совершившие вторично Его казнь.

Конечно, они идут, рабски следуя воле главарей революции, которым просто-народные, милые, тёплые, *свои* облики Христа, Девы Марии и Николая Угодника кажутся более опасными щитами на их разрушительном пути, чем трудно постигаемый и слишком отвлечённый Бог...

Но мне кажется почему-то, что многие из них (какой краской ни мажься, а они *всё-таки* русские), богохульствуя днём, вечером, при отходе ко сну крестят изголовье, а потом тщательно закрепощивают мелкими крестами все дырочки между собой и одеялом.

Какое подлое рабство! Какая низкая трусость! На что способен в своем падении «гордый» человек.

Из книги «Голос оттуда»

Пётр Калиновский (1906-2003) –
доктор медицинских наук, писатель (Австралия)

Из книги «Переход: последняя болезнь, смерть и после»

Христианство всегда знало и учило, что человек имеет не только тело, но и душу. Душа человека не умирает; когда приходит смерть, она, выйдя из умершего тела, попадает в совершенно новые условия, но продолжает жить сознательной жизнью. При этом «дела наши идут за нами» – то, что мы сделали во время нашей жизни на земле, будет иметь последствия для нас самих.

Священное Писание говорит о бессмертии души человека совершенно определённо. Мы уже приводили слова Самого Иисуса Христа: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную» (Евангелие от Иоанна 6, 47).

Обращаясь к Своим ученикам, Иисус Христос сказал: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне». Это из Евангелия от Матфея 10,28.

И из Евангелия от Иоанна 12, 50: «...Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная.

Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец». Это тоже слова Иисуса Христа.

Ещё не так давно христианскому учению можно было верить или не верить, но теперь не верить в жизнь личности после смерти тела больше нельзя. Религиозные верования подтверждены наукой, «не верить» в объективные данные невозможно, и каждому придётся понять, что характер его земной жизни будет иметь для него какие-то последствия в будущем.

Это новое знание имеет, однако, и свои границы. Мы теперь правильнее понимаем самую сущность смерти и знаем, что нас ждёт после неё. Но это знание ограничено во времени. Известно только то, что произойдёт в первые минуты и часы после того, как дыхание остановилось и сердце перестало биться.

А что потом? Ответить на этот вопрос мы не можем. Наука ничего не знает ни о дальнейшей, ни об окончательной судьбе той части человека, которая остаётся жить после смерти тела. Ответ на этот вопрос даёт христианство.

О том, что происходит с душой сразу после её выхода из умершего тела, пишет архиепископ Антоний Женевский: «Итак, умирает христианин. Душа его, очистившаяся в какой-то степени в самом исходе из тела, благодаря только страху смертному, покидает безжизненное тело. Она жива, она бессмертна, она продолжает жить полностью той жизни, которую она начала на земле, со всеми своими мыслями и чувствами, со всеми добродетелями и пороками, со всеми достоинствами и недостатками. Жизнь души за гробом есть естественное продолжение и последствие её жизни на земле». Личность остаётся неизменной.

Архиепископ Антоний поясняет это такими словами: «Если бы смерть изменяла коренным образом состояние души, то это было бы насилием над неприкосновенностью человеческой свободы и уничтожило бы то, что мы называем личностью человека».

После смерти тела душа живёт «всей полнотой жизни», и значит, личность будет и дальше развиваться в ту или иную сторону. Вот что пишет об этом архиепископ Антоний:

«Если умерший христианин был благочестив, молился Богу, надеялся на Него, покорялся Его воле, каялся перед Ним, старался жить по заповедям Его, то душа его после смерти радостно ощущит присутствие Божие, приобщится сразу, в большей или меньшей степени, к жизни божественной, открытой ей... Если же умерший в земной жизни потерял любящего Отца небесного, не искал Его, не молился Ему, святотатствовал, служа греху, то душа его после смерти не найдёт Бога, не способна будет ощутить любовь Его. Лишённая божественной жизни, ради которой был создан бого-

подобный человек, неудовлетворённая душа его начнёт тосковать, мучиться в большей или меньшей степени... Ожидание воскресения тела и Страшного суда будет увеличивать радость благочестивых и скорбь нечестивых».

Об этом же самом, но другими словами пишет архиепископ Лука, он же крупный учёный, хирург, профессор Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. Он родился в 1871 году, умер в 1961-м. Как учёный, он был хорошо известен в СССР и за границей, а его труд «Очерки гнойной хирургии», награждённый Сталинской премией первой степени, был настольной книгой русских хирургов.

Войно-Ясенецкий был рукоположен в епископы в 1923 году. Через 10 дней его арестовали, и потом он провёл 12 лет в ссылках и лагерях. Во время войны, когда нужда в хирургах была особенно острой, про него вспомнили и призвали к работе с ранеными. Он организовывал госпитали, учил врачей, оперировал; блестящий хирург, как и всегда раньше, он совмещал церковное служение с хирургической работой в госпиталях. Иногда перед опасной операцией он совершал короткую службу в операционной.

Глубокий мыслитель и специалист в области физических болезней человека, он бросил свой пытливый взгляд и на загробную жизнь души. Он написал небольшую книгу с очень глубоким содержанием «Дух, Душа и Тело». Он пишет: «Между телом и духом существует постоянная связь и взаимодействие. Всё то, что происходит в душе человека в течение его жизни, имеет значение и необходимо только потому, что вся жизнь нашего тела и души, все мысли, чувства, волевые акты (...) теснейшим образом связаны с жизнью духа. В нём

отпечатлеваются, его формируют и в нём сохраняются все акты души и тела. Под их формирующим влиянием развивается жизнь духа и его направленность в сторону добра или зла. Жизнь мозга и сердца и необходимая для них совокупная, чудно скоординированная жизнь всех органов тела нужны только для формирования духа и прекращаются, когда его формирование закончено или вполне определилось его направление».

Эти слова архиепископа Луки говорят о самом главном – что даёт человеку жизнь на земле.

Точно так же понимает жизнь духа и тела Икскуль. Он не был ни архиепископом, ни философом, он был простым трезвомыслящим человеком. Знание своё он получил не из книг, а из личного опыта, пережив состояние временной смерти. После возвращения к жизни на земле он сказал: «Душа... есть дух, но дух, созданный для жизни с телом... тело есть законное, предоставленное ей жилище, и поэтому она является в новый мир в той степени своего развития и зрелости, каких достигла в совместной жизни с телом, в положенной ей нормальной форме бытия. Конечно, если человек был при жизни духовно развит, духовно настроен, его душе многое будет более сродни и оттого понятнее в этом новом мире, чем душе того, кто жил, никогда не думая о нём...».

Святой новомученик Герман пишет о том же: «Когда человек полностью и совершенно становится на путь вечной правды или, наоборот, полностью отворачивается от неё, он больше не живёт и должен умереть. Он прошёл через всё, что может ему дать эта жизнь, и он созрел для будущего».

Если здесь на минуту остановиться и подумать, то станет ясно, что это даёт ответ на вопрос о смысле жизни

и о цели, к которой мы должны были бы стремиться, живя на земле. Это тот ответ, которого многие и простые люди и философы искали и не находили. Не зря один из отцов Церкви, говоря о философах, строивших разные сложные теории, назвал их «жалкие умники».

Архиепископ Лука, сказав о смысле нашей жизни на земле, продолжает, говоря, что в бессмертной душе человеческой после смерти тела продолжается вечная жизнь и бесконечное развитие в направлении добра и зла.

Самое страшное в этих словах архиепископа то, что в момент смерти тела уже определилось всё дальнейшее развитие души в направлении к добру или злу. В загробном мире перед душой две дороги к свету или от него, и душа после смерти тела уже не может выбирать дорогу. Дорога предопределена жизнью человека на земле.

Двум разным дорогам соответствуют и два разных состояния души после смерти тела. Вот как это поясняет архиепископ Лука: «Вечное блаженство праведников и вечную муку грешников надо понимать так, что бессмертный дух первых, просветлённый и могущественно усиленный после освобождения от тела, получает возможность беспредельного развития в направлении добра и Божественной любви, в постоянном общении с Богом и всеми бесплотными силами. А мрачный дух злодеев и богоборцев в постоянном общении с дьяволом и ангелами его будет вечно мучиться своим отчуждением от Бога, святость которого познает наконец, и той невыносимой отравой, которую таят в себе зло и ненависть, беспредельно возрастающие в непрестанном общении с центром и источником зла – сатаной».

В вечном мучении тяжких грешников нельзя, конечно, винить Бога и представлять Его бесконечно мстительным, карающим вечной мукой за грехи кратковременной жизни. Всякий человек получает и имеет дыхание Духа Святого. Никто не рождается от духа сатаны. Но как чёрные тучи затемняют и поглощают свет, так злые акты ума, воли и чувства, при постоянном их повторении и преобладании, постоянно затемняют свет Христов в душе злого человека, и его сознание всё более и более определяется воздействием духа дьявола.

Кто возлюбил зло, а не добро, тот сам уготовал себе вечные мучения в жизни вечной».

Архиепископ Антоний говорит то же самое и напоминает, что возможности души после смерти тела ограничены. Вот его слова: «Продолжая жить после смерти тела, душа всем своим существом располагает полностью личности и самосознания. Она чувствует, сознаёт, воспринимает, рассуждает... Однако не будем забывать того, что душа вне тела – неполный человек, почему не всё, возможное людям, возможно их душам. Несмотря на то что души после смерти тела обладают полностью личности и совершают все психические функции, возможности их ограничены. Так, например, человек, живя на земле, может покаяться и более или менее изменить сам свою жизнь, от греха вернуться к Богу. Душа же сама не может, хотя бы и хотела, коренным образом измениться и начать новую жизнь, которая совершенно отличалась бы от её жизни на земле, приобрести то, чего она не имела, будучи человеком.

В таком именно смысле надо понимать слова о том, что за гробом нет покая-

ния. Душа живёт там и развивается в том направлении, которое начала на земле».

Архиепископ Антоний всё же оставляет надежду душе даже и нераскаянного грешника, добавляя, что «для её изменения необходима помощь извне». Однако сама по себе тёмная душа грешника, оставшаяся тёмной и после смерти тела, измениться уже не может.

Это же говорит и Сам Господь Иисус Христос: «Отец Мой – виноградарь. Всякую... ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода». Это из Евангелия от Иоанна (15,1-2).

Для человека, осознавшего, что его жизнь на земле – это только часть его жизни и что за гробом он будет продолжать развитие, начатое здесь, всё его временное существование приобретает особый смысл.

Самое главное из сказанного хорошо выразил один христианский философ: «Земная жизнь коротка и исчезает совершенно пред бесконечной вечностью; но последняя всецело зависит от первой. Залог истинной жизни должен получить своё начало здесь, в месте смерти».

«Ибо приидет Сын Человеческий... и тогда воздаст каждому по делам его» (Мат.16:27).

Стать на правильную дорогу, покаяться в своих грехах и получить прощение никогда не поздно. К этому призывает и евангельское повествование о разбойнике, распятом на кресте рядом с Иисусом Христом. Искреннее раскаяние перед самой смертью принесло ему прощение грехов и вечную жизнь с Христом. Самые последние минуты нашей жизни могут оказаться и самыми важными.

А.П. Чехов

На Страстной неделе

– Иди, уже звонят. Да смотри, не шали в церкви, а то Бог накажет.

Мать суёт мне на расходы несколько медных монет и тотчас же, забыв про меня, бежит с остывшим утюгом в кухню. Я отлично знаю, что после исповеди мне не дадут ни есть, ни пить, а потому, прежде чем выйти из дому, насильно съедаю краюху белого хлеба, выпиваю два стакана воды. На улице совсем весна. Мостовые покрыты бурым месивом, на котором уже начинают обозначаться будущие тропинки; крыши и тротуары сухи; под заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нежная, молодая зелень. В канавах, весело журча и пенясь, бежит грязная вода, в которой не брезгают купаться солнечные лучи. Щепочки, соломинки, скорлупа подсолнухов быстро несутся по воде, кружатся и цепляются за грязную пену. Куда, куда плывут эти щепочки? Очень возможно, что из канавы попадут они в реку, из реки в море, из моря в океан... Я хочу вообразить себе этот длинный, страшный путь, но моя фантазия обрывается, не дойдя до моря.

Проезжает извозчик. Он чмокает, дёргает вожжи и не видит, что на задке его

пролётки повисли два уличных мальчика. Я хочу присоединиться к ним, но вспоминаю про исповедь, и мальчишки начинают казаться мне величайшими грешниками.

«На Страшном суде их спросят: зачем вы шалили и обманывали бедного извозчика? – думаю я. – Они начнут оправдываться, но нечистые духи схватят их и потащат в огонь вечный. Но если они будут слушаться родителей и подавать нищим по копейке или по бублику, то Бог сжалятся над ними и пустит их в рай».

Церковная паперть суха и залита солнечным светом. На ней ни души. Нерешительно я открываю дверь и вхожу в церковь. Тут в сумерках, которые кажутся мне густыми и мрачными, как никогда, мною овладевает сознание греховности и ничтожества. Прежде всего бросаются в глаза большое распятие и по сторонам его Божия Матерь и Иоанн Богослов. Паникадила и ставники одеты в чёрные, траурные чехлы, лампадки мерцают тускло и робко, а солнце как будто умышленно минует церковные окна. Богородица и любимый ученик Иисуса

Христа, изображённые в профиль, молча глядят на невыносимые страдания и не замечают моего присутствия; я чувствую, что для них я чужой, лишний, незаметный, что не могу помочь им ни словом, ни делом, что я отвратительный, бесчестный мальчишка, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всех людей, каких только я знаю, и все они представляются мне мелкими, глупыми, злыми и неспособными хотя бы на одну каплю уменьшить то страшное горе, которое я теперь вижу; церковные сумерки делаются гуще и мрачнее, и Божия Матерь с Иоанном Богословом кажутся мне одинокими.

За свечным шкапом стоит Прокофий Игнатич, старый отставной солдат, помощник церковного старосты. Подняв брови и поглаживая бороду, он объясняет полушёпотом какой-то старухе:

– Утренняя будет сегодня с вечера, сейчас же после вечерни. А завтра к часам ударят в восьмом часу. Поняла? В восьмом.

А между двух широких колонн направо, там, где начинается придел Варвары Великомученицы, возле ширмы, ожидая очереди, стоят исповедники... Тут же и Митька, оборванный, некрасиво стриженный мальчик с оттопыренными ушами и маленькими, очень злыми глазами. Это сын вдовы поденщицы Настасьи, забияка, разбойник, хватающий с лотков у торговки яблоки и не раз отнимавший у меня бабки. Он сердито оглядывает меня и, мне кажется, злорадствует, что не я, а он первый пойдёт за ширму. Во мне закипает злоба, я стараюсь не глядеть на него и в глубине души досаую на то, что этому мальчишке простятся сейчас грехи.

Впереди него стоит роскошно одетая, красивая дама в шляпке с белым пером. Она заметно волнуется, напряжённо ждёт, и одна щека у неё от волнения лихорадочно зарумянилась.

Жду я пять минут, десять... Из-за ширмы выходит прилично одетый молодой человек с длинной, тощей шеей и в высоких резиновых калошах; начинаю мечтать о том, как я вырасту большой и как куплю себе такие же калоши, непременно куплю! Дама вздрагивает и идёт за ширмы. Её очередь.

В щёлку между двумя половинками ширмы видно, как дама подходит к аналою и делает земной поклон, затем поднимается и, не глядя на священника, в ожидании поникает головой. Священник стоит спиной к ширмам, а потому я вижу только его седые кудрявые волосы, цепочку от наперсного креста и широкую спину. А лица не видно. Вздохнув и не глядя на даму, он начинает говорить быстро, покачивая головой, то возвышая, то понижая свой шёпот. Дама слушает покорно, как виноватая, коротко отвечает и глядит в землю.

«Чем она грешна? – думаю я, благоговейно посматривая на её кроткое, красивое лицо. – Боже, прости ей грехи! Пошли ей счастье!»

Но вот священник покрывает её голову епитрахилью.

– И аз недостойный иерей... – слышится его голос, – властью его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих...

Дама делает земной поклон, целует крест и идёт назад. Уже обе щеки её румяны, но лицо спокойно, ясно, весело.

«Она теперь счастлива, – думаю я, глядя то на неё, то на священника,

простившего ей грехи. – Но как должен быть счастлив человек, которому дано право прощать».

Теперь очередь Митьки, но во мне вдруг вскипает чувство ненависти к этому разбойнику, я хочу пройти за ширму раньше его, я хочу быть первым... Заметив моё движение, он бьёт меня свечой по голове, я отвечаю ему тем же, и полминуты слышится пыхтение и такие звуки, как будто кто-то ломает свечи... Нас разбирают. Мой враг робко подходит к аналою, не сгибая колен, кланяется в землю, но что дальше, я не вижу; от мысли, что сейчас после Митьки будет моя очередь, в глазах у меня начинают мешаться и расплываться предметы; оттопыренные уши Митьки растут и сливаются с темным затылком, священник колеблется, пол кажется волнистым...

Раздаётся голос священника:

– И аз недостойный иерей...

Теперь уж и я двигаюсь за ширмы. Под ногами ничего не чувствую, точно иду по воздуху... Подхожу к аналою, который выше меня. На мгновение у меня в глазах мелькает равнодушное, утомлённое лицо священника, но дальше я вижу только его рукав с голубой подкладкой, крест и край аналоя. Я чувствую близкое соседство священника, запах его рясы, слышу строгий голос, и моя щека, обращённая к нему, начинает гореть... Многого от волнения я не слышу, но на вопросы отвечаю искренно, не своим, каким-то странным голосом, вспоминаю одиноких Богородицу и Иоанна Богослова, распятие, свою мать, и мне хочется плакать, просить прощения.

– Тебя как зовут? – спрашивает священник, покрывая мою голову мягкой епитрахилью.

Как теперь легко, как радостно на душе!

Грехов уже нет, я свят, я имею право идти в рай! Мне кажется, что от меня уже пахнет так же, как от рясы, я иду из-за ширм к дьякону записываться и нюхаю свои рукава. Церковные сумерки уже не кажутся мне мрачными, и на Митьку я гляжу равнодушно, без злобы.

– Как тебя зовут? – спрашивает дьякон.

– Федя.

– А по отчеству?

– Не знаю.

– Как зовут твоего папашу?

– Иван Петрович.

– Фамилия?

Я молчу.

– Сколько тебе лет?

– Девятый год.

Придя домой, я, чтобы не видеть, как ужинают, поскорее ложусь в постель и, закрывши глаза, мечтаю о том, как хорошо было бы претерпеть мучения от какого-нибудь Ирода или Диоскора, жить в пустыне и, подобно старцу Серафиму, кормить медведей, жить в келии и питаться одной просфорой, раздать имущество бедным, идти в Киев. Мне слышно, как в столовой накрывают на стол – это собираются ужинать; будут есть винегрет, пирожки с капустой и жареного судака. Как мне хочется есть! Я согласен терпеть всякие мучения, жить в пустыне без матери, кормить медведей из собственных рук, но только сначала съесть бы хоть один пирожок с капустой!

– Боже, очисти меня грешного, – молюсь я, укрываясь с головой. – Ангел-хранитель, защити меня от нечистого духа.

На другой день, в четверг, я просыпаюсь с душой ясной и чистой, как хороший весенний день. В церковь я иду весело,

смело, чувствуя, что я причастник, что на мне роскошная и дорогая рубаха, сшитая из шёлкового платья, оставшегося после бабушки. В церкви всё дышит радостью, счастьем и весной; лица Богородицы и Иоанна Богослова не так печальны, как вчера, лица причастников озарены надеждой, и, кажется, всё прошлое предано забвению, всё прощено. Митька тоже причёсан и одет по-праздничному. Я весело гляжу на его оттопыренные уши и, чтобы показать, что я против него ничего не имею, говорю ему:

– Ты сегодня красивый, и если бы у тебя не торчали так волосы и если б ты не был

так бедно одет, то все бы подумали, что твоя мать не прачка, а благородная. Приходи ко мне на Пасху, будем в бабки играть.

Митька недоверчиво глядит на меня и грозит мне под полую кулаком.

А вчерашняя дама кажется мне прекрасной. На ней светло-голубое платье и большая сверкающая брошь в виде подковы. Я люблю её и думаю, что когда я вырасту большой, то непременно женюсь на такой женщине, но, вспомнив, что жениться – стыдно, я перестаю об этом думать и иду на клирос, где дьячок уже читает часы.

И.А. Бунин

Эпитафия

За крайней избой нашей степной деревушки пропадала во ржи наша прежняя дорога к городу. И у дороги, в хлебах, при начале уходившего к горизонту моря колосьев, стояла белоствольная и развесистая плакучая берёза. Глубокие колеи дороги зарастали травой с жёлтыми и белыми цветами, берёза была искривлена степным ветром, а под её лёгкой сквозной сенью уже давным-давно возвышался ветхий, серый голубец – крест с треугольной тесовой кровелькой, под которой хранилась от непогод Суздальская икона Божией Матери.

Шелковисто-зелёное, белоствольное дерево в золотых хлебах! Когда-то тот, кто первый пришёл на это место, поставил на своей десятине крест с кровелькой, призвал попа и освятил «Покров Пресвятыя Богородицы». И с тех пор старая икона дни и ночи охраняла старую степную дорогу, незримо простирая своё благословение на трудовое крестьянское счастье. В детстве мы чувствовали страх к серому кресту, никогда не решались заглянуть под его кровельку, – одни ласточки смели залетать туда и даже вить там гнёзда. Но и благоговение

чувствовали мы к нему, потому что слышали, как наши матери шептали в тёмные осенние ночи:

– Пресвятая Богородица, защити нас покровом Твоим!

Осень приходила к нам светлая и тихая, так мирно и спокойно, что, казалось, конца не будет ясным дням. Она делала дали нежно-голубыми и глубокими, небо чистым и кротким. Тогда можно было различить самый отдалённый курган в степи, на открытой и просторной равнине жёлтого жнивья. Осень убирала и берёзу в золотой убор. А берёза радовалась и не замечала, как недолговечен этот убор, как листок за листком осыпается он, пока, наконец, не оставалась вся раздетая на его золотистом ковре. Очарованная осенью, она была счастлива и покорна и вся сияла, озарённая из-под низу отсветом сухих листьев. А радужные паутинки тихо летали возле неё в блеске солнца, тихо садились на сухое, колкое жнивье... И народ называл их красиво и нежно – «пряжей Богородицы».

Зато жутки были дни и ночи, когда осень сбрасывала с себя кроткую личину. Беспощадно трепал тогда ветер

обнажённые ветви берёзы! Избы стояли нахохлившись, как куры в непогоду, туман в сумерки низко бежал по голым равнинам, волчьи глаза светились ночью на задворках. Нечистая сила часто скидывается ими, и было бы страшно в такие ночи, если бы за оклицей деревни не было старого голубца. А с начала ноября и до апреля бури неустанно заносили снегами и поля, и деревню, и берёзу по самый голубец. Бывало, выглянешь из сеней в поле, а жёсткая выюга свистит под голубцом, дымится по острым сугробам и со стоном проносится по равнине, заметая на бегу следы по ухабистой дороге. Заблудившийся путник с надеждой крестился в такую пору, завидев в дыму метели торчащий из сугробов крест, зная, что здесь бодрствует над дикой снежной пустыней сама Царица Небесная, что охраняет она свою деревню, свое мёртвое до поры до времени поле.

Поле долго было мёртвым, но степные люди были прежде выносливы. И вот наконец крест начинал вырастать из оседающих серых снегов. Обтаивала и горбатая унавоженная дорога, наступали тёплые и густые мартовские туманы. От туманов и дождей чернели и дымились в сумрачные дни крыши изб... Потом туманы сразу сменялись солнечными днями. И всё снежное поле насыщалось водою, растоплялось и, растопленное, блистало под солнцем, дрожа бесчисленными ручьями. В один-два дня степь принимала новый вид: по-весеннему темнели равнины, окаймлённые бледно-синеватой далью. Выпускали шершавый скот из хлевов; обессилевшие за зиму лошади и коровы бродили и лежали на выгоне, а галки садились на их худые спины и дергали клювом шерсть для своих гнезд. Но дружная вес-

на к хорошим кормам, – скот отгуляется по тёплым росам! Уже пели жаворонки в ясные полдни, уже мальчишки-пастухи загорали от ветров и солнца, которые просушивали землю. Когда же обмывал её весенний дождь и пробуждал первый гром, Господь благословлял в тихие звёздные ночи расти хлебам и травам, и, успокоенная за свои нивы, кротко глядела из голубца старая икона. Тонко пахло в чистом ночном воздухе зелеными, мирно было в степи, тихо в тёмной деревне, где уже не вздували огня с Благовещенья, и замирали по вечерней заре песни девушек, прощавшихся со своими обручёнными подругами.

А потом всё менялось не по дням, а по часам. Зеленел выгон, зеленели ветлы перед избами, зеленела берёза... Шли дожди, протекали жаркие июньские дни, зацветали цветы, наступали весёлые сенокосы... Помню, как мягко и беззаботно шумел летний ветер в шелковистой листве берёзы, путая эту листву и склоняя до самых колосьев тонкие, гибкие ветви; помню солнечное утро на Троицу, когда даже бородатые мужики, как истые потомки русичей, улыбались из-под огромных березовых венков; помню грубые, но могучие песни на Духов день, когда мы с закатом уходили в ближний дубовый лесок и там варили кашу, расставляли её в черепках по холмикам и «молили кукушку» быть милостивой вещуньей; помню «игры солнца» под Петров день, помню величальные песни и шумные свадьбы, помню трогательные молебны перед кроткой Заступницей всех скорбящих – в поле, под открытым небом...

Жизнь не стоит на месте, – старое уходит, и мы провожаем его часто с великой грустью. Да, но не тем ли и

хороша жизнь, что она пребывает в неустанном обновлении? Детство миновало. Потянуло нас заглянуть дальше того, что мы видели за околицей деревни, тем сильнее потянуло, что и деревня становилась всё скучней, и берёза уже не так густо зеленела весной, и крест у дороги ветшал, и люди истощили поле, которое охранял он. И так как беда не ходит одна, то само небо, казалось, стало гневаться на людей. Знойные и сухие ветры разгоняли тучи, подымая вихри по дороге, солнце нещадно палило хлеба и травы. Подсыхали до срока тощие ржи и овсы. Было больно смотреть на них, потому что нет ничего печальнее и смиреннее тощей ржи. Как беспомощно склоняется она от горячего ветра лёгкими пустыми колосьями, как сиротливо шелестит! Сухая пашня сквозит между её стеблями, видны среди них сухие васильки... И дикая серебристая лебеда, предвестница запустения и голода, заступает место тучных хлебов у старой просёлочной дороги. Нищие и слепые всё чаще стали с жалобными припевами обходить деревню. А деревня безмолвно стояла на припёке – равнодушная, печальная.

Тогда, точно в горести, потемнел от пыльных ветров кроткий лик Богоматери. Проходили годы, – она казалась безучастной к судьбе своего поля. И люди мало-помалу стали уходить по дороге к городу, уходить в далёкую Сибирь. Они продавали свой скудный скарб, забивали досками окна изб, запрягали лошадей и навсегда уходили из деревни на поиски нового счастья. И деревня опустела.

– Ни души! – сказал ветер, облетев всю деревню и закрутив в бесцельном удальстве пыль на дороге.

Но берёза не ответила ему, как отвечала прежде. Она слабо зашевелила вет-

вями и опять задремала. Она уже знала, что выгон в деревне зарос высокой сорной травой, что глухая крапива поднялась у порогов, что полынь серебрится на полураскрытых крышах. Степь вокруг была мертва, а десяток уцелевших изб можно было издалека принять за кибитки кочевников, покинутые в поле после битвы или чумы. И голубец уже покосился под берёзой, на верхушке которой торчали сухие белые сучья. Теперь, в сумерки, когда за тёмными полями слабо алел закат, ночевали на ней только грачи да вороны, которые немало видели перемен на этом свете...

Вот новые люди стали появляться на степи. Всё чаще приходят они по дороге из города и располагаются станом у деревни. Ночью они жгут костры, разгоняя темноту, и тени далеко убегают от них по дорогам. С рассветом они выходят в поле и длинными буравами сверлят землю. Вся окрестность чернеет кучами, точно могильными холмами. Люди без сожаления топчут редкую рожь, ещё вырастающую кое-где без сева, без сожаления закидывают её землёю, потому что ищут они источников нового счастья, – ищут их уже в недрах земли, где таятся талисманы будущего...

Руда! Может быть, скоро задымят здесь трубы заводов, лягут крепкие железные пути на месте старой дороги и поднимется город на месте дикой деревушки. И то, что освящало здесь старую жизнь, – серый, упавший на землю крест будет забыт всеми... Чем-то освятят новые люди свою новую жизнь? Чьё благословение призовут они на свой бодрый и шумный труд?

1900

Иван Бунин

Иван Бунин

Анна Ахматова

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о Родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей –
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой сострадания
На ту, кто сотни вёрст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

1891

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой.
Кидалась в ноги палачу –
Ты сын и ужас мой.
Всё перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кафельный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

1939

Дмитрий Кедрин

КРАСОТА

Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок,
У рязанских молодок, согбленных трудом,
На току молотящих снопы спозаранок.

У вихрастых мальчишек, что ловят грачей
И несут в рукаве полушубка отцова,
Я видал эти синие звёзды очей,
Что глядят с вдохновенных картин Васнецова.

С большака перешли на отрезок холста
Бурлаков этих репинских ноги босые...
Я теперь понимаю, что вся красота –
Только луч того солнца, чьё имя – Россия!

5 сентября 1942

Давид Самойлов

ИЗ ДЕТСТВА

Я – маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поёт мне: «Как ныне
Собирается вещей Олег...»

Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке души,
И слёзы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

1956

Анатолий Парпара

СОЛДАТЫ

А. Балину

На Запад уходил стрелковый полк.
А рядом с ним, таким суровым,
бежал мальчишка белобровый,
немногим выше кирзовых сапог.
Он спрашивал солдат: «Ты – папа мой?»,
ручонками хватал за голенище,
но с каждым рядом безнадежней, тише
звучало горькое: «Ты – папа мой!»
О, этот голос хриплый и родной,
от частого повтора монотонный!

А под шинелью бились учащённей
сердца, ожесточённые войной.
У каждого такой же сын или брат...
С какой печалью их глаза глядели,
какою нежностью ладони их гудели,
но пальцы их впивались в автомат...
Я детство мог забыть, как сон, как небыль,
но через годы на меня глядят
глаза солдат, печальные, как небо,
и небо, как глаза солдат.

Михаил Дудин

Могила стоптана. Ограда
 Растащена по кирпичу.
 Что мне на этом месте надо?
 Чего ищу? Чего хочу?
 Я – здесь! Но я уже не здешний,
 Здесь всё забыло про меня,
 Пока я шёл сквозь ад крошечный
 Двух войн, блокады и огня.
 Пока среди сестёр и братьев
 В кровавом месиве дорог
 Я душу матери растратил
 И эту память не сберёг.
 Я выйду в рожь. В родное поле,
 Седое, как мои виски.
 И рухну, выплачу на воле
 Всю горечь страха и тоски.
 И, может быть, из сердца прынут
 Слова, как птицы из силка,
 И мне в глаза мои заглянут
 Два материнских василька...

1968 – 1978

Николай Туроверов

Эти дни не могут повториться, –
 Юность не вернётся никогда
 И туманнее и реже снятся
 Нам чудесные, жестокие года.
 С каждым годом меньше очевидцев
 Этих страшных, легендарных дней.
 Наше сердце приучилось биться
 И спокойнее, и глуше, и ровней.
 Что теперь мы можем и что смеем?
 Полюбив спокойную страну,
 Незаметно медленно стареем
 В европейском ласковом плену.
 И растёт и ждёт ли наша смена,
 Чтобы вновь в февральскую пургу
 Дети шли в сугробах по колено
 Умирать на розовом снегу.
 И над одинокими на свете,
 С песнями идущими на смерть,
 Веял тот же сумасшедший ветер
 И темнела сумрачная твердь.

1937

Николай Туроверов

ТОВАРИЩ

Перегорит костёр и перетлеет,
 Земле нужна холодная зола.
 Уже никто напомнить не посмеет
 О страшных днях бессмысленного зла.
 Нет, не мученьями, страданьями и кровью
 Утратою горчайшей из утрат:
 Мы расплатились братскою любовью
 С тобой, мой незнакомый брат.
 С тобой, мой враг, под кличку «товарищ»,
 Встречались мы, наверное, не раз.

Меня Господь спасал среди пожарниц,
 Да и тебя Господь не там ли спас?
 Обоих нас блюла рука Господня,
 Когда, почуяв смертную тоску,
 Я, весь в крови, ронял свои поводья,
 А ты, в крови, склонялся на луку.
 Тогда с тобой мы что-то проглядели,
 Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
 Не для того ль мы оба уцелели,
 Чтоб вместе за отчизну умереть?

1944

Алексей Ивантер

ПАЛАЧ

Мело над Хлебозаводскою,
дома и ветви тороча,
но в сердце не было покоя
у отставного палача.

Всё думал он, бредя с дежурства
через газон и детский сквер,
что всё же было самодурство –
отмена радикальных мер.

Он думал: надо всех построить;
одних – на ржавый пароход,
других в Сибирь, пусть землю роют,
а миллионов пять – в расход.

И будет сердцу тихо-мило,
и на душе легко-тепло...
Но как-то слева защемило
в груди и в руку отдало.

И он подумал: вот же суки,
ну не врачи, а упыри,
и сел. И сунул руку в брюки,
но что-то плавилось внутри.

Оно росло. И, сердце жаля,
на горле затянуло жгут.
И вдруг шепнул он: А ведь жаль их,
да ну их к Богу, пусть живут...

И, привалясь к столбу стальному,
хватая воздух рыбьим ртом,
он всё увидел по-иному –
уже посчитанный Христом.

Он вспомнил, как метель иная
мела, и стыли рычаги,
и каждой бабонькой родная
страна возникла из пурги,

он вспомнил очередь за мылом,
отца – хоть Смерть с него пиши,
и ту, с которой всё, что было –
так мало было для души!

Пятнадцать лет один живущий,
злобу жующий битый день,
услышал он детей, поющих
про привокзальную сирень.

Он уплывал, он пел с народом,
он шёл к далёким голосам...
И ангел над хлебозаводом
черкнул крылом по небесам.

Алексей Ивантер

ВОДА СВЯТАЯ

Из всех полёгших за Россию
в глухие тёмные года
у Бога смерти попросили,
наверно, многие тогда.

Сибирь как яблоню трусили,
в посёлках томских храмы жгли.
Из всех полёгших за Россию
мне жальче эту соль земли.

В тайге сентябрьской и апрельской
среди багульника и хвой
лежит в воде священник сельский
с отрубленную головой.

Из всех полёгших за Россию –
не за понюшку табака
приснился мне отец Василий,
убитый томской губЧК.

Кому по вере и по силе,
а он у Господа в раю.
Идёт-несёт отец Василий
в холстине голову свою.

И что мне с этой головою,
в какую мне сокрыть траву
за Искитимом, Луговой
усекновенную главу?

Прости меня, отец Василий,
что разумею, но дышу.
У всех полёгших за Россию
себе прощения прошу.

Отец Василий, это ты ли?
Ты отпусти мои грехи,
мне протяни Дары Святые
из замерзающей реки.

Дожди падут, снега растают,
где родился – то люби.
Плывёт гусей шальная стая,
и нету храма на крови.
Журчит-течёт вода святая
по Искитиму и Оби.

Жизнь и творчество Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина

Петров-Водкин является одним из замечательных и своеобразных художников русской земли.

Вся его жизнь прошла в творческих поисках. Мыслитель, философ, беззаветно любящий свой народ и родину, он создаёт глубокое и сильное искусство.

В 1878 году в небольшом городке Хвалынске, раскинувшемся на берегу Волги, в семье бедного сапожника родился будущий художник. С ранних лет его занимала и волновала красота природы. Однако от его глаз не укрылась и тяжёлая жизнь родного народа. Мальчик увлекался литературой, музыкой и изобразительным искусством.

Ночной сторож Кондратьич с его лубочными картинками, Филипп Парфёнович с его иконами, с которых смотрели чистые и светлые лики святых, рисовальщик вывесок Толкачёв, показывающий мальчику репродукции известных русских художников, – вот первые учителя К.С. Петрова-Водкина. Стоя на берегу великой реки, юноша часами любовался природой, а мысль его летела далеко-далеко...

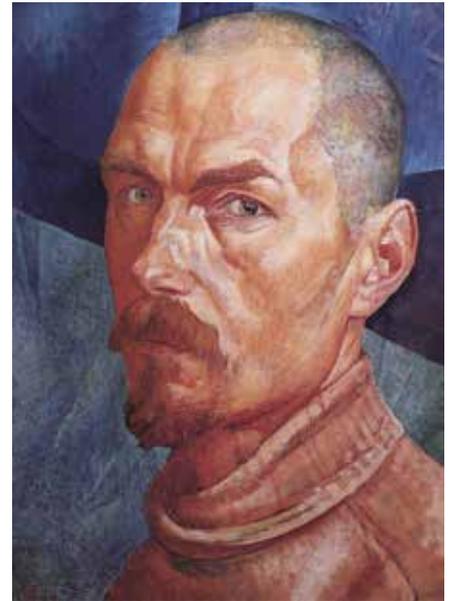
Когда смотришь на полотна сего замечательного художника и человека, создаётся твёрдое ощущение того, что он сумел вместить в себя Россию как старую, так и новую. Вместить и, может быть, примирить...

Вася. Около 1920

Мать. 1913

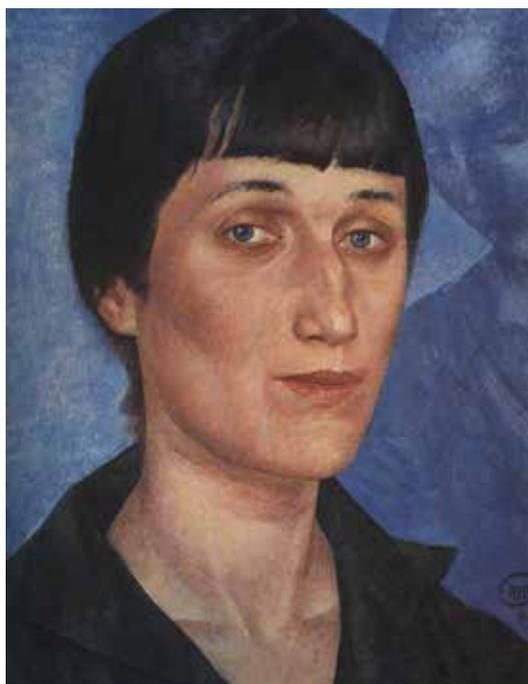
Автопортрет. 1926-1927

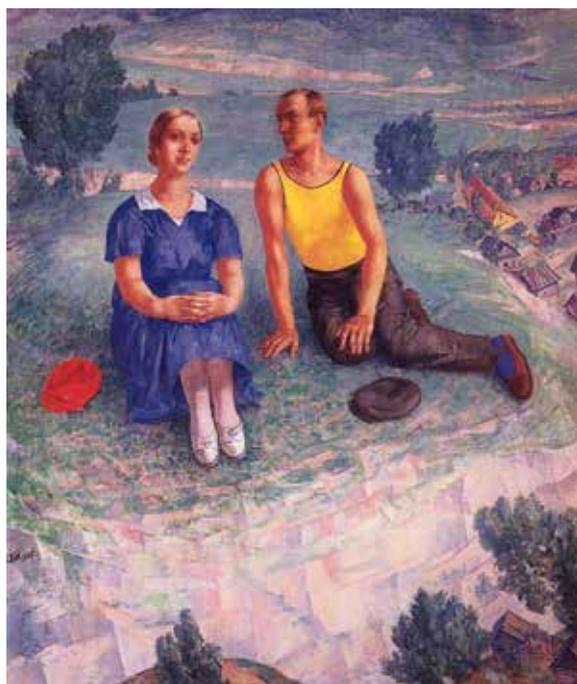
Девушка в сарафане. 1928

1919 год. Тревога. 1934

Портрет А.А. Ахматовой. 1922

Весна. 1935

Купание красного коня. 1912

Богоматерь Умиление злых сердец. 1914-1915

Мать. 1915

Розовый натюрморт. 1918

На линии огня. 1916

Смерть комиссара. 1928

1918 год в Петрограде. 1920

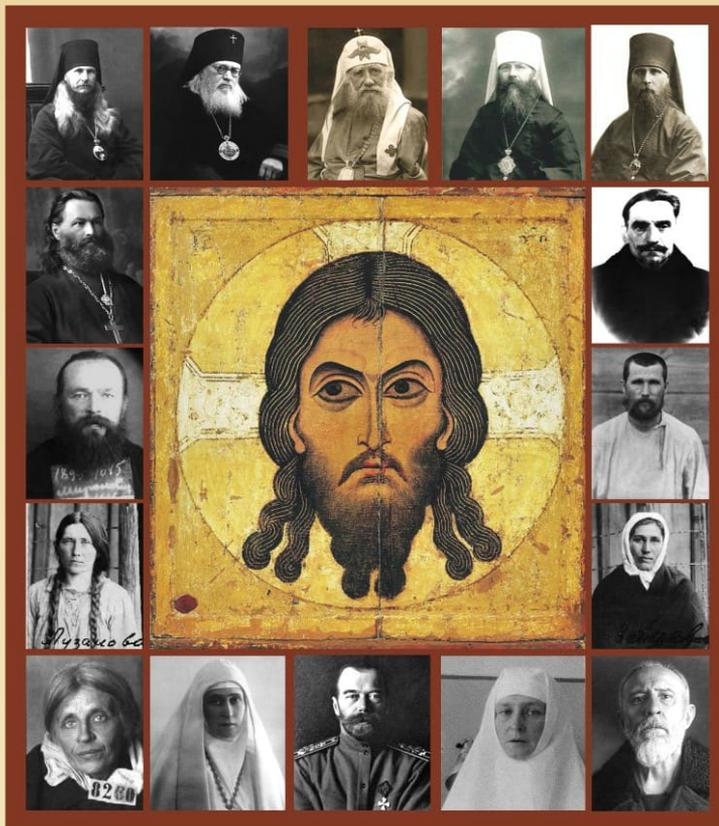
Натюрморт с самоваром. 1920

Микула Селянинович. 1978

Весна в деревне. 1929

РУССКАЯ ГОЛГОФА

НОВОМУЧЕНИКАМ И ИСПОВЕДНИКАМ ЦЕРКВИ РУССКОЙ

Эти светлые строгие лица,
Эти полные грусти глаза...
Неужели мне всё это снится?
Или время вернулось назад?

Вот и дверь распахнулась пред Раем,
Мир земной нынче вам уж не мил.
Я стою с вами рядом у края
Свежевырытых кем-то могил.

Палачи со стеклянным взором
На курок нажимают легко,
И поют вам Архангелы хором,
Разнося свою песнь далеко.

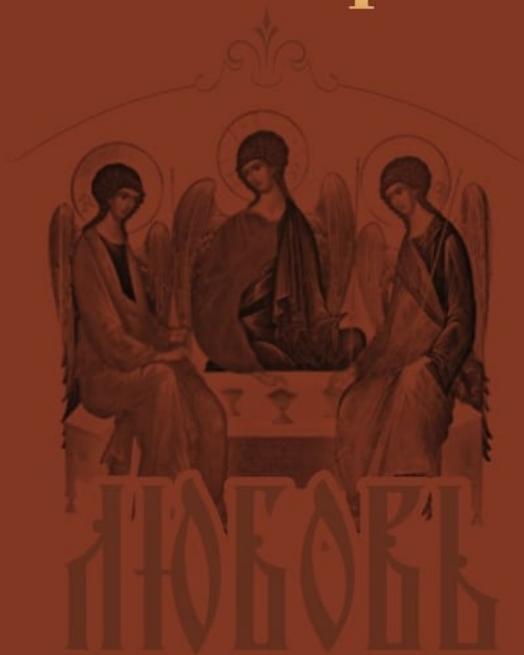
Не могу я от слёз удержаться,
Но и радость теснится в груди,
Ведь святые сестрицы и братцы
Освящают нам путь впереди.

Эти кроткие милые лица,
Эти полные Света глаза.
И «Тебе это вовсе не снится», —
Мне тихонечко Ангел сказал.

*Протоиерей
Николай Германский*

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

К БОГУ • К ЧЕЛОВЕКУ • К ОТЕЧЕСТВУ

Пророчество Святителя Николая Сербского о Святой Руси

Наступает время и настало уже, когда мученичеством крещённая Святая Русь свяжёт всех терзающих её идолов и, подобно Святому Владимиру, свергнет их с Земли Русской в пропасть бездонную.

Наступает время и настало уже, когда в России не просто будут обновляться иконы святых, как это происходит уже сейчас, но когда воинство живых русских святых от Святого Владимира, Святого Серафима и до последних

Новомучеников с Царём-мучеником во главе возвестит небу и земле, что народ русский заново рождён в страданиях, снова крещён, преображён Христом и готов помочь всему миру.

Наступает время, братия мои, вот уже на пороге оно, когда грязью залитое, измождённое страданиями лицо русского народа просияет, как солнце, и освятит тех, кто сидит во тьме и сени смертной. И тогда все народы земные благодарно возгласят: «Русь наша, Мученица наша, красно солнышко!» ...

Блаженны вы, плачущие ныне с Россией, ибо с нею утешитесь!

Блаженны вы, скорбящие сегодня с Россией, ибо с нею возрадуетесь!

